

ПИОНЕР

ИЮЛЬ

7

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» 1969 г.

ТВОЙ ПОЛЬСКИЙ ДРУГ

У твоего друга из Варшавы, Вроцлава или Катовиц уже был день рождения или еще только будет. Он получил твое поздравление или еще получит.

Но скоро наступит день — 22 ИЮЛЯ, и тогда все ребята и взрослые во всех городах и селах Польской Народной Республики будут сообща отмечать день рождения — день возрождения своей страны.

Это будет большой и радостный праздник — двадцатипятилетие освобождения от фашистского рабства, двадцатипятилетие новой, свободной жизни.

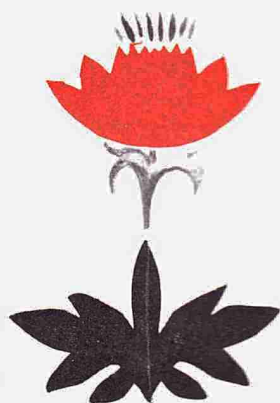
**К ЭТОМУ ДНЮ МЫ ПОСЫЛАЕМ
НАШЕМУ ПОЛЬСКОМУ ДРУГУ
СВОЕ ПИОНЕРСКОЕ ПОЗДРАВЛЕНИЕ!**

«Пионер» обращается ко всем своим читателям:

В лагере и в школе,
во дворе и Дворце культуры

проведем месячник
польско-советской
дружбы.

Пусть состоятся встречи с польскими друзьями, фестивали польских фильмов, вечера польских песен и танцев. Мы

расскажем ребятам о том, как живет, трудится народная Польша, как действуют наши друзья — польские харцеры. Нужно только подумать и решить, что можешь сделать ты.

Мы надеемся, что ты впишешь в календарь дружбы немало интересных дел, посвященных юбилею новой Польши.

Пионерский

салют
ДРУГУ!

Слышали, говорят: «Лето не за горами»? Ключик не согласен: лето уже повсюду и за горами тоже, в лесах, на речках, и у теплого Черного моря — смотрите обложку! — у кого хорошее воображение, тот и выкупаться сумеет... Но это шутка, а всерьез...

Свердловский юнкорский отряд «КАРАВЕЛЛА» поднял свой флаг на Уктусских горах. Там у этих ребят лагерь, и какой! **Какой?**

ЧИТАЙТЕ НОВУЮ ПОВЕСТЬ писательницы **М. Прилежаевой!** Читайте, рассказ идет о всей жизни вождя революции. Называется повесть «**ЖИЗНЬ ЛЕНИНА**». Рисунки сделал **О. Верецкий.**

Звон сабель — слышите? И ржание коней и топот... В номере Куликовская битва. Ею мы начинаем серию рассказов о военном искусстве, о стратегии и тактике великих полководцев. Пишет об этом **А. Митяев.**

СМОТРИТЕ — КОРАБЛИ! На этот раз вы поплаivate в экипажах исследователей. **КОЛУМБ, ТУР ХЕЙЕРДАЛ, БЕЛЛИНСГАУЗЕН и ЛАЗАРЕВ** — вот ваши капитаны. Курс — все моря, время — все времена.

Ключик опасается, не пропустили бы вы чего-то интересного. Например, «**ЗВЕРЕК**», новый фантастический рассказ **С. Гансовского.**

Продолжаем печатать нашу историю театра. В этом номере — **ШЕКСПИР.**

Лето? Лето! Так шейте шорты! Как? «Храбрые портняжки» научат. Ну, сшили? Наденьте! Чудесно, вам очень идут эти брючки, у которых так замечательно много карманов. Во что одеться, ясно, а чем бы заняться так удобно одетому человеку? Найдем! Смотрите, во-первых, советы старого рыбака, и, во-вторых, последняя страничка номера дает заманчивую возможность построить **ЯХТУ, КОРАБЛИК-ВЕРТУШКУ, ВОДЯНОЙ ТИР.**

Про **ТОМА СОЙЕРА** не спрашиваем — знаем: все помнят. Но вот кое-что новое к знаменитой истории с окраской забора добавляет журналист **В. Зорин.**

Легко допустить, что вы любите географию. Значит, с удовольствием прочтете о речке Супутинке. Бежит она на Дальнем Востоке, рассказал про нее биолог **Ф. Штильмарк.**

И, наконец, у нас в журнале лагерь «**ОРЛЕНОК**». Кстати, туда на пиратском, но летающем корабле полетел Смехотрон с друзьями. На этом ставлю точку.

**КЛЮЧИК СЕДЬМОЙ
ИЗ 1969 ГОДА.**

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ и
Центрального Совета Всесоюзной
пионерской организации
имени В. И. Ленина

ИЮЛЬ 7

Издательство «Правда»

1969 г.

Мария ПРИЛЕЖАЕВА

ЖИЗНЬ

Радость

Над тихим городом Симбирском заливаются жаворонки. Звенят в небе над Волгой. Волга круто повернула у города, несет к югу глубокие воды. Льды недавно прошли. С высокого симбирского берега видны луга, синие дали. Плывет по Волге пароход.

«Белый пароход, куда ты плывешь?»
«Далеко, к морю Каспию».

В Симбирске весна. Хором щебечут воробьи. Все улицы и сады полны птичьим щебетом. В молодом Карамзинском сквере по черной клумбе важно расхаживает грач с большим серым клювом. Ветер треплет ветви берез. На улицах весенняя радость.

И в доме Ульяновых радость. Дом Ульяновых недалеко от Волги. Солнце горячо светит в окна. Доносятся гудки пароходов.

Мама нагнулась над колыбелью. В колыбели сын. Мама глядит на него с задумчивой лаской: «Кем ты будешь? Какая тебя ждет судьба?»

Вошел отец, Илья Николаевич. Илья Николаевич Ульянов — инспектор народных

училищ Симбирской губернии. У него важная работа. Хорошо ли учителя учат ребят? Илья Николаевич помогает, советует учителям, как лучше учить. Добивается, чтобы открывалось как можно больше новых народных школ в Симбирской губернии. Заботится, чтобы вдоволь было для школьников книг и учебников. Очень полезная для народа работа у Ильи Николаевича!

— Машенька! — позвал он, входя. — Добрый день, Машенька.

Вместе с отцом пришли к маме старшие дети, Анюта и Саша. Анюте, темноглазой и курчавой, шесть лет. Саше — четыре. Полные любопытства, приблизились они к колыбели.

— Дети! — сказал Илья Николаевич. — У вас родился брат. Любите его.

— Какой маленький! — удивилась Анюта.

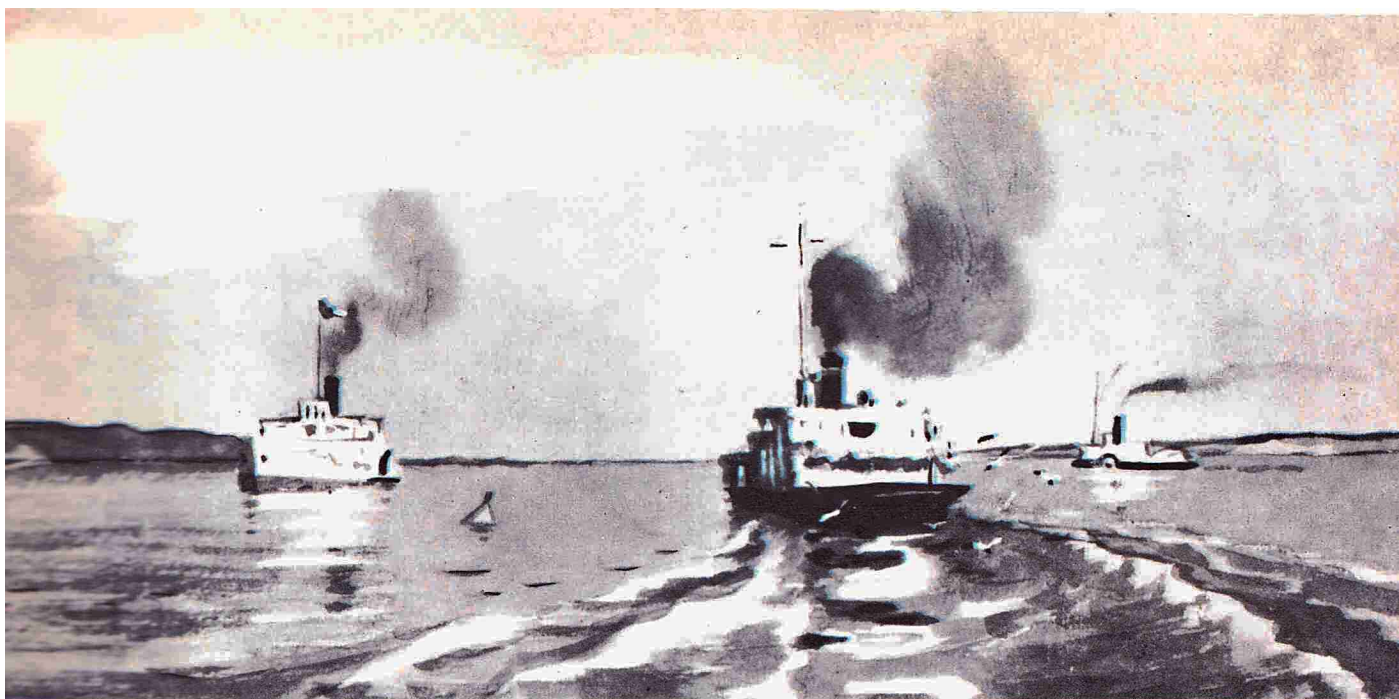
— Подрастет, будет большим! — ответил отец.

— А как его зовут? — спросил Саша, поднимаясь на цыпочки, чтобы лучше увидеть младшего брата.

— Назовем Володей, — ответила мама.

— Хорошо, пусть будет Владимир, — согласился отец.

— Хорошо, хорошо! — согласились и дети. — У нас брат Володя.

ЛЕНИНА

ПОВЕСТЬ

Рисунки О. ВЕРЕЙСКОГО.

Так 22 апреля 1870 года в городе Симбирске на Волге появился на свет новый человек Владимир Ульянов, который станет после великим Лениным.

Зимние вечера

День за днем, год за годом, Володя подрос — исполнилось восемь лет. Он давно не младший в семье. Теперь Маняша лежит в плетеной колыбельке. Да еще Оля и Митя родились после Володи. Анята, Саша, Володя, Оля, Митя, Маняша. Да папа, да мама. Вот какая большая семья!

Анята и Саша ходят в гимназии. Всегда у них новости и рассказы о товарищах и подругах, об уроках и книгах. А Володя только готовится поступать в гимназию, арифметике и грамоте его учит учитель. И мама. Мама тоже может быть учительницей. Сдала экзамены и получила диплом. Много разных интересных историй знает мама. О жарких и холодных странах. Об умном псе сенбернаре, который спас путника, заблудившегося в альпийских снегах. О шестивии на Россию Наполеона и Бородинском сражении.

Не перечислить всех маминих рассказов зимними вечерами за обеденным столом. Горит всякая лампа под белым абажуром. Мягко падает свет. Рассказывай, мама.

А то все засядут на целый вечер за книжки.

Володя любит эти вечера, разрисованные морозом зимние окна, мамин голос или тихий шелест страниц!

В разгаре зимы перед елкой вечера особенно дружны и веселы. В столовой настоящая мастерская игрушек. Стол завален разноцветной бумагой. Дети режут и клеят из бумаги коробочки, домики, цепи для елки.

Илья Николаевич работает. Мама плотно прикрыла дверь из столовой, чтобы в папин кабинет не долетали голоса.

Шумит и извивается в руках детей длинная цепь из розовых, синих, золотых и желтых колечек. Скоро зажгутся свечи на елке. Елка уже стоит в темном зале, дожидается, когда будут ее наряжать.

— Идем посмотрим елку,— позвал Володя.

Оля мигом согласилась:

— Идем!

Маленький Митя спрыгнул со стула.

— И я.

— Возьмемся за руки, цепью,— сказала Анята.

Неслышно шагая, они вошли в зал. Таинственно в темном зале. Сквозь ледяные узоры окон светит луна. Белые пятна лунного света лежат на полу. Одиноко высится елка. Запах хвои льется от ее лапчатых веток. Дети бесшумно обогнули елку.

— Идемте по всему дому, — позвал Володя.

Все почему-то затихли. Новый сегодня вечерний дом, необычный. Дом и верно новый, они недавно сюда переехали. Вот мамина комната, отгороженная от коридорчика не стеной, а занавеской. Слабо горит ночник на комодке. В колыбельке Маняша. Живая цепь тихо обогнула колыбель Маняши. Потянулась дальше, в угловую нянину комнату. В няниной комнате кровать под лоскутным одеялом. Возле стены кованый железный сундук, крышка изнутри заклеена картинками и конфетными обертками, дети любят веселый нянин сундук.

Дальше. По узенькой лестнице поднялись на антресоли, в детские комнаты. Здесь еще ярче и полнее светит луна. Снежные цветы на замороженных окнах похожи на пушистые папоротники.

Не разрывая рук, дети цепью обошли антресоли и спустились по узенькой лестнице вниз.

Распахнулась дверь из кабинета отца, и он появился на пороге.

— Вот она, моя гвардия! — воскликнул отец, загребая в охапку разом их всех.

Но заметил: дети задумчивы. Крепко держатся за руки. Отец не знал, что Володя придумал игру: обойти цепью весь дом.

И все же о чем-то отец догадался и с чувством сказал:

— Мои дорогие, дружите всегда, как сейчас.

Летний день

Лето — золотая пора! Летом в Симбирске жарко, сухо. Зреют в садах яблоки. Симбирск полон садов. Позади дома Ульяновых тоже есть сад. Небольшой, а чего только в нем нет! Серебристая аллея из тополей. Вязы раскинули шатры, в самый зной под ними не жарко. Разрослись акации, такие цветистые, что название у них «Желтый бор». Растет осинка, зовут ее Аниной. Аня любила это тоненькое деревцо с дрожащими листьями.

Семь утра. Солнце скользнуло в окно, теплый луч лег на подушку. Володя проснулся. Открыл глаза, секунда и — на ногах. Гимнастика — раз, два, три! Умылся —

и вихрем в сад, под яблони. Особенное удовольствие — опередить братьев и сестер, собрать упавшие за ночь яблоки и потом всех угощать. И поддразнивать:

— Сони, лежебоки, проспали!

Впрочем, в доме Ульяновых все поднимаются рано. У Саши и Володи обязанность: натаскать из колодца воды в кадки для поливки цветов. Не натаскали с вечера, давайте сейчас. Иногда поливать цветы выйдет мама. Иногда дети управятся сами.

Скоро в столовой на столе кипит самовар. И мама напоминает за завтраком: сегодня французский день. Значит, за столом говорят по-французски. Завтра по-немецки. Послезавтра по-русски. Конечно, легче бы каждый день говорить по-русски. Но мама считает, надо знать иностранные языки.

— Что ты будешь делать после завтрака? — спросила Оля Володю.

— Как Саша.

— Я буду читать, — сказал Саша.

Как всегда, Саша будет читать. Он читает серьезные книги. Сашу интересует химия, естественные науки. Саша устроил химическую лабораторию во дворе. Завел живой уголок: там копаются в листьях ежик, белка скачет в клетке по жердочкам.

Раздолье летом! С утра забирай, какую пожелаешь, книжку, найди в саду потенистее уголок и — все на свете забыто. До обеда только птицы слышны в саду. Да стук маминой машинки долетает из дома: постоянно мама кому-нибудь из шестерых детей что-то шьет. И девочек научила шитью.

После обеда, вволю начитавшись, Оля — Володе:

— Идем играть.

— В черную палочку, палочку-застукалочку! «Черная палочка пришла, никого не нашла, кого первого найдет, того с палочкой пошлет».

Все врассыпную по саду. Кто-то водит. Неслышно крадется. Вон качается зеленый зонт лопуха...

А вечером, когда солнце уходит со двора, на крокетной площадке крокет. Строго по правилам. Нельзя вести шар. Надо бить коротким ударом. Нельзя! Надо... Володя и папа — самые азартные спорщики. Самые хохотуны. Смеху во время игры!

Между тем солнце клонится к западу, близится вечер. Спала жара.

— Сыновья, на Свягу! — слышится команда отца.

Весь дом Ульяновых отправляется на Свягу купаться. Мальчики — с отцом, девочки — с мамой.

Свияга — тихая речка, мирно течет в зеленых берегах. С разбегу — с мостков — бултых в воду, брызги фонтаном, и Володя наперегонки с папой и Сашей плывет.

Небо еще светлое, розовое от зари, а над горизонтом уже зажглась первая голубая звезда.

Володя и Саша идут после купания вдвоем, впереди.

— О чем ты задумался, Саша?

— Обо всем. Видишь звезду? Откуда она? Как она началась? Как началась жизнь на Земле? Зачем мы живем? В чем наша цель?

Володя слушает. Мысли бегут. «Зачем мы живем? В чем наша цель? Интересно жить, думать, спрашивать, узнавать, что-то делать. Умный Саша. Хочу быть, как Саша».

На пароходе

Двухпалубный пароход стоял у пристани. Окна кают горели на солнце. Надраенная медь сверкала, как золотая. Все было чисто, парадно. Капитан отдавал в рупор команду.

«Не опоздать бы», — в беспокойстве подумал Володя. Но папа и мама не беспокоились, и Володя молчал. Только нетерпеливо сжимал ручку корзинки с продуктами да вертел головой, боясь пропустить что-нибудь интересное.

«Скорее бы все-таки на пароход, вдруг отчалит...»

Папа проверил, целы ли билеты. Пересчитали вещи. У каждого корзинка или сверток по силам. А самый тяжелый узел поднял на плечо матрос и, не согнувшись, понес в каюту. Пароход прогудел два раза долгим басистым гудком, в третий раз коротко. Закрутились колеса, забила вода, зашумела вода под плицами, пароход отошел от Симбирска. Поплыли в Казань.

Каждое лето они уплывали в Казань. Оттуда сорок верст на лошадях в деревню Кокушкино. Володя с зимы начинал ждать это путешествие по Волге в Казань и в Кокушкино.

Симбирск позади. Долго виднеются его красные крыши в садах на высокой горе. Волга повернула, и Симбирска больше не видно.

Стая чаек с пронзительными криками провожает пароход. Кто-то из пассажиров кормит чаек, они на лету ловят хлеб или камнем падают к воде и снова ввысь, в небо.

Володя побросал чайкам крошек и побежал к машинному отделению. Паровая ма-

шина, блестя медью и маслом, дрожа от напряжения, шумно работала. Поршни без остановки ходили, со свистом вырывались горячие струйки пара. Голый до пояса кочегар, весь в копоти, работал у жаркой топки. Ручейки пота текли у него по спине.

— Живей поворачивайся, — подгонял машинист.

Кочегар схватил кружку, зачерпнул из ведра, жадно припал. Провел ладонью по мокрому лбу, вытер ладонь о штаны.

Шлепая плицами, пароход усердно бежал вверх по Волге. На палубе пассажиры гуляли, любовались прекрасными видами.

Папа вышел из каюты с шахматной доской. Эти шахматы удивительно были красивы, папа вырезал их из дерева, каждую фигуру отдал по-разному.

— Сразимся? — предложил Володе отец.

После папы Володя был первым в семье шахматистом.

Отец играл с ним на равных, хотя Володе всего десятый год. Впрочем, не так уж мало, в августе держать экзамены в гимназию — прощайся с волей, казак!

— Милостивый государь, не угодно ли шах? — объявил отец.

— Уважаемый противник, нам шах не угоден.

Володя живо двинул коня на защиту. — Хитер! В таком случае идем этой пешкой.

— А мы от вашей пешки ускорим, а сами...

Володя сделал неожиданный ход. Отец кивнул одобрительно. Ему нравилась Володина смелость в шахматах.

Ветерок шевелил Володины каштановые с рыжеватинкой волосы. Солнечная Волга слепила глаза.

— А в машинном отделении так жарко! — жмурясь, вспомнил Володя. — Нефтью пахнет. Кочегар обливается потом. Неужели как-нибудь нельзя облегчить?

Отец промолчал. Подошел Саша и, пожав плечами:

— А кто будет об этом заботиться? Хозяину парохода безразлично, тяжело кочегару или нет.

— Но ведь несправедливо!

— Справедливостей не так много на свете.

Оба мальчика поглядели на отца.

— Папа, ты защищаешь справедливость, мы знаем, — горячо сказал Саша.

— Каждый на своем месте должен защищать справедливость, — ответил отец.

Пароход загудел широко, на всю Волгу. Шел встречный, пароход слал приветствие этому встречному. Волга сильней закачалась, покатила к берегам длинные волны.

Кокушкино

Сутки на пароходе, сутки в Казани, на третий день к вечеру приехали в деревню Кокушкино. Всю дорогу Володя рассказывал Оле и Мите о жизни в Кокушкине. Оля и Митя слушали, будто никогда не видели Кокушкина, уж очень увлекательно Володя описывал. Катания по реке Ушне на лодке. Извилистая быстрая Ушня! Рыбы в Ушне! В круглых омутах ходят зубастые щуки. Шныряют проворные ерши. Окунь жадно хватается за наживку.

— Митя! Ключуло, вытаскивай, Митя, окунь, толстенный.

Митя едва из тарантаса не выпрыгнул. Возница, подхлестывая лошадь вожжами, одобрительно хмыкал:

— Расписывает-то как, ишь, сказочник, а!

Сказочник, расцветая от похвалы, расписывал дальше. Кокушкинские грибные леса. Красные от земляники вырубки. Маляники в ближнем овраге. Сенокосы на лугах. Ночное, когда после вечерней зари деревенские ребята скачут верхами, гонят коней пастись до утра на лесные поляны.

В Кокушкине есть дом, оставшийся после смерти деда маме и маминым сестрам. Мама приезжает в Кокушкино пожить летом с детьми. И мамины сестры приезжают с детьми. Веселое собирается общество!

Вон и Кокушкино показалось, небольшая деревенька с соломенными крышами на крутом берегу реки Ушни. А вон, чуть поодаль, в саду, деревянный дом с колоннами и мезонином.

Здравствуй, Кокушкино! Володя первым соскочил с тарантаса, стремглав помчался обежать любимые места, оглядеть сад, поздороваться с кустами сирени, лужайками, клумбами. Оля летела за ним.

— Смотри, Оля, какой пышный стал сад!

— А вон, Володя, скамейка, наша под липами, низенькая, будто в землю вросла.

— А вон спуск к реке. Спустимся?

Спустились. Узнали Ушню. Ольхой и плакучими ивами заросли берега. Из воды смотрели золотые кувшинки. Может быть, в одном таком желтом цветке жила Дюймовочка из андерсеновской сказки. Старая лодка привязана к колышку, уткнулась носом в берег. Хочется покататься. И в лес сбегать хочется.

— Пойдем, Оля, в лес.

— Сейчас? Одни? Вечер, Володя.

— Ну и что же, что вечер? Не беспокойся, ты ведь со мной.

Оля засемила рядом, хотя было немало ей страшновато. Особенно в овра-

ге. Овраг довольно глубокий. Сюда не доходило вечернее солнце, было сыро и сумрачно.

Вышли из оврага. Перед ними был скошенный луг, тесно уставленный копнами сена. А там, совсем близко, и лес. За зиму Володя и Оля отвыкли от леса, ветвистых берез, косматых елей, непроходимой чащобы орешника. Лес показался Володе и Оле дремучим. Солнце зашло. Немного и у Володи стало на душе беспокойно. Но отступать нельзя. Он шел вперед. Оля за ним. Темнота леса надвигалась на них. Деревья их окружили. Неба не видно, луга с копнами сена не видно. Под ногой треснул сучок.

— А вдруг райбойники на нас нападут? — спросила Оля.

Володя знал, разбойников в кокушкинских лесах не бывает. Но невольно с опаской огляделся по сторонам. Казалось, за каждым деревом притаился кто-то.

— Ты не боишься, Володя, разбойники? — шепотом спросила Оля.

— Не боюсь. И ты не бойся. Здесь не водятся разбойники.

— У-ух! — ухнуло из леса. Резко, отрывисто: — Ух!

Ветер пролетел поверху, прошумел в листьях деревьев. Оля схватилась за брата:

— Что это?

— Наверное, сова. Да, конечно, сова. Слышала про сов? Самые умные птицы.

— Пойдем домой, Володя.

— Пойдем.

Он повел Олю, осторожно выбирая в сумраке дорогу, раздвигая кусты. Лес был полон валежника. Они спотыкались. Володя чувствовал: рука сестренки дрожит в его руке. Вдруг ему показалось, они заблудились. Сердце застучало редко, сильно, как молоток. «Зачем я завел Олю?»

— Завтра утром поедем, Оля, на лодке, — сказал Володя, бодрясь, — покажу тебе замечательное место. А еще я одну земляничную поляну помню, в десять минут целую корзинку земляники с тобой наберем...

Он говорил, чтобы отогнать от себя страх и успокоить Олю. Говорил, пока не поредели деревья, стало светлее, показался скошенный луг и овраг. За оврагом деревня Кокушкино.

— Наш дом! — закричала Оля. — Володя, я почти не боялась.

Володе теперь тоже представилось, что он ничуть не боялся.

Он очень любил Олю. Сегодня Володя узнал, как сильно любит он свою дорогую сестренку.

Они весело пошагали домой. Их догоняла песня. Крестьянские девушки возвращались с поля и пели:

Зеленейся, зеленейся,
Мой зелененький садочек.
Расцветайте, расцветайте,
Мои алы цветики.

Гимназист

Наступил августовский день 1879 года, когда Володя пришел в гимназию держать экзамены в первый класс. Двухэтажная каменная гимназия стояла в центре горо-

да, недалеко от Волги. Здесь Володя будет учиться восемь лет.

— Владимир Ульянов! — вызвал учитель.

Несколько учителей строго сидели за экзаменационным столом. Володя смело вышел к доске. Учителя задавали вопросы. Володя отвечал без запинки. Дали задачку. Быстро решил.

— Чей это даровитый мальчик? — спросил один учитель другого.

— Сын Ильи Николаевича Ульянова, директора народных училищ.

К тому времени Володин отец стал уже директором. Учителя не только в Симбирске знали и уважали его, но и во всей Симбирской губернии.

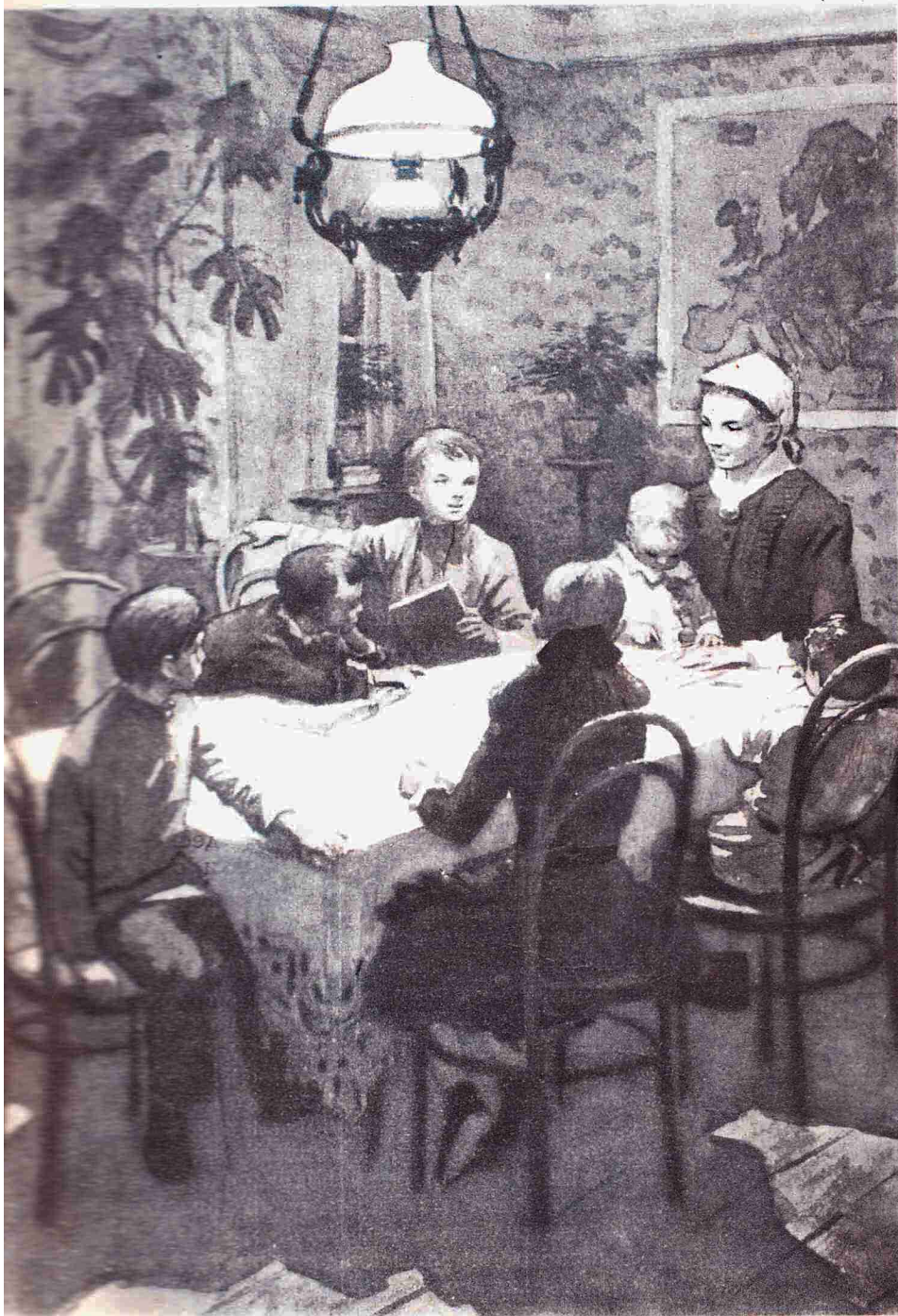
— Даровитый сын у Ильи Николаевича и весьма подготовленный, — согласились гимназические учителя.

И поставили Володе по всем предметам пятерки.

— Володя — гимназист! Володя — гимназист! — встретили дома. Братья и сестры тормошили и поздравляли его. Мама примерила Володе гимназическую форму с блестящими пуговицами. Завтра он пойдет на уроки в первый класс. Мама смотрит в окно. Теперь у нее два гимназиста, Саша и Володя. И гимназистка Аня. Время летит, дети растут.

Вечером в доме Ульяновых, в столовой, зажжена висячая лампа под белым абажуром. Дети собрались готовить уроки на завтрашний день. У пятилетнего Мити уроков нет. Высунув от усердия язык, Митя рисует

Дети собрались в столовой готовить уроки на завтрашний день.

пароход с дымной трубой и высокие волжские волны. Володя отделался быстро: не так много задано в первый день первоклассникам. Отточил карандаши. Он любил, чтобы было много карандашей и чтобы были тонко отточены. Карандаши — загляденье! В тетрадях ни пятнышка, учебники в чистых обложках. Уложил в ранец, все приготовил на завтра. Теперь чем заняться? С хитрым видом принялся что-то мастерить из бумаги. Смастерил кузнечика, сбегал к няне за ниткой, привязал. Скок! Кузнечик прыгнул Анюте под нос на учебник.

— Володя, не мешай. Снова ты с шалостями.

Нитка дернулась, кузнечик убрался. Через секунду на Сашину тетрадку — скок.

— Володя, отстань.

Кузнечик не отстает. Скачет и скачет, никак не уймется. За столом смех, пока кто-нибудь не поймает кузнечика, оторвет нитку и бросит.

— Угомонись, — говорит Володе Аня.

Володю угомон не берет. Энергия в нем бушует. Как бы еще пошутить?

— Митя, а Митя.

Митя тоненько взвизгнул, предчувствуя что-то забавное, а может быть, страшное. Володя приставил два пальца к вискам, сделал грозный вид.

— Идет коза рогатая, идет коза бодатая, кого бы ей забодать?

— Не меня, не меня!

Рога идут, приближаются к Мите, медленно, прямо к нему. Митя кубарем с визгом и смехом скатился со стула под стол. В дверях появился отец.

— Володя, идем ко мне.

Еще не остывший от шалостей, Володя вошел в кабинет. Здесь стоял книжный шкаф, в простенке меж окон большой письменный стол, а у другой стены овальный столик и диван для посетителей.

— Сядь, — сказал отец. — Посиди.

И углубился в работу. С малых лет Володя чувствовал уважение к кабинету отца. Папа много работал, очень много. Выезжал в губернию, в деревенские школы за сотни верст и в зимние морозы и в осеннюю грязь. Не было, наверное, ни одной начальной школы в Симбирской губернии, куда бы Володин отец не приезжал помогать учителям. А дома надо писать отчеты,

планы, педагогические статьи и заметки. Отец работал с утра до ночи.

— Володя, — позвал через некоторое время отец.

Володя охотно подошел. Шалости уже вылетели у него из головы.

— На сегодня окончил работу, — сказал отец, аккуратно складывая в папку бумаги. — Кончил дело, гуляй смело. А другим не мешай, — несердито погрозил он Володе. — Ну, как в гимназии дела, гимназист?

Володя рассказал, как дела. Ничего дела.

Из зала донеслась негромкая музыка.

— Пойдем, брат, послушаем, — позвал отец.

Они тихонько вошли в зал. Был полумрак. В подсвечниках рояля горели свечи. Мама играла. Что-то светлое, ясное играла мама. Володя с отцом сели в уголке и долго слушали музыку.

Будь товарищем

Зазвенел звонок к уроку. Второклассники с шумом занимали места. Была весна. Окна были открыты. Вдруг с улицы на подоконник вскочила кошка.

— К нам новичок! — хохоча, крикнул кто-то.

Вошел учитель. Мальчик, сидевший у окна, не долго думая, схватил кошку, сунул в парту, захлопнул крышку.

Что-то светлое, ясное играла мама. Володя с отцом сели в уголке и долго слушали музыку.

— Начнем урок,— сказал учитель, поднимаясь на кафедру и поправляя на носу пенсне.

«Мяу»,— промяукала кошка.

— Что такое?— строго сдвинул брови учитель.

В классе послышались кашель и шорохи, у кого-то шлепнулись на пол книги. Гимназисты старались всячески заглушить мяуканье кошки в парте.

А она все пуще: «Мяу, мяу».

Мальчик, спрятавший кошку, перепугался, что влетит от учителя, и выпустил кошку. Кошка, как ни в чем не бывало, направилась между партами к учительской кафедре. Второклассники замерли. Учитель побагровел, пенсне упало с носа, повисло на шнурке.

— Что за безобразие? Кто принес?

— Мы не приносили. Она сама вскочила в окно.

— Кто спрятал? Сейчас же сознавайтесь! Кто прятал кошку? Назовите тотчас!

Ни звука в ответ. Никто не оглянулся к окну, где тот мальчик сидел ни жив ни мертв от грозного крика.

— Смутьяны!— сказал учитель.— Будет доложено инспектору.

Урок прошел в глубокой тишине. После звонка, когда удалился учитель, Володя вышел вперед перед классом.

— Ребята, не выдавать!

— Верно, Ульянов! Не выдавать! Ни за что!

С последней парты поднялся один второклассник, длинный, тонкий, скрытный, неслышный. Бочком незаметно ушел. «Куда он?»— удивился Володя. Но некогда

было раздумывать. Обсуждали происшествие. Никто не обратил внимания на то, что Длинный ушел.

— Ребята,— сказал Володя,— молчать, как один.

— Как один!— подхватил второй класс.

Было и боязно, и дружно, и какой-то у всех был подъем. Длинный вернулся, тихо сел за свою парту.

В конце перемены появился инспектор, выпячивая грудь в зеленом мундире.

— По местам!

Вмиг второклассники были за партами. Стояли. Что будет?

Инспектор леденящим взглядом обвел второклассников и... задержался на мальчике, спрятавшем кошку.

— Вон из класса! Единица за поведение. В карцер.

Мальчик, ошеломленный, отправился в карцер. Инспектор оставил класс. Все были поражены. Как мог инспектор узнать? Кто-то наябедничал. Кто?

— Среди нас есть ябеда,— сказал Володя.

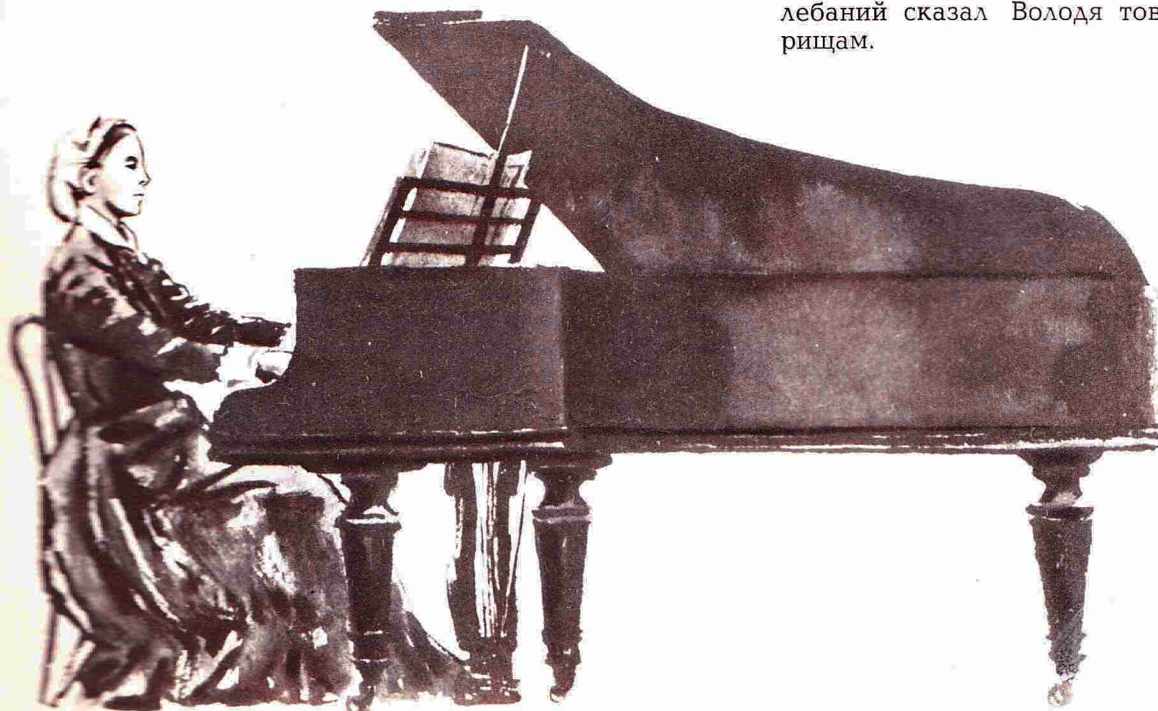
«Есть ябеда»,— поняли все.

Всем стало гадко. Володя оглянулся на Длинного. У того горели уши, пугливо шныряли глаза.

Плохо стало в классе. Каждая проказа и малейшая шалость становились известны инспектору. Ежедневно кого-нибудь то в карцер, то без обеда. Мальчики стали подозрительны. Боялись дружить. У всех вертелась мысль: «Кто же, кто ябедничает инспектору?»

Однажды в перемену Володя увидел, как из кабинета инспектора выскочил Длинный и, прячась, шмыгнул в ребячью толпу. «Он»,— понял Володя.

— Он ябедничает,— без колебаний сказал Володя товарищам.

*Длинный остался один,
совершенно один.
Никто не говорил
с ним ни слова.*

Многие уже и сами догадывались.

— Я его изобью! — сжимая кулаки, возмущался Дима Андреев, Володин товарищ. — Ребята, подстережем его на улице, проучим.

— Лучше по-другому проучим, — сказал Володя. — Объявим бойкот.

— Что такое бойкот?

— Не разговаривать, не отвечать на вопросы, не замечать, будто его нет.

Как раз вошел Длинный. Глаза, как всегда, жалко суетились и бегали. Он заметил, все умолкли при его появлении.

— Какой сейчас у нас будет урок? — тихо спросил Длинный.

Никто не ответил.

Один мальчик подбежал к доске, написал крупно: «С ябедой не разговариваем» — и стер тряпкой.

Длинный съезжился и, втянув голову в плечи, ушел на свою парту.

Володя его презирал. Когда Длинный попадался навстречу, Володя глядел мимо. И все так. Длинный остался один, совершенно один. Никто не говорил с ним ни слова. На него не глядели. Не замечали.

Шли дни. Шла неделя, другая, третья. Доносов не стало. Второклассников не сажали каждый день в карцер.

— Он перестал ябедничать, мы его прочили, — говорили между собой второклассники. Но по-прежнему не замечали его.

Раз после уроков Володя вбежал в пустой класс взять забытую книжку. Длинный сидел на последней парте и плакал. У Володи сжалось сердце, он подошел.

— Ты раскаялся? Ты больше не будешь?

Длинный поднял дрожащее, залитое слезами лицо. С ним говорили, он не верил ушам!

— Никогда, никогда! — залепетал он. — Я от страха. Я боялся, что инспектор прогонит меня из гимназии за то, что плохо учусь. Больше никогда не буду ябедничать. Не могу я так жить, без товарищей!

— Будь сам товарищем, и у тебя будут товарищи, — ответил Володя. — Ну, ладно, мы верим. Уговорю ребят, что тебе можно верить.

И бойкот Длинного во втором классе кончился. Никто не поминал прошлого. Длинный получил урок на всю жизнь. И все второклассники получили урок.

Тревожно

Брат Саша не любил гимназию. Там царствовал казенный дух и муштра. А учился отлично, кончил с золотой медалью. Володя тоже не любил гимназические порядки и тоже учился отлично с первого до последнего класса.

Когда Володя был в младших классах, отец опасался, приучится ли Володя к труду. Уж очень был он способен, уж очень легко схватывал новое. После папа убедился, как настойчиво умеет Володя работать. Да и то сказать, было у кого научиться: в доме царствовало глубокое уважение к труду.

Саша кончил гимназию и поступил студентом в Петербургский университет.

Перед отъездом Саши в Петербург братья пошли на Венец. Так назывался в Симбирске высокий берег, круто обрывающийся к Волге. Братья с детства любили Венец. Просторное небо над ним. Просторные открываются дали.

— Что тебе нравится более всего в человеке? — спросил Володя.

— Труд. Знания. Честность, — ответил

Саша — И, подумав, добавил: — По-моему, такой наш отец.

Сашины слова о папе вспоминались и вспоминались Володе сейчас. У Володи выдержанный и твердый характер, но и его начинала брать тревога: папа уехал в командировку в деревенские школы. Давно пора бы вернуться, а его нет и нет.

Володя занимался на антресолях, в своей крошечной комнатке, где всегда был безупречный порядок. Не брошена на пол бумажка, не захламлен маленький письменный стол. Рядом такая же крошечная комнатка Саши. Пустая. Третий год Саша учится в Петербургском университете. И Анюта в Петербурге, на Высших женских курсах. Володя скучает об Анюте и Саше, особенно о Саше. Когда Саша жил дома, они обсуждали прочитанные книги и жизненные случаи, говорили часами. О чем только не говорили они и как интересно!

— Однако довольно предаваться воспоминаниям, — оборвал себя Володя. — За дело!

Уроки выучены. Как в детстве, аккуратно приготовлен на завтра ранец. Весь вечер Володя читал. У него был громадный план чтения! Сюда входили история, книги об устройстве общества и жизни народа. Володя читал Тургенева и Пушкина и, конечно, Толстого.

Гимназические учителя не знали, что, кроме того, он читал запрещенные книги Добролюбова, Писарева, Белинского, Герцена. Эти книги говорили о том, чего никогда Володя не слышал на уроках в гимназии. Они открывали глаза на несправедливости в обществе.

...Володя оторвался от страниц, взглянул на часы. Ух, как зачитался! Надо проведать маму. Он сунул книжку в стол и побежал вниз, в столовую.

Мама была не одна. Друг и сослуживец отца Иван Яковлевич Яковлев зашел на часок по-соседски. Он был чувашиним, служил инспектором чувашских училищ, был образованным, горячим защитником своего маленького, забитого царской властью народа. Неторопливый, полный достоинства, Яковлев прочувствованно говорил маме:

— Наш Илья Николаевич тем удивителен, тем благороден, что в деятельности своей заботится не об угождении начальству, а о пользе народной. Множество добра сделал Илья Николаевич и нам, чувашам и мордвинам. Сколько школ для нас пооткрывал! Власти не дают открывать чувашские школы, а он хлопочет, из последних сил добивается.

Мама сказала:

— Долго что-то не едет. Как я за него беспокоюсь!

— А вы погодите нервничать, Мария Александровна. Илья Николаевич — человек увлекающийся. Задержался где-нибудь в школе. Да и дороги неблизкие.

Из зала слышалась тихая музыка. Оля играла Чайковского. Все примолкли и слушали.

Но что это? Бубенчики! Ближе. Звонче. Сюда, к нам. Володя вскочил. И мама порывисто встала, лицо оживилось, глаза заблестели.

— Володя, дети, папа приехал!

Да, теперь слышали все, бубенчики залились под окном и остановились возле ворот. Илья Николаевич, в тулупе поверх форменной шинели, вошел с ледяными сосульками в бороде, весь замороженный.

*Перед отъездом Саши
в Петербург братья
пошли на Венец.*

— Здоров, слава богу, здоров! — облегченно воскликнула мама.

Все помогали отцу раздеваться. Тащили домашнюю куртку и туфли. Накрывали на стол. Усаживали отца, угощали. Растроганный, согретый отец смущенно поглаживал бороду:

— Ну-ка, ну-ка, после дорог-то, вьюжных да холодных, дома-то как хорошо.

Когда первые восклицания кончились и морозный румянец остыл на щеках Ильи Николаевича, Володе показалось, папа сильно устал. И печален. Иван Яковлевич Яковлев тоже заметил: друг вернулся из губернии печален.

— Невеселое что встретилось, Илья Николаевич?

Горькая складка прочертилась у Ильи Николаевича на высоком выпуклом лбу.

— Представьте, степное селишко, от Симбирска верст полтора, от проезжего тракта тридцать в сторону, глушь. Школа посредине стоит. Как бобыль, одинокая. Всю продувает ветрами. При школе комнатенка учительницы. Ни газеты, ни книжки. Дров нет. Мыслимое ли дело, дров не запасли на зиму школу топить! А все оттого, что богатею, старосте сельскому, не угодила учительница, головы не склонила. Травит, ест поедом. И заступиться некому...

— Папа, ведь ты заступился! — воскликнул Володя.

— Заступился да уехал. А она снова одна там осталась в поединке с богатеем. Богатей все село в кулак взял. Захватил. Никаких прав у крестьян. Земли мало. Вся земля у кулаков да помещиков. Беднота с половины зимы без хлеба сидит.

Илья Николаевич зашагал по комнате, расстегнул воротник, ему было душно, что-то тоскливое было в глазах.

— Голубчик мой, — с беспокойством проговорила Мария Александровна. — Устал ты, отдохнуть тебе надо.

— Эх, Машенька, где уж тут отдыхать? Школы-то меня по всей губернии ждут. Школам-то нашим больно несладко живется.

— Голубчик, тревожно мне за тебя.

— Ничего, Машенька, я еще крепок, вон какой дуб, — пошутил Илья Николаевич. — А кругом молодые дубки поднимаются.

Он обнял Володю. Володя вытянулся ростом с отца, так же был немного скуласт, так же огромен был лоб. Ласка отца его тронула. Но он был застенчив. И лишь молча улыбнулся в ответ.

ПРОДОЛЖЕНИЕ
В
СЛЕДУЮЩЕМ
НОМЕРЕ

КОРАБЛИК

Печатают только реда

Ленин

Я знаю,
Где болит твое раненье,
Которого
На всех скульптурах нет.
Над площадями
Ты стоишь живой
С открытой головой.
На перекрестке всех ветров
Ладонь твоя широкая застыла.
Я подойду,
Я застегну твое пальто.

Меня ОРЛОВ, 14 лет
поселок Гостицево,
Велгородской области.

Две травинки

Две травинки у корня
срослись —
нитка бурая клонится вниз,
а другой еще жить, зеленеть...
Две травинки стоят —
жизнь и смерть.

Юра АРТУШЕНКО, 15 лет
совхоз «Красноармеец»,
Луганской области.

«Орленок»

У скольких тысяч ребят ёкает сердце, когда слышат они это слово — «Орленок», или песню об орлятах, или рассматривают фотографию «Орленка» — шумного лагеря у моря!

Завидя у кого-то на груди маленький значок с мальчишкой в буденовке, кидаются навстречу:

— Ты из какой дружины? Я из Солнечной!

— А я из Звездной. Помнишь?

И бывает, что людям уже за двадцать, а значок «Орленка» по-прежнему у них на груди.

Почему так преданно, горячо, навсегда любят этот лагерь все, кому довелось побывать в нем?

Потому что там всем хорошо. И смельчакам и тихоням, и робким и весельчакам. Потому что и в море, и на горной круче, и на спортплощадке, и у тихого вечернего костерка там учатся постигать силу единства.

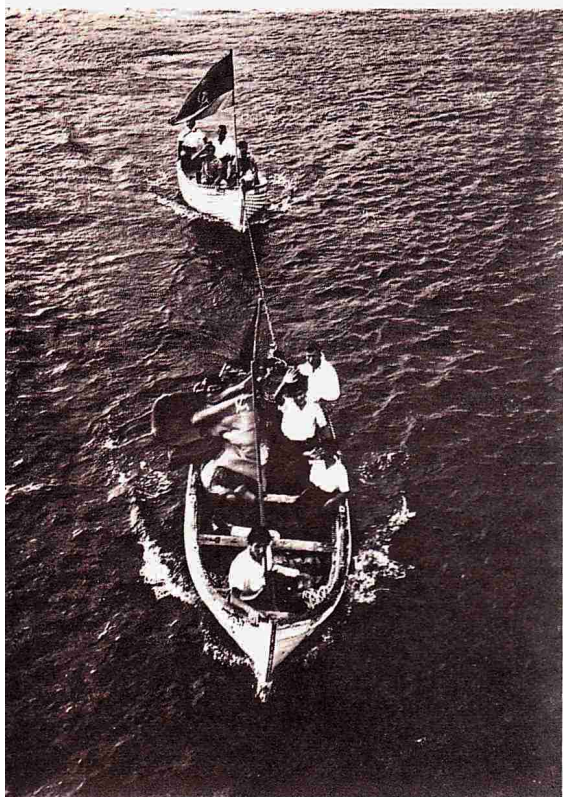
Там песня на всех, и улыбка на всех, и свет звезд, и мечта, и победа.

Там, в «Орленке», люди учатся летать...

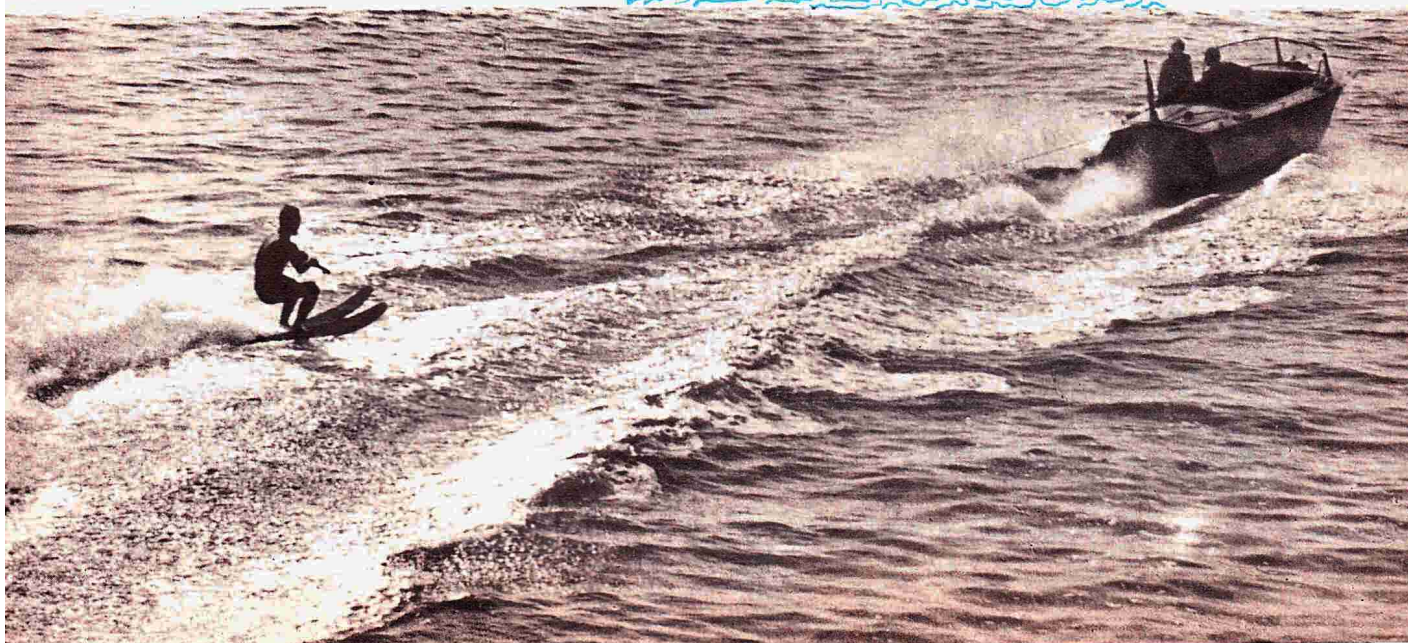
Фото В. ШУСТОВА.

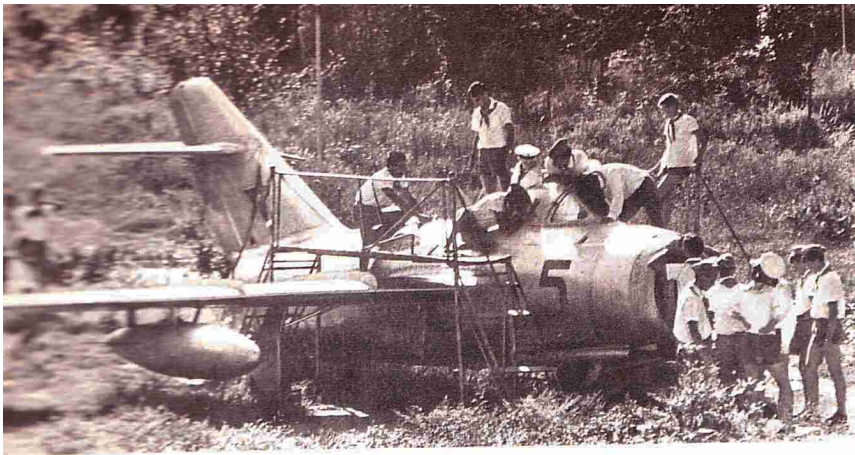
Рисунок И. ГАЛАНИНА.

*Море и небо —
это «Орленок»*

*Спор и работа —
это «Орленок»*

Мечта о полете — это «Орленок»

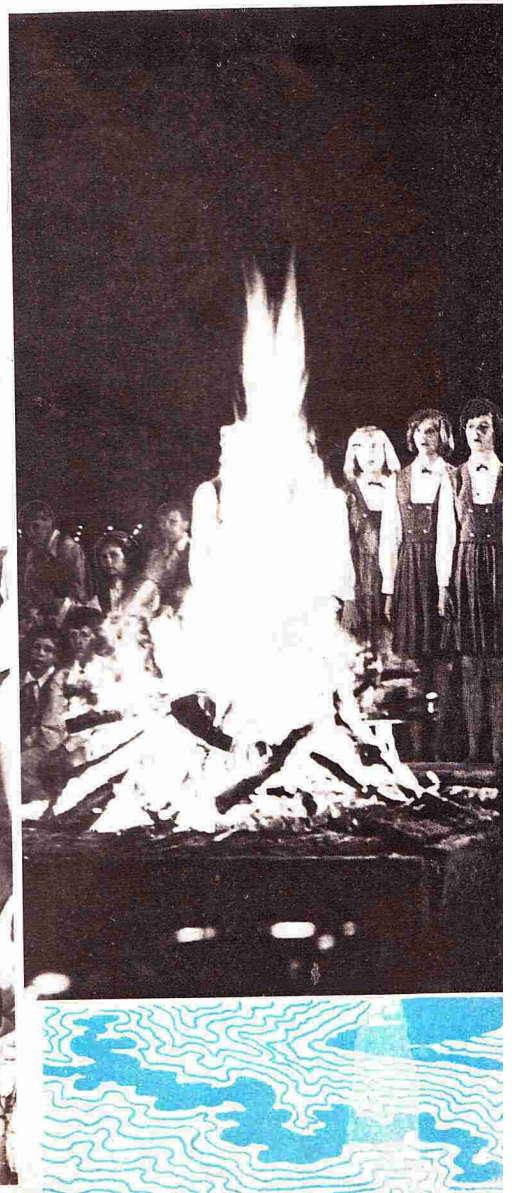

Игра и веселье — это «Орленок»

Дружество и выдумка — это «Орленок»

А вот они сами ребята — «орлята».

Продолжение

ИСТОРИЯ, КОТОРАЯ МОЖЕТ ПРОИЗОЙТИ В ЛЮБОМ ДВОРЕ, ГДЕ ЕСТЬ МАЛЬЧИШКИ И ДЕВЧОНКИ.

Рассказ ведут юнкоры пионерского корреспондентского отряда «Каравелла», который поднял свой флаг в городе Свердловске, на Уктусских горах. Рассказ — на основе опыта, наблюдений, размышлений и воспоминаний.

ФЛАЖКИ ВЗЛЕТАЛИ НА МАЧТУ

Их сшили девчонки. А придумал это дело «художник» Женька Швабрин. Он купил в магазине «Техническая книга» морской словарь, чтобы срисовать оттуда парусник, и увидел в этом словаре таблицу с цветными флажками — Международный свод сигналов. Каждый флаг — цифра или буква.

— Ко мне, мушкетеры! — заголосил Женька, врываясь во двор и размахивая словарем. — Есть идея!

Идея всем понравилась. Это ведь здорово — подняли на мачту сигнальный флаг, и сразу все знают, кого вызывают, какое ожидается дело, что случилось. Как на боевом корабле.

— Только кое-какие сигналы специально для нас надо придумать, — рассудил Костя Тумаков. — Флаг «Т» — значит тренировка, «К» — кино съемка.

— А флаг «О» означает «человек за бортом». Так и оставить? — поинтересовался Шурка Моряков.

— Конечно! Это значит Шурка Моряков в ванне тонет!

— Нет, это Вовку мама опять на речку не пускает!

В общем, все были довольны. Только девчонки чуть меньше мальчишек: они сразу поняли, что флаги морского свода придется шить им. Но тут уж ничего не поделаешь.

СЛОВО главным портным «Каравеллы» Оле Сваловой и Наде Нестеровой:

— Конечно, шить пестрые флажки из лоскутков трудно. Хлопотное это дело. Но самое трудное — добиться, чтобы все мальчишки нашли нужную материю: белую, желтую, красную, синюю, черную. Пусть поищут дома ненужные лоскутки и обрезки ситца и сатина, пусть родителей

Рисунки Е. МЕДВЕДЕВА.

попросят. Флажки не надо делать большие. Ширина — двадцать, а длина — тридцать сантиметров. Пусть все постарается. Такие флажки очень нужны для интересной жизни. А как красиво выглядит двор, украшенный ими для праздника!

РОДИТЕЛЕЙ ПУГАЛА РЕЧКА

Не всех, конечно. Но были такие, кто постоянно твердил:

— Там утонуть можно! И вообще идти без взрослых за три километра, да еще купаться...

— Да там глубина по пуп! — доказывали ребята. — У Кости разряд по плаванию, он любого вытащит! А три километра — чепуха для веселой компании. Пробежишь и не заметишь.

Лето жаркое. Почти каждый день поднимался на мачте сине-белый флаг. «П» — флаг отхода. Это означало «Уходим в плавание», то есть на речку. Но Вовку Каплина родители никак не пускали.

— Если он будет тонуть, кто его вытянет? У вас даже нет спасательного круга!

В ответ на эти слова Шурка Моряков приваля из сарая две громадные накаченные камеры от «ЗИЛа».

— И очень жаль, что не догадались, — ГОВОРИТ Саша Бабушкин, один из туристов-ветеранов «Каплины». — С небольшим запасом еды можно провести на речке целый день, не теряя времени на обеденный перерыв. Ведь река как пруд хороши не только купанием. Там можно и в «морской волейбол» сыграть и в морской бой. Только брать с собой лучше не бутерброды, а хлеб, крупу и котелок. Костер на берегу всегда можно развести, и обед будет не хуже, чем дома.

КОРАБЛЬ МОЖНО СДЕЛАТЬ САМИМ!

визбужденно доказывал Димка Калашников. — Вчера на речке мостик сломался, и какие-то мальчишки из него плот сделали. Мачту поставили. Только он опрокинулся, потому что много на него забралось. А если как следует сделать?

— Сегодня сделаешь, а завтра его кто-нибудь разломает или по досочкам растащит, — заспорила Таня Спичкина. — Там ведь сколько купальщиков!

— А если простудится? В реке много холодных ключей. Вы хоть температуру воды измеряете?

— Не измеряем, — сказал Костя Тумаков. — И не будем. А Вовку вы зря не пускаете. Он терпит, терпит, а потом начнет без спроса бегать купаться. Не может же человек без воды в такую жару. Тогда хуже будет. А у нас при купании порядок. Мы по трое делимся, в каждой тройке есть хороший пловец, и он следит за другими.

Неизвестно, что подействовало, только на следующий день Вовка шел на речку с ребятами.

У реки они оставались до тех пор, пока голод не прогонял домой.

— Эх, бутербродик бы сейчас, — пожаловался однажды Димка Калашников. — Жаль, не догадались прихватить...

— Стойте, я вспомнил! — вдруг подскочил Сашка Бобков. — Я на одной фотовыставке снимок видел, там самодельное судно из камер. Его собирать и разбирать можно, оно легкое...

— Идея великолепная! — одобрил Костя. — Все ясно. Завтра с утра тащите автомобильные камеры, у кого есть. Жерди, веревки, доски. Будем строить...

Утром началось строительство. На ас-

фальте начертили контуры будущего судна. Получилось что-то вроде самолета. Две камеры расположили на концах «крыльев» (для равновесия, чтобы корабль не опрокидывался), а остальные — вдоль «фюзеляжа». Из тонких досок и жердей связали каркас судна, привязали к нему камеры. Больше всего пришлось повозить-

ся с мачтой: она не хотела стоять. Наконец ее закрепили оттяжками из алюминиевой проволоки. Парус сделали из плащ-палатки, которую натягивали в своем «штабном углу», спасаясь от дождя.

После обеда, подхватив на плечи свое судно, «экипаж» двинулся к реке. Шурка Моряков шагал впереди и барабанил по железному котелку, а маленький Пашка нес флаг, на котором было написано название судна — «Мушкетер».

На глазах у многочисленных зрителей корабль был спущен на воду, флаг под крики «ура» поднят, парус развернут.

— Не все сразу! — крикнул Костя Тумаков. — По три человека на один рейс! И сначала надо испытать!

Сергей Новоселов, капитан катамарана «Нептун», построенного «Каравеллой» в палаточном лагере на Исетском озере, СОВЕТУЕТ:

— Зря они тащили к реке уже готовое судно. Ведь разобрать и собрать такой корабль можно за десять минут. Лучше, если бы каждый взял себе камеру, или жердь, или веревку и нес отдельно, а на берегу все занялись бы сборкой. А сделать такое суденышко и в самом деле просто. Дырявые камеры всегда можно раздобыть, заклеить их каждый сумеет. Если нет колпачков, можно сделать деревянные пробки. Только располагайте камеры так, чтобы корабль был устойчивым. И не переусердствуйте с парусом.

Если он будет слишком большим, ветер может перевернуть судно. Конечно, на таком корабле далеко не уплывешь, но веселья он доставит много. А еще, я думаю, в «Пионере» будет рассказано и о других кораблях.

пересекала двор. Она сделана мелом. Рядом белела надпись: «Прежде чем перешагнуть, вспомни все моря и океаны».

Шурка Моряков подумал, пожал плечами, на всякий случай вспомнил все моря и океаны, которые знал, и перешагнул.

Тут же на него обрушился целый водопад. Шурка взвизгнул и метнулся к подъезду. На балконе приплясывал Димка с ведром.

— Только спустись! —

произнес Шурка, показывая мокрый кулак.
— Эх ты, сухопутный житель! А еще морскую фамилию носишь! — веселился Димка. — Ты же пересекал экватор! Никто не может спастись от «морского крещения», пересекая экватор! Это все знают!

— Я откуда знал, что это экватор? — отфыркиваясь, произнес Шурка. — Подожди, я к тебе поднимусь, будем вместе ножичков окатывать.

— А потом можно настоящий праздник Нептуна сделать, как на кораблях, — предложил Димка и вылил полведра на проходившую внизу Таню Спичкину...

Праздник Нептуна назначили провести через два дня. Костю назначили главным командиром, Таню — ответственной за костюмы, Димку — связным.

Два дня ребята носились по двору с рейками, картоном, паклей, молотками и жостью. Строили «трон для Нептуна» и «корабль» из старого корыта.

На третий день ровно в двенадцать часов из-за гаражей выползла шумная процессия. Впереди шел оркестр, где главными инструментами были гитара, губная гармошка, крышки от кастрюль и палка с привязанными колокольчиками. За оркестром «русалки» и «крабы» волокли по асфальту железное корыто с мачтой и парусом из полосатого матрацного чехла. В корыте сидел «капитан» в драной тельняшке, пиратской косынке и с черной повязкой на глазу.

Производя ужасный грохот, процессия направилась к трону владыки морей.

— Кто такие? — грозно взревел Нептун Тумаков, потрясая мочальной бородой и трезубцем.

— Самая сухопутная из всех морских экспедиций, — бодро отвечал капитан. — Плыдем через экватор.

— Встань, невежа, когда разговариваешь с морским царем! — вознегодовал Нептун. — Сейчас проверим, какие вы моряки. А ну-ка, скажите...

И он начал задавать вопросы на морские темы. Один коварнее другого. Никто, конечно, не мог ответить точно, и «придворные» тут же подвергали виновника «морскому крещению».

— Братцы, — вдруг предложил Димка. — А спросим-ка его величество, сколько румбов в компасе и чем бриг отличается от фрегата!

— Э-э... Кх... Гм... — забеспокоился Нептун. — Не имеете права меня допрашивать...

— Самозванец! Ничего не знает! — восторженно взвыли мальчишки. Подхватили его морское величество вместе с тронном и потащили к лохани, заранее приготовленной коварными заговорщиками...

...Юнкоры «Каравеллы» ДОБАВЛЯЮТ от себя: — Здесь рассказано только про «торжественную часть» праздника. Но ведь, кроме этого, можно придумать много интересного: викторину с хитрыми морскими вопросами, смешные соревнования (например, знаменитое матросское перетягивание каната). Вечером можно показать во дворе диафильмы про море. И не забудьте для каждого участника приготовить «диплом» о том, что он царем Нептуном был посвящен в «морские волки». И еще один совет: перед праздником предупредите взрослых, чтобы они не пугались шума. Без шума вам не обойтись.

1 ВЕЧЕРОМ ПРАЗДНИК ЗВОНКО

в квартире Тумаковых. Там, где ребята весело обсуждали праздник и намечали новые дела.

— Родители дома? — спросил управдом Василий Сергеевич, без приглашения перешагнув порог.

— Нет. Зачем вам?

— Хочу поговорить о твоём, вернее, о вашем, поведении.

— А что мы такое сделали? — воинственно спросил Димка Калашников.

— Много безобразий сделали! Шум создаете, пожилым людям отдыхать мешаете. Жильцы жалуются, что дети на ваших киносеансах допоздна задерживаются...

— Во-первых, — начал оскорбленный Женька Швабрин, — это не шум, а исполнение маршей. Во-вторых, детей никто не держит, они сами сидят, когда мы диафильмы показываем. А в-третьих, мы...

— А в-третьих и в-десятых: с этого часа — никаких кино и маршей, никаких тут ваших отрядов! Ясно? — заявил Василий Сергеевич и удалился.

А утром Димка увидел, что флаг на мачте странно дергается. Он бросился за гаражи. Управдом неумело тянул веревку флага.

— Отпустите! Не имеете права! — крикнул Димка. — Ребята, где вы?

Мальчишки сбегались на шум.

— Я, кажется, вчера ясно предупредил, — начал управдом.

Ребята возбужденно загалдели, но постепенно стали умолкать и выжидательно смотрели на Костю Тумакова. Он был самый старший и самый решительный. А у него от этой тишины и от волнения зазвенело в ушах.

— Вы... вы у флага отряда находитесь, — сказал он. — Отпустите веревку. Потрудитесь отойти от мачты.

Мальчишки, сами того не замечая, выстраивались в ровную шеренгу. Управдом посмотрел, махнул рукой и пошел, ворча:

— Нам было труднее, — ВСПОМИНАЕТ командир совета «Каравеллы» Надя Нестерова.

— У того управдома, который придирался к нам, не было никакого сына или племянника. И сговорчивостью он не отличался. Но мы не сдавались. Если занимаешься хорошим делом, никто не сможет мешать. Давно у нас нет того управдома, утомилась многие наши недруги и жалобщики — те, кто не любит ребячьего шума и звука горнов. А красный флаг нашего отряда по-прежнему реет на мачте.

— Кроме того, нам, наверное, просто не повезло, — ЗАМЕЧАЕТ Игорь Авласенок.

— Говорят, есть домоуправляющие, которые с радостью помогают ребятам. Я жил раньше в Белоруссии, в небольшом поселке, и взрослые там всегда нам помогали.

— Грамотные... «Потрудитесь отойти...» Слова придумали всякие...

— А разве мы отряд? — спросил Шурка Моряков, когда управдом исчез.

— А кто же мы? — удивился Димка.

— Ну... Тогда надо настоящего командира.

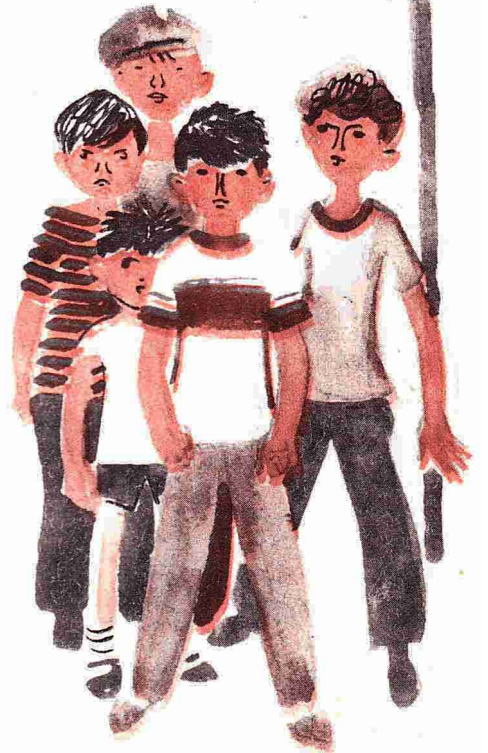
— По-моему, командир есть, — сказала Таня Спичкина, влюбленно глядя на Костю.

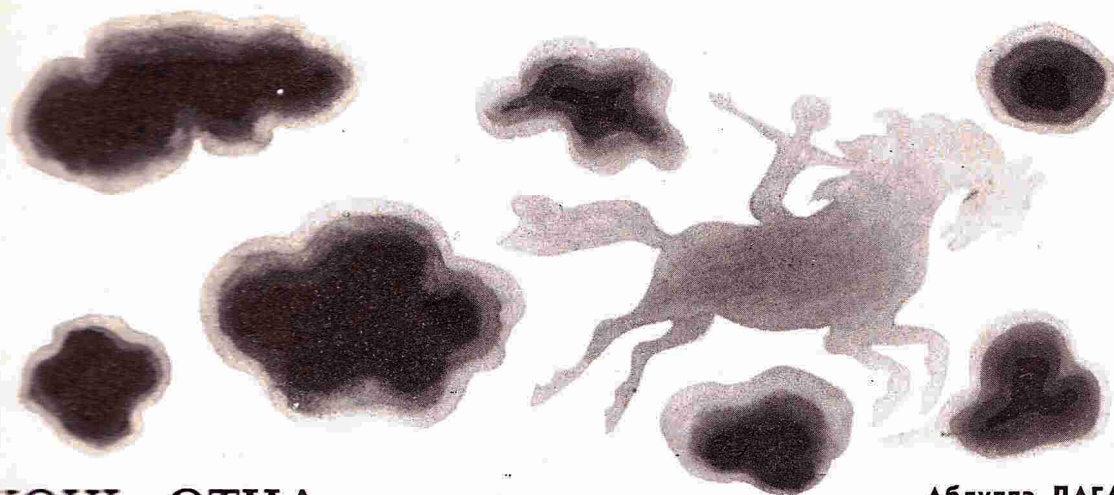
— Слушайте, братцы-мушкетеры, — обратился к друзьям Костя. — У этого управдома есть не то сын, не то племянник. Ему лет восемь. Если мы его зовем в отряд, то и управдом станет поговорчивей. А мальчишка вроде ничего. Идет?

Так они и сделали...

ОКОНЧАНИЕ
В
СЛЕДУЮЩЕМ
НОМЕРЕ

КОНЬ ОТЦА

Абдулла ДАГАНОВ

Ни папахи, ни бурки в детстве не сшили мне,
Не блестяла на поясе рукоять кинжала витая —
Все же я каждый вечер на отцовском скакал коне,
Высоко над землей впереди отца восседая.

Перевел с аварского
О. ДМИТРИЕВ

Рисунок И. ГАЛАНИНА

По извилистым улицам дети неслись гурьбой
Нам навстречу, лишь только дорога вдали пылила.
Облака и вершины созерцал я рядом с собой —
Высоко, как орел, в небе сердце мое парило!

Все мне было подвластно в этот счастливый миг!
Конь, казалось, летел, и земли не касались ноги!
Окружали нас дети, но, слыша мой грозный крик:
«Берегись! Берегись!» — убегали с нашей дороги...

Дни промчались — так камни несет весенний поток.
Я подрос, только горы несколько ниже не стали.
Побежал я отважды, под собой не чувствуя ног,
Прямо к хлызу — вчера там отец скакуна поставил.

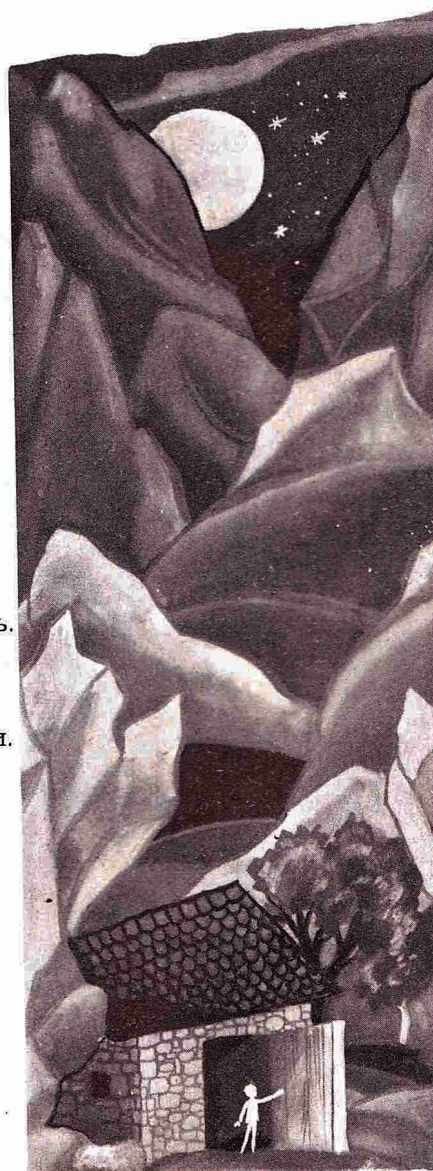
Без отцовской поддержки сейчас промчусь по селу,
А поток жеребца напою водою из речки!
Вдруг я замер: копыта лежат на твердом полу,
Словно кто-то поленья сложил у горящей печки...

И не дышит, не движется распростертый у двери конь.
Как спокойно уснул он, подумалось мне вначале.
Но плечо мне неожиданно сдавила отца ладонь —
«Умер наш красногривый...» — сказал он в большой
печали.

«Если сын подрастает, — обычай в горах таков, —
Должен ржать у крыльца скакун, его поджидая!
Умер наш красногривый...» И горечь отцовских слов
Разрывала мне сердце, и шел я домой, страдая.

Было тихо, как будто наш дом на земле один.
В сакле каждая вещь тосковала вместе со мною...
Как мечтал я взлететь на коне до самых вершин,
Чтобы выше орлов он пронесся над крутизною!

Но, вернувшись домой, успокоил отец меня:
«Не горюй! В табуне подрастет жеребенок скоро.
Будет он и сильнее и резвей моего коня!
Собирайся, сынок! Мы пойдем ловить его в горы».

С. ГАНСОВСКИЙ

ЗВЕРЕК

НАУЧНО-ФАНАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

Рисунки П. БАГИНА

Звук голосов донесся с террасы, и мальчик затаил дыхание, стоя на подоконнике. Угрюмое лицо выразило интерес, глаза зажглись.

Из форточки дуло. Он стоял в одной только ночной рубашке, холодный ветер холодной рукой забирался ему в самую грудь. Еще минуту назад он упрямо повторял себе: «Пусть я простужусь. Нарочно. Заболею, и тогда тетя Маша не будет воображать, что мне с ней хочется жить. И отвезет меня обратно, откажется». Но все эти мысли были минуту назад, а теперь он соскочил с подоконника, босыми ногами тихо-тихо прошлепал по деревянному полу, приложил ухо к щели между дверью и косяком. Неплохо слышно было, хотя разговор шел вполголоса.

За окнами чуть серел рассвет, но степь под непривычным огромным не городским небом все еще лежала во мраке, и не видно было, что там делается. Иногда с высоты доносилось какое-то дальнее курлыканье, порой в траве трещало, будто кто-то рвал матерью. Вчера, когда они ехали на быстром «Стриже», мальчик понял, что степь — это когда ни лесов, ни гор, а пусто. Тетя Маша все старалась развлечь его дорогой. «Вот орел летит, видишь, Коля? Он черный, его зовут орел-могильник... А вот там сурок встал — смотри, смотри... А эти красные цветы — маки, а эти — тюльпаны. Красиво, да?..» Но он-то знал, что ни орел, ни сурок ему ни к чему: их ведь не поймашь все равно. И тем более маки с тюльпанами...

Где-то за домом тихонько урчал мотор «Стрижа», с террасы доносились голоса тети Маши и этого длинного, загорелого, который встречал их вчера в доме и которого звали Юрием Павловичем, а дядя Гриша, шофер в больших желтых сапогах, был теперь, наверное, возле машины.

— Нет, нет, — говорила тетя Маша, — я не беспокоюсь. Я уверена, что он даже не проснется до нашего возвращения. Он ведь почти всю ночь не спал в поезде. Но вот я думаю...

— Что?

— Может быть, все иначе устроить? Один из нас останется на станции. Или съездить завтра?

— Но, Маша, послушай! Пропустим ночь полнолуния, тогда опять год дожидайся мая... Знал бы я раньше, что ты его привезешь, вызвал бы хоть Степана Петровича. Ты ведь даже не предупредила.

— Не хотела предупреждать... Ну, ладно. А ты считаешь, что сам не сумеешь отобрать хромотограммы?

— Я же в них ничего не понимаю. Это обязательно должна сделать ты. А Гриша за это время успеет заехать в мастерскую. Уж так сошлось все. Если сегодня не заложим эксперимента, считай, что годовая работа станции пропала.

— Ну почему пропала, Юра? Я же тебе сразу сказала вчера, что утром съездим.

— Вчера сказала, а сегодня боишься оставить его одного.

— Нет, я не боюсь. Ты меня неправильно понял. Я только за Васику беспокоюсь, за нашего суслика.

— Да... Знаешь, я так удивился, когда он в него кинул камнем. Он хотел его убить? Как ты думаешь?

— Не знаю. Но, кажется, он не любит животных. Это мы в нем должны победить. Самое страшное ведь для ребенка, верно? И еще я чуть-чуть опасаясь, что он случайно пойдет в Страну.

Мальчик переступил за дверь. «Не любит животных!» Почему-то эта тетя Маша воображает, что ей все-все о нем известно. А его-то как раз животные привлекают. Например, оторвать у жука половину лап и посмотреть, что он будет делать. Из-за этого взрослые всегда ругаются. Но у взрослых притворство. Когда в школе он кошке в морду плеснул кипятком и учительница вызвала мачеху Серафиму, та с такими круглыми глазами стояла и все говорила: «Не могу понять, откуда у него такое». А дома, если букашку увидит или паучка, то сразу: «Колька, иди сюда! Возьми бумажку, раздави и выкини...» И все

собаки у нее «гадость», а все кошки «зараза»...

А на террасе продолжался разговор.

— Ну, если ты думаешь, что он войдет в трансфер и окажется в Стране, тогда мы вообще не можем ехать. — Это был голос дяди Юры. — И взять его с собой тоже нельзя. Вчетвером да еще с оборудованием на «Стриже» не поместишься.

— Ну вот, — сказала тетя Маша, — ты меня уже упрекаешь...

— Ничуть. Просто думаю, что сделать, чтобы он к трансферу не подходил. Если бы вчера днем мы с Гришей знали, мы бы начали выключать установку, и как раз к утру готово было бы. Ровно десять часов на выключение... Хотя, вот... Знаешь, я о чем подумал. Если там в комнате придвинуть шкаф к двери. Придвинуть изнутри, а потом выбраться через окно.

— Что ты, Юра! Тогда он сразу поймет, что мы ему не доверяем. А с этого нельзя начинать. Ему дома никто не верил — ни отец, ни эта Серафима. Я о другом думаю. Я его, пожалуй, просто разбужу и скажу, что вот нам надо уехать часов на пять, а он должен не входить в ту комнату. И все. Как со взрослым человеком. Согласен?

— Н-не знаю. Но если тебе кажется...

— Почему мне одной, Юра? Такие вещи нам нужно решать вдвоем. Раз мы... раз мы скоро будем вместе, Коля тебе должен стать таким же родным, как и мне.

— Конечно, Маша. Я понимаю. Но все так неожиданно. До вчерашнего дня я еще ничего не знал.

— Почему?.. Помнишь, я тебе зимой говорила, когда из Москвы вернулась, что Петр все-таки женился на Серафиме и ребенку очень плохо... Одним словом, я сейчас пойду и разбужу его.

Мальчик почувствовал, что лицо его заливает жар. Ах, вот в чем дело! Отец с Серафимой, значит, совсем от него отказались. И раньше было, что Серафима его «наказаньем» называла, а теперь уж совсем... Ну, ладно. Так даже лучше. Только эти от него тоже не дождутся хорошего.

Он закусил губу, сжал зубы. Пусть! Он им покажет! Раз они за своего суслика так переживают, то поймать этого Васика и... Тогда сразу в Москву отвезут.

Он услышал шорох на террасе, мгновенно скользнул к постели, лег и накрылся одеялом. Дверь скрипнула, потом рука тети Маши опустилась ему на плечо.

— Коля... Коля!

Он притворился, что спит.

— Коля, проснись.

Мальчик открыл глаза.

С тетей Машей вошли холодок и степные запахи. Она была в плаще со шлемом, который надевают, когда ездят на «Стриже». Но пока еще шлем болтался, пристегнутый на пуговице. Тетя Маша наклонилась над по-

стелью, стриженные волосы свесились над лбом.

— Проснись, Коля. Мне нужно тебе кое-что сказать.

Мальчик поморгал.

— Да, тетя Маша.

— Зови меня просто Маша... Нам надо уехать на несколько часов. А ты останешься на станции один. Будешь присматривать за порядком... Завтрак на столе. Молоко и хлеб. Понял?

— Понял, тетя Маша. — Он старался, чтоб голос у него звучал покорно-покорно.

— Если нас будут спрашивать по телику, скажешь, что вернемся к одиннадцати. Будут приходить звери, не пускай их в дом. Олень может прийти, его зовут Старт. И антилопа-кана. Знаешь, такая большая — ты, наверное, видел в кино. Тогда закрой дверь на террасу, они поймут, что нас нет, и уйдут себе. В общем, не позволяй им входить в дом.

— Ладно, тетя Маша.

— И еще вот запомни. Это самое важное: не ходи в зал за красной дверью. Там идет опыт. Если войдешь, может случиться что-нибудь нарушиться. Понимаешь?

— Да, тетя Маша.

— Зови меня просто Маша. Ведь мы с тобой двоюродные брат и сестра... Помни, опыт очень серьезный. Это для экспедиции, которая полетит на Уран... Одним словом, ты все понял, да? Если сказал, не войдешь, значит, так и должно быть. Мы тебе доверяем, как взрослому. — Она глянула на часы. — Нам пора. Ты еще поспи, а потом позавтракаешь. Ну, до свиданья.

Мальчик почувствовал, что она хочет его поцеловать, и весь сжался. Он-то знал, что это — притворство. Серафима, когда первые разы его видела, тоже все лезла целоваться. И эти «Коля, Коленька», а когда он в суслика камнем кинул, видно было, как помрачнела. Но если так, не надо и прикидываться, что любишь. Хоть он отцу не нужен и Серафима его не любит, все равно пусть обратно vezut.

Но тетя Маша не поцеловала. Только постояла как-то неловко над ним и вышла.

За домом взревел мотор «Стрижа», потом шум сделался тише, ровнее и стал удаляться.

Уехали.

Мальчик вскочил с кровати, проворно скинул рубашку, надел трусики. Подошел к двери, открыл, прислушался. Все молчало кругом, только ветер шелестел. Край неба стал светлее, но над головой мальчика еще бледно горели звезды. Степь лежала во все стороны, как море. Дом с двумя высокими тополями у крыльца и третьим подальше казался островком в этой бесконечности.

Осторожно, как с берега в незнакомую воду, он ступил с крылечка. Предутренние сумерки обволакивали, чудилось — со всех сторон затаилось что-то и ждет.

Мальчик сделал несколько шагов вправо. Невысокая стенка темнела тут. Он с вечера

запомнил, что это штабелем сложены куски яркой красной пластмассовой изгороди. Тетя Маша мельком сказала, что из них забор составляется, когда нужно от животных отгородиться, чтоб не мешали.

Что-то большое, неопределенное, серое вдруг возникло неподалеку. Приблизилось, сверху его увенчивали две ветки. Пятно вздохнуло, фыркнуло. И сразу обрисовались широкая грудь, задранный вверх голова, тонкие, стройные ноги.

Олень!..

У мальчика сильно билось сердце. Как он испугался! И обозлился. Ведь бояться должен не он, не человек.

Они смотрели друг на друга. Олень вытянул шею. Морда его была недалеко, рога напоминали теперь уже не ветви, а две большие коряги, гладкие, черные, сучковатые, которые в старом пруду можно вытащить из воды.

Мальчик взмахнул рукой. Олень дернулся, отступил. Ага, боишься! Он шагнул с крыльца, нагнулся, пошарил. Камешек, круглый, величиной с грецкий орех, лежал, как нарочно приготовленный. Мальчик схватил его, кинул. Камень тупо, не звучно стукнулся о бок оленя. Будто в диванную подушку.

— Эй, пошел, тебе говорят!

Олень исчез, растворился в полумраке. Только на миг послышался топот оттуда, со степи.

Мальчик прошелся взад-вперед. А ну, кто там еще есть, выходи!

Но степь молчала. Стало вдруг зябко. Еще раз подумалось, что хорошо бы заболеть. Но по-настоящему, чтоб в больницу отвезли. Потому что там полная воля. Не желаешь есть или спать, колоти руками и ногами по полу, реви во все горло, никто тебе подзатыльника не даст и в темную комнату не запрет.

Он поднялся на террасу, вошел в кухню. Молоко в толстой большой кружке было вкусное. Но не коровье. От каны, может быть. Сладкое и густое-густое.

Он сжевал кусок хлеба, огляделся. Теперь исследовать дом и найти этого Васика. «Мы тебе доверяем, как взрослому». Еще чего! Взрослым как раз нельзя верить. Отец сколько раз обещал одно-другое. А что толку? «Папа, ну садись, порисуем...» «С чего это вдруг?...» «Ты же обещал...» «Да некогда. Не морочь голову». А как он в прошлом году ждал, когда отец в командировке был на этой Огненной Земле. Приехал и сразу в комнату к Серафиме. Не заметил даже, кто в прихожей стоит, во все глаза на него смотрит. У Серафимы говорят-говорят... Он вошел, а отец даже ни разу не глянул в его сторону. Даже про отметки не спросил за вторую четверть первого класса. Поэтому с той маленькой стеклянной штукой так и вышло, которую отец Серафиме привез и которая разбилась. Он вертелся-вертелся возле них, взял ее со стола, а она выронилась. Тут-то они на него обратили внимание. Отец красный стал, а у

Серафимы лицо каменное сделалось. У нее только два лица и бывает для него. Одно каменное, с поджатыми губами: она, мол, лишний раз убедилась, что он ужасный. И второе — сладенькое. Это когда отца нету, а ей что-нибудь надо. И смотрит, улыбается, будто они друзья, друзья неразлучные.

Но это так раньше было. Теперь-то его никто ни о чем не просит, потому что он всегда все делает наоборот и назло. Такое у него правило: наоборот и назло.

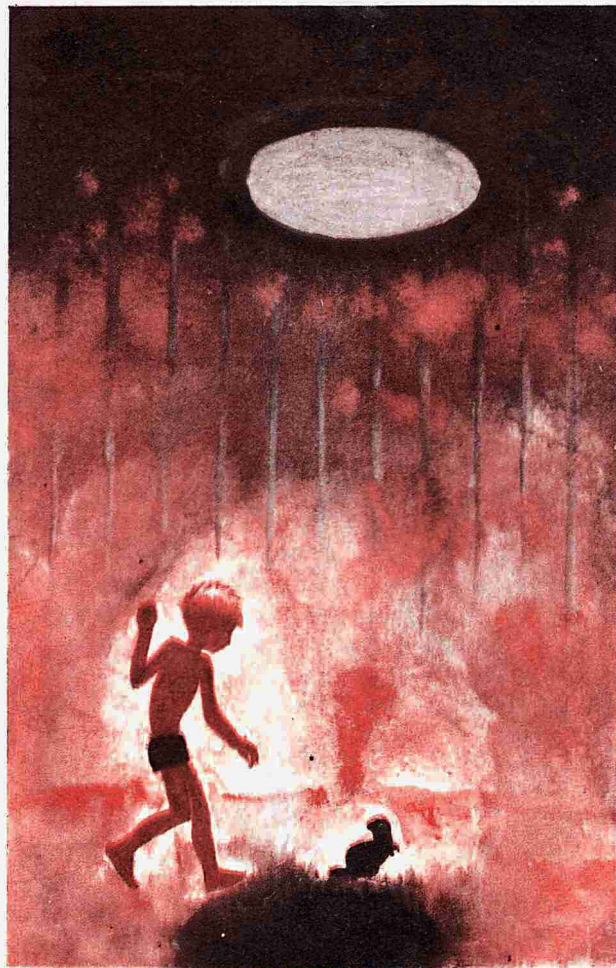
Коридор был неожиданно длинный. Зеленая дверь, синяя... Он толкнул красную дверь.

Целый зал это был, а не комната. На миг мальчику представилось, что помещение перегораживает решетка. Однако, подойдя ближе, он понял, что это выпуклая стеклянная стена, в которую зачем-то вделаны прутья. Довольно громко что-то гудело, скорее всего установка, о которой на террасе говорили. В центре потолка висел экран вроде телевизионного, но круглый. Он слабо светился, ничего кругом не освещая.

Может быть, здесь и есть вход в Страну?

Маленькая тень мелькнула внизу у ноги — там, за стеклом. Ага, суслик.

Может быть, здесь и есть вход в Страну?

Он стоял, чуть сгорбившись, захваченный всеобщим ожиданием, всматриваясь и вслушиваясь.

Мальчик присел. Тень доверчиво приблизилась. Было видно, как поблескивают глазки, как шевелится носик, принюхиваясь.

— Брысь! Вот я тебе!

Он стукнул кулаком в прозрачную стенку. Тень испуганно метнулась и замерла. Мальчику нравилось, когда его боятся.

— А ну, иди сюда!

Зверек еще раз метнулся и сел столбиком.

— Не слушаешься! Ну погоди!

Мальчик пошел вдоль стеклянной стенки, ведя по ней рукой. Стенка прервалась, перед ним был вход под купол. Дверца, которая подавалась при нажиме, а потом мягко закрылась сзади.

Он увидел на полу в центре провал. Сразу подумал, что суслик может туда юркнуть. Шагнул вперед под светящийся экран и...

Все переменялось кругом. Усилилось вдруг гудение, дошло до свиста и оборвалось. Стеклянный купол раздвинулся, светящийся экран укатился вверх на страшную высоту. Его самого встряхнуло — как ударили по затылку.

Он был теперь в тускло освещенном зале, огромном, как ангар для ракетного корабля. Великан ростом с пятиэтажный дом, злой, недружественный великан — почему-то он понимал это — приближался, вихляясь, неуклюже, будто готовый обрушиться, и занес ногу — подошва была, как днище пятитонки...

Еще секунда, и она обрушится на него. От-

чаянием сжало сердце, не то крик, не то писк вырвался из груди. Он бросился в сторону. Рядом была какая-то темная яма, он прыгнул, не рассуждая. Перекатился несколько раз со спины на живот, но не ушибся, вскочил, побежал. На миг удивился, что бежит на четвереньках, но так было удобнее, и удивление сразу исчезло.

Впереди что-то брезжило, туннель, надвигаясь с обеих сторон, полого повел кверху и кончился.

Все мысли о злом великане оборвались. Перед ним был лес. Восхищенный, он замер на миг, перед ним была удивительная Страна, вся живущая, трепетная, наполненная запахом, сероватым несильным светом, звуком, движением.

Густо стояли деревья с зелеными стволами, и от стволов отходили не ветки, а длинные кожистые колеблющиеся ленты. Одни деревья были большие, стояли, упираясь в небо, а другие — совсем маленькие, даже как бы кусты — ему по пояс. Порой по лесу проходили волнение. Зеленые ветви-ленты принимались покачиваться.

Земля под деревьями была покрыта серыми толстыми нитями, кое-где заросла листьями наподобие лопухов, кое-где среди нитей и листьев высились горки камней. Тут тоже все шевелилось; вздрагивали листья, кем-то толкаемые снизу; иногда срывался с вершины горки камешек; что-то черное, блестящее выглядывало из-под кучи мягких катышков и пряталось ревниво.

Запахи струились отовсюду, ощутимые, плотные, такие, что хоть бери и щупай пальцами. Снизу кверху они шли пластами. Пласты перемещались, да еще среди них текли

реки и ручейки других запахов. Порой вся эта картина смещалась от порыва ветра.

И вся эта серая окрестность переговаривалась на разные голоса, перестукивалась, перезванивалась, но не просто так, а вроде бы готовясь к чему-то, настраиваясь, подобно оркестру перед началом самого важного для всех исполнителей и слушателей, самого главного концерта. Где-то бухал — бомм! — колокол, как бы пробую силу. В другой стороне вольничка запевала и умолкала, залпнувшись, скрипач начинал свою мелодию, а потом обрывал стыдливо, догадавшись, что не в тон и не вовремя. неведомая арфа стихала, колебнув свои струны, что-то шипело, скрипело негромко, посвистывало, шуршало и тоже стихало в ожидании. Эти перерывы делались все длиннее, напряжение росло, казалось, вот-вот должен подняться невидимый занавес и вот-вот будет дан сигнал невидимой палочкой невидимого дирижера.

Движение и шевеление совсем прекратились, запахи перестали плясать.

Он стоял, чуть сгорбившись, захваченный всеобщим ожиданием, всматриваясь и вслушиваясь. Затем что-то мелькнуло в глазах, — чувство тепла и радости возникло в груди, оно ширилось, захватывая каждую клеточку тела, он зажмурился на миг, ошеломленный, ибо и не подозревал, что может быть такое всеобъемлющее счастье, потом открыл глаза и увидел: все волшебным образом переродилось вокруг.

Серые деревья, нити и листья засверкали тысячей разнообразнейших оттенков зеленого, небо стало голубым, запахи сделались тоньше, определеннее, а невидимый всеобщий оркестр, настроившись наконец, вступил в

полную силу. Ударили барабаны, колокольчики, колокола, запели скрипки, валторны, арфы, загудели рожки, гобои, фанфары.

И он сообразил, что свершилось то, чего он ожидал еще раньше, в том другом мире, в комнате, на веранде и во дворе, — взошло солнце.

Выпрямился, не вполне веря себе, лишь смутно понимая, что является участником великого праздника, который солнце каждое утро дает всей живой природе и которого уже почти не чувствует человек.

В ногах, спине, плечах ощущался колючий радостный зуд, легким хотелось дышать, мускулам — напрягаться.

Пробежался, расталкивая послушно отгибающиеся зеленые ленты, поднялся на холм и застыл. Вправо, влево, вперед простирались зеленые леса, рощи, заросли, вдали они делались серыми, синими и голубыми. Бездонным было небо, безбрежной — земля.

Рядом дрогнул зеленый ствол, из-за него высунулась размером в кулак голова странного существа. Два длиннейших колеблющихся рога над парой черных глаз. Длинная верхняя губа, точно клапан, прикрыла нижнюю челюсть. В хитиновом твердом покрове существо было похоже на какую-то машину. Проворно стало оно взбираться на дерево, задние длинные ноги просто волоклись сзади. Устроилось повыше, прислушалось. Подняло одно надкрылье, звучно стукнуло по другому, как бы настраивая инструмент. Еще несколько ударов с разными интервалами... Затем надкрылья приподнялись, быстро задрожали, и полилась песня — вклад во всеобщий концерт, сольное выступление, которого буд-то только и не хватало.

А он все слушал и слушал, заинтересованный, поглощенный.

Раздалось низкое гудение, как будто пикировал реактивный самолет, он невольно прижался к земле. Гудение нарастало стремительно. Темный мохнатый ком пронесся рядом, с размаху ударил в зеленый ствол дерева, отскочил, полетел дальше, задевая ветви, молодцеватый, уверенный в себе, как если бы главная его удальство и составляла эта возможность обо все стукаться.

Справа под листом два гигантских черных жука с зеленым отливом, как елочные стеклянные игрушки, сидели они один против второго, чуть поводя усиками. Возможно, то была дуэль, но своеобразная, в которой надо было не пересилить, а просто пересидеть друг друга. Слева шевелилась земля, чья-то розовая спина высунулась на миг и исчезла, а шевеление пошло дальше, отмечая путь невидимого уже обладателя спины.

Толстенная змея, но очень короткая, похожая на кактус, с красными пупырышками, из которых росли волоски, выползла на огромный лист. Она покрутила головой, как бы случайно опустила ее и выгрызла кусочек зеленой ткани. Опять стала крутить головой, еще раз ненамеренно задела зеленый ковер листа. Через две минуты уже целая дорожка оказалась проделанной на листе.

Он заметил, что тут все вообще совершалось вроде бы случайно, нехотя, с ленцой.

Темный мохнатый ком пронесся рядом.

Случайно наткнувшись на высохший стебель, гигант-муравей тащил его куда-то, бросал, а потом другой такой же гигант как бы ненамеренно подхватывал стебель. Все напоминало детский сад, где дети приходят в столовую, болтают, вертят головой, смеются, время от времени подносят ложку ко рту, чтоб тотчас, заинтересовавшись чем-то посторонним, оставить ее, но в конечном счете тарелки оказываются пустыми.

Он скатился с холма — не удивляло, что руки у него превратились в поросшие шерстью ноги с черными коготками на пальцах. Пока скатывался, пронесся через сто запахов и кончиками усов ощутил сто разных поверхностей, задевая то камешки, то листья, то стволы разных деревьев. Очутился в долине — здесь под огромными листьями, как под шатрами, стояли тень и сырость. Да и вся долина была еще по-утреннему захвачена тенью.

Сладостно было почувствовать прохладу. Вообще в этом мире все ощущалось сильно, на полный размах.

Однако он начал чувствовать какое-то томление. Ноги непроизвольно двигались, внутри что-то сосало, хотелось куда-то бежать, топиться. Он потрусил долиной, спугивая ее жителей, нарушая в одном месте охоту, в другом — свидание друзей, в третьем — прерывая певца.

Было непонятно, чего ему хочется. А томление росло, тело делалось беспокойнее. Поднялся на гору, спустился с нее. Ломило мышцы, мутилось в голове. Потускнело, сделалось серым небо, зелень теряла яркость, звуки — звонкость. Запахи стали слабее, и только один, недавно появившийся, перебивал все остальные. Он пошел, побежал по реке этого запаха.

Он куснул ветку — нет, не этого ему хотелось. Среди камней стояли большие деревья, с зеленых веток свешивались комки, похожие на кочны цветной капусты.

Попробовал кочан, как только тот хрустнул на зубах, томление сразу прекратилось, он понял, что просто голоден. Никогда и ничего столь вкусного он не пробовал. Хрустело на зубах, а сила и радость ощутимо вливались в кровь. Небо снова сделалось голубым, травы — яркими.

Он наелся, и опять безудержная радость овладела им. Подпрыгнул, закричал что было сил...

Предупреждающий свист раздался неподалеку. Смутное сознание опасности охватило его. Сжался, юркнул в гущу переплетенных зеленых стволов, лег там.

И вовремя. Засвистело уже по-другому, зашелестело. На то место, где он только что был, неведомо откуда взвывая опустилась летательная машина. Раздвинулись крылья, закрывая полгоризонта. Острые, как мечи, стальные когти на желтых бронированных пальцах — каждый мог охватить его цели-

ком — царапали камни. Два круглых глаза, близко поставленных над крючковатым клювом, бессердечно, жестоко глянули на него, как бы упрекая. Клюв раздвинулся, на миг раскрылось горло — дыра такая широкая, что туда можно было целиком провалиться и исчезнуть навсегда. Клюв щелкнул, глаза погасли разочарованно, крылья взмахнули, лапы пробежали по земле, летательный аппарат поднялся и через секунду исчез в небе, как растворился.

Страх охватил его, просто парализовал. Как весь он был радостью минуту назад, так теперь стал ужасом. Забыл про зеленые вкусные кочанчики, про чудесные запахи, ощущение тепла и света. Но недолго так было. Полежал, опять стал слышать, как вокруг всякие поменьше его возятся, поют, скребутся, шуршат.

Встал на ноги, взобрался на ближайший холм, огляделся. Вдали высилось что-то огромное, как бы противоречащее всему другому — серая масса, вздымающаяся в небо на гигантскую высоту, как гора Казбек, но с ровными отвесными краями. Может, это дом, откуда он ушел через подземный ход... А во все другие стороны лежал бесконечный, непрерывно меняющийся мир. Солнце светило, навстречу ему раскрывали головки цветы. Разноцветные леса стояли по холмам и долинам — белые, красные, розовые, синие государства.

Он пустился в путь. Ожидание новых встреч звало его к фиолетовым странам. Время от времени он сторожко поглядывал на небо, зная теперь, что не так уж оно безопасно. Возле роши зеленых деревьев лежала змея — живой стенкой высотой в его собственный рост, мускулистой, изгибающейся. Змея была занята важным делом — выползала из своей старой, прошлогодней шкуры.

С бьющимся сердцем проскочил мимо и радостно поспешил вперед, уходя все дальше от дома.

В одиннадцать часов двадцать минут быстрая машина «Стриж» на воздушной подушке подкатила к станции, притормозила у красного пластмассового штабеля, стала полозьями на траву. Пока водитель возился, выключая мотор, молодая женщина и мужчина выскочили из тесного, маленького кузова, кинулись к дому.

Вошли в комнату возле террасы — никого нет. Посмотрели друг на друга, заторопились в красную комнату. Мальчик, понурившись, сидел в трансфере, под стеклянном ковриком у входа в Страну. Он поднял голову, вяло, бессмысленно улыбнулся. Уже не совсем мальчик это был. Часть его человеческого сознания ушла со зверьком и была замещена инстинктивным сознанием маленького животного. Он с трудом, неуклюже поднялся, стал на четвереньки. Собственно, это было лишь человеческое тело без человеческого разума.

Молодая женщина закусила губу: как страшно с этой секунды меняется ее жизнь. Взяла двоюродного братишку к себе, чтоб сделать мальчика счастливым, и в первый же день погубила его. Такого никогда не забыть, не простить до самой смерти. «Но как я смею думать о себе! Надо спасти Колю. Если зверек, ушедший с частью его сознания, погибнет, если орел унесет или змея проглотит, то мальчик навсегда останется неполноценным». Она повернулась к Юре, к Юрию Павловичу, как назвала его мальчику. Но того уже не было в красном зале.

Он стоял в комнате связи, поспешно передвигал рычаги на пульте, вызывая то одну, то другую из ближайших станций. Завязывался короткий разговор.

— Федор Игнатьич!

— Ага. Слушаю.

— Это Андреев с Пятнадцатой. У нас несчастье. Мальчик попал в трансфер, обменялся с сусликом.

— Еду.

— Ты остановись, не доезжая километра. Больше чем на километр суслик не мог отойти. Остановись и жди других.

И сразу переключился рычажок.

— Гаврила Матвееч. Андреев говорит. У нас на Пятнадцатой мальчик попал в трансфер...

— С сусликом обменялся?

— Ага. Нас не было...

*Никогда и ничего столь
вкусного он не пробовал.*

— Я провод зуммеровый беру с собой...

Мария выбежала во двор. Юрий Павлович и шофер Гриша, побледневшие так, что было видно даже сквозь загар, растаскивали штабель красных пластиковых оградочек. Антилопа-кана недоуменно поворачивала маленькую головку на длинной, изящной шее, с высоты своего огромного роста оглядывала эту суету. Уже было время подоиться, а никто и внимания не обращал.

Маша кинулась в красный зал, взяла мальчика за руку, повела в комнату возле террасы. Он все хотел стать на четвереньки, она, глотая слезы, не позволяла ему. Посадила на постель, ласкового и послушного, заперла дверь.

С крыльца она оглядела небо. Темная точка маячила в небе. Маша крикнула:

— Юра! Юра! Смотри!

Юрий Павлович кинулся на террасу, сорвал со стены ружье — запыленное, потому что им годами не пользовались. Из ящика стола вынул два патрона. Вскочил на крыльцо, бахнул вверх.

На стометровой высоте орел, присмотревший острым взглядом жертву, услышал выстрел, ощутил, как дрогнул воздух неподалеку. Оскорбленный, перевалился на крыло и гордо поплыл к реке, блещущей вдали.

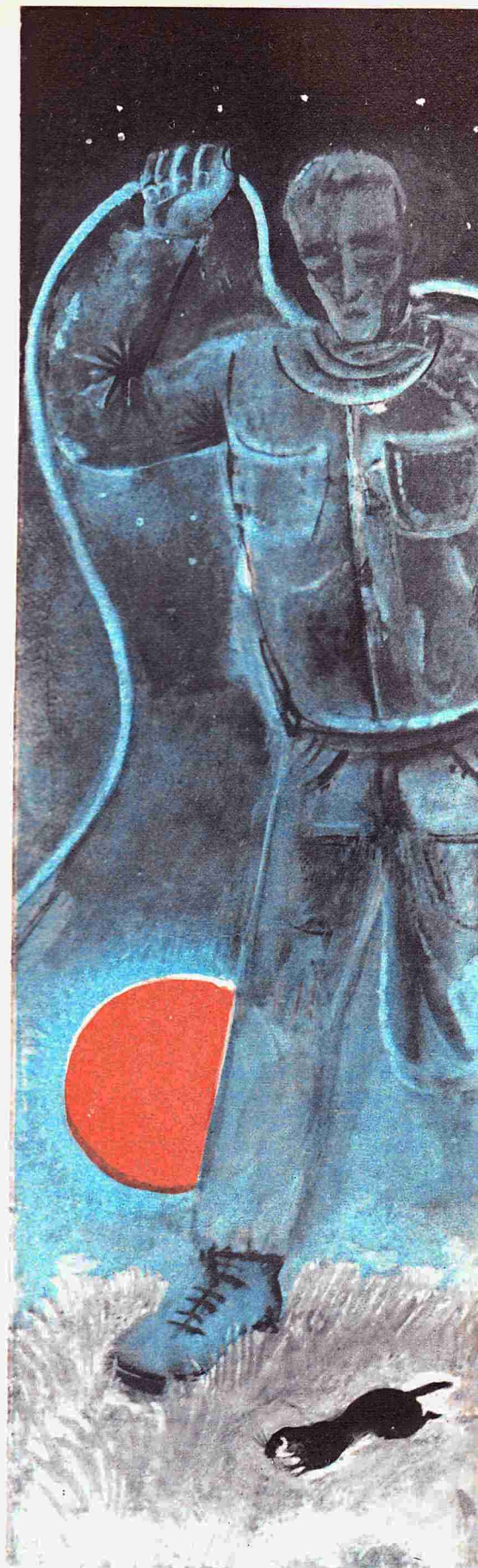
Маша бросилась со двора и остановилась. Ветер стих, густые травы стояли почти неподвижно. Но она-то знала, как напряженно живет этот мир, бесконечный и безграничный, на уровне ее ступни. Разноцветные ковры стелились один к другому, просторно уходили к горизонту. Где сейчас блуждает мальчик-суслик? Жив ли он?

Юрий Павлович, с напряжением закидывая в кузов «Стрижа» пачку красных оградок, окликнул:

— Маша, не паникуй! Найдем!

А он двигался сквозь розовую Страну. Росли деревья, зеленоствольные, и каждое на конце, там, над головой, увенчивал ярко-красный купол. Деревьев было множество, купола почти смыкались, солнце светило сквозь них, земля окрасилась розовым. Сверху сыпалась желтая тюльпанная пыльца. Иногда заросль колокольчиков попадалась среди тюльпанов, тут тени внизу становились голубыми, а все вместе напоминало удивительный фейерверк, который только устроили не вечером, а днем.

Земля вдруг ощутимо затряслась, живое вокруг стихло. Будто кто-то бил молотком, быстро, катастрофически приближались чьи-то шаги. Он высунулся из-за кустиков, увидел гигантское, несущееся к нему тело на длинных ногах. Огромное копыто ударило почти рядом, едва успел отскочить. Белое, шерстью покрытое брюхо проплыло над головой, это был олень. Смутно вспомнилось, что его зовут Стартом.

Огромная желтая колонна, нога великана, возникла рядом.

Гигантский зверь пробежал, маленький мир опять ожил, возвращаясь к своим делам.

Его опять стало томить, но как-то иначе, чем прежде. Он не находил себе места, свет сделался не мил. Он стал исследовать запахи, зашпешил, заторопился. Один запах что-то обещал. Побежал, стараясь не потерять его. Почва все понижалась. Что-то сверкнуло впереди. Он бросился к этому сверкающему, сунул мордочку. Вода!

И снова было невыразимое блаженство. Сердце замирало от наслаждения, и все-все клеточки в теле кричали. Жизнь теперь состояла из желаний, сильных, определенных. Начинает чего-то хотеться, ищешь, веешь отдаешься поиску, а когда найдешь, эта дверца закрывается и новая распаивается. Неинтересно заглядывать ни в прошлое, ни в будущее, все существует здесь и теперь.

Серое чудище, прятавшееся в воде, вдруг высунуло морду перед самым его носом, раздвоенный язычок плясал в разинутой пасти. Он шархнул в сторону, так и не узнав, от чего спасся, заторопился наверх, выбрался на плоскогорье и замер.

Потому что неподалеку сидел на земле такой же, как он сам.

Зверь не то улыбнулся ему, не то оскалил зубы. Рядом была нора, приманчиво чернел вход. Забраться бы в темноту и покой, заснуть там в прохладе, где никто не набросится с неба.

Он метнулся к норе и только сунулся туда, как зверь, подскочив, схватил его острыми игльчатыми зубами за ухо. Боль пронзила все тело так же остро, как прежде чувство голода и жажды. До того неожиданно это было, до того ошеломляюще и обидно, что он едва не потерял сознание. Заверещал, оскорбленный, ощущая, как кровь каплет с уха.

Он увидел, что кругом еще много таких зверей. Каждый сидел у норки и всем своим видом давал понять, что не пустит.

А желание поспать уже вытесняло боль. Полез было в нору, возле которой ничего не было, но такое грозное хрюканье раздалось изнутри, что выскочил как ошпаренный.

Перевел дух, и вдруг прямо с неба обрушилась и стала наземь огромная красная стена. Загородила горизонт, необъяснимая, пугающая. Появились два великана. Они тяжело, медлительно переступали и переговаривались на высоте низкими, гудящими голосами.

Смутно подумалось, что не все великаны злы, но рисковать не хотелось.

Еще одна стена обрушилась и стала рядом с первой, а в уши неожиданно ввинтилось что-то резкое, режущее, раздирающее мозг.

Страшно стало до невозможности, и он бросился прочь.

Люди прикрыли станцию с запада пластиковым забором. Сами образовали разорванный круг диаметром около двух километров

и стали сходиться, сужать его к забору. Они волокли за собой толстый провод, издающий во всех частях высокий, пронзительный, вибрирующий звук.

Сначала почти ничего не было видно в травах, но по мере того, как круг уменьшался, то там, то здесь замелькали суслики, тушканчики, мыши-полевки, ящерицы. Вибрирующий свист выгонял всех из подземных убежищ, из гущи переплетенных стеблей. С жалобным писком, бросая гнезда, взлетали стрепеты и жаворонки, выбирались наверх ошеломленные слепушенки. Рыжая лисичка выскочила из норы, укрытой в кустарнике, заметалась, перепрыгнула через провод и была такова. Но большинство не рисковало, не могло рисковать, и люди знали это. Когда животные рискуют, то расстаются не с какой-нибудь вещью, не с жильем или работой, а просто с жизнью, которая у них одна только и есть. Поэтому мелочь предпочитает бежать от опасности, а не бросаться навстречу ей.

Травы запестрели насекомыми. Со стебля на стебель перескакивали зеленые кузнечики, черные полевые сверчки, желто-бурые кобылки. Воздух стал живым, движущимся, все миллионное, может быть, миллиардное население трех-четырёх квадратных километров степи отступало перед страшной неизвестностью.

Еще сузился круг. Люди смотрели себе под ноги, стараясь не наступить, не искалечить кого-нибудь...

Он уже выбивался из сил, сердце бешено билось, а звуки и великаны все наступали, и все теснее становилось вокруг. Страшный хищник хорек бросался то в одну сторону, то в другую, перескакивая через полевых мышей, своих обычных жертв. Он и в суслика вцепился бы и выгрыз горло, но не до того было.

Огромная желтая колонна, нога великана, возникла рядом. Он кинулся в самую гущу мохнатых перемещающихся тел, стараясь спрятаться, скрыться. Но сверху обрушилась огромная лапа, гигантские пальцы с жуткой силой обхватили туловище. Он почувствовал, что поднимается вверх. Земля провалилась, убежал в невидимую даль горизонт.

— Он! Он! — закричала Маша. — Наш Васик. Я его узнала.

Шофер Гриша держал отчаянно извивающегося суслика, старающегося укунуть.

— Точно, он?

— Ну, конечно же...

Кто-то выключил провод, все живое под ногами людей замерло на миг, потом застрекотало, зашуршало, запищало и кинулось радостно в свои розовые и фиолетовые страны.

Маша побежала в маленькую комнату у террасы, взяла за руку то существо, которое с вялой улыбкой сидело на постели, и повела в красный зал. Мальчика поставили под экран, туда же поместили и суслика, потом мальчика вывели.

Он сделал два шага уже как человек, взгляд его стал осмысленным, испуганным. Он осмотрелся, закусил губу, прижал руку к груди и с криком упал на подхватившие его руки.

Два часа собравшиеся на помощь сидели под окнами комнаты, где лежал мальчик. Мужчины, загорелые, сухопарые, помалкивали. Всех их при взгляде со стороны объединяли доброта и скромность.

Мальчик открыл глаза. Маша сидела возле него, он потянулся к ней.

— Тетя Маша... Маша.

Под окном услышали эти слова, стали подниматься, прощаться. Крепко встряхивали руку Грише и Юрию Павловичу.

— До свидания...

— Пока.

— Ничего. Поправится.

— Все будет в порядке.

Мальчику пришлось полежать неделю. Он был слаб, врач прописал постельный режим. Вечерами шли беседы с Юрием Павловичем.

— Дядь Юра! А как это получилось?

— Видишь ли, это трудно тебе объяснить. Еще мало знаешь... Одним словом, сейчас есть такой способ: сознание можно частично переключать. Твое сознание переключилось на Васику, а его — частично на тебя. Перемена. Ты в течение нескольких часов как бы

сопровождал суслика в его жизни, но сам в это время перестал быть полностью человеком. Оттого мы и испугались так. Понимаешь, что вышло бы, если б тебя схватил орел или если б ты вообще потерялся? Тогда ту часть сознания не удалось бы вернуть.

— Значит, я был сусликом?

— Да. И ощущал мир, как ощущает он. Конечно, с небольшой поправкой... Понимаешь, каждое животное видит мир по-своему. И таких миров бесчисленное множество. У всего живого. У комара, у лисицы, у ласточки. И вот теперь люди подошли к тому, чтоб научиться видеть эти миры. Их столько, что целой жизни не хватит...

— А как экспедиция на Уран в этом году? Сорвалась из-за меня?

— Ничего. Орбиту пересчитают.

Суслик тоже сидит на стуле рядом с постелью. Он привык к мальчику, прибегает, если позвать. Маленькие звери любят быть с человеком. С ним спокойно, с большим и сильным. И орел не схватит, и хорек не упадет.

Суслик ест яблоко, чистится. Мальчик смотрит на него, вспоминает эту радость на полный размах при восходе солнца, розовые леса, глубокую долину с ручейком внизу, беззаботность и забывчивость.

Вот ты какой, зверек!

А. КУШНЕР

ЛАСТОЧКА

В открытую створку окна
К нам ласточка в дом залетела.
По комнате тесной она
Стремительно прошелестела.

Расчет ли подвел, помогли
Сквозняк и неровности кровли
Иль ей отказали рули,
Как летчику в сложном маневре?

Перо у виска моего
Кружилось над чашкою с чаем.
Мы дожили вот до чего,
Что ласточки нас навещают!

Затихла она под столом,
Косясь на людей и на вещи,
И крылья ее за хвостом
Сходились, как плоские клещи.

На черной груди отливал
Подбой металлическим блеском,
Но ужас ее выдавал
То жалобным криком, то всплеском.

Плеснуть ей воды из ведра?
Насыпать на блюдечко гречи?
Она понимала: пора
Ей голос подать человеческий.

И что-нибудь нам обещать,
Какой-нибудь выкуп немалый,
Наверное, блеск, благодать,
Счастливое лето, пожалуй?

Мы все-таки взяли ее,
К окну поднесли. В избавленье
Не сразу поверив свое,
Застыла она на мгновенье,

Вспорхнула и, прежде чем взмыть,
Два медленных сделала круга,
Бог знает зачем, может быть,
Чтоб лучше запомнить друг друга?

Рисунки Н. ДОБРОХОТОВОЙ

Новые стихи

Юрий СМЕРНОВ

МОЯ СТЕПЬ

Один, как перст, в степи казацкой.
Столбы спешат наперерез.
И вдруг мне начало казаться,
Что не было других небес.
Что этот ветер постоянный
Шумел над головой всегда,
И разнотравья запах пряный
Я знаю долгие года.
Вдали чернеет грань оврага.
Распластан коршун в вышине.
За честь считаю и за благо
Со степью быть наедине.

ДОМ-ПАРОХОД

Настоящий дом-пароход —
Архитектора странная прихоть.
В нем старик капитан живет,
Он по лестницам бродит тихо.
Пароход, но все-таки дом,
Незнаком ему привкус соли.
По соседству с Садовым кольцом
Он с рожденья стоит на приколе.
Мостик пуст, и гудок молчит,
Только ветер шумит в антеннах
Да закатного солнца лучи
На стеклянных бесчинствуют стенах.
...Но однажды в сырой листопад
Дом огнями засветится дерзкими,
Позывных ошалелый град
На антеннах запляшет всплесками.
И навстречу синим морям,
Тем, что сны капитана отняли,
Задымив и подняв якоря,
Дом с фундаментной снимется
отмели.
Он кварталы пройдет, как таран,
И пространства тугие вспорет
Для того, чтоб старик капитан,
Умирая, увидел море.

РАЗНО- ЦВЕТНАЯ СУПУТИНКА

Из Владивостока до Супутинского заповедника можно добраться за несколько часов. Я приехал сюда в самом конце весны, когда лесная зелень была по-летнему пышной и яркой, но сохраняла еще весеннюю душистую свежесть.

Много доводилось мне бродить по нашей стране, но не встречалось лесов прекраснее, чем в Южном Приморье. Они поразили меня не только богатством и яркостью, но и каким-то особым изяществом. Горы и леса вокруг речки Супутинки радуют взор удивительным сочетанием красок, богатством цветов и трав, ажурной листвой, обилием разнообразных животных. Вода в речке чиста и прозрачна, она быстро струится по камням, но в этих скалах и горных потоках нет мрачности или буйства, они приветливы и оживленны.

Поселок заповедника стоит прямо среди леса, небольшие домики кажутся еще меньше рядом с огромными деревьями. Вокруг домов летают и поют птицы, поблизости бродят прирученные пятнистые олени. У меня разбежались глаза от обилия всех этих диковинных деревьев, цветов, ярких бабочек, незнакомых птиц. Хотелось сразу же, не отдыхая, отправиться в лес, идти куда глаза глядят, не уставая любоваться окружающим.

Случилось так, что директор заповедника и научный сотрудник, которых мне надо было видеть, оказались в отъезде и должны были вернуться только завтра. Не дожидаться же их в поселке! Скорее переодеться, собрать рюкзак — и в лес!

Через десять минут я оказался в первозданном долинном лесу. Деревья здесь были высоки и стройны. Белыми колоннами высились ясени, тополя и светлокорые ильмы; на их устремленных к небу вет-

вях только недавно распустилась листва. Иные стволы тополей были так толсты, что даже несколько человек, взявшись за руки, не могли бы их обхватить. В дуплах таких гигантов ложились спать на всю долгую зиму черные гималайские медведи.

Я коснулся рукой одного из стволов — кора была мягка и нежна на ощупь. Это было амурское бархатное дерево.

А сколько цветов под ногами! Настоящий ковер из желтых маков, сиреневых и белых анемонов, хохлаток, горлицев. Эти весенние эфемеры уже блекли и поникали головками, а на смену им поднимались тюльпаны, трилиумы, ирисы, горделиво разворачивались спиральные завитки нежно-зеленых папоротников.

Я стал подниматься на сопку. По каменистому горному склону рос удивительный лес. Можно было подумать, что я попал в ботанический парк, где собраны деревья с разных концов страны. Вот обитатели лесов Крыма и Карпат — дубы, ясени, грабы, вот сибирские ели, пихты и кедры. Но я знал, что все они коренные дальневосточники. Местами и кустарники и деревья были густо оплетены лианами. Толстые стебли актинидии аргуты спиралью обвивались вокруг стволов и свисали вниз причудливыми узорами. Порою было трудно пробраться среди зарослей колючего элеутерококка, оставившего на одежде сотни мелких иголок.

Я спустился вниз по каменистому склону и вышел к ручью — притоку Супутинки. Здесь, как и в долине самой речки, росли ильмы, ясени, бархат, орех. Быстрый ручеек журчал среди деревьев. Я пошел навстречу ему и не заметил, как наступил вечер. Надо было выбрать место для ночлега. Оно нашлось на небольшой полянке возле самого ручья. Я набрал су-

Вот та самая избушка, где я читал таежный журнал.

хостая для маленького костра и пушистых еловых веток на подстилку. Вечером вокруг моей стоянки пели дрозды и синие мухоловки, а ночью вкрадчиво и таинственно подавала голос маленькая совка...

*

Проснулся я еще затемно. Вокруг стояла чуткая лесная тишина, нарушаемая лишь тихим бормотанием ручейка. Такие минуты пробуждения в лесу особенно дороги для тех, кто любит природу.

Дождавшись рассвета, я отправился дальше. Мне не хотелось возвращаться назад своим следом, я решил достичь верховья ручья, миновать водораздел и выйти к другому притоку Супутинки.

Здесь, в глубине тайги, мне часто встречались следы зверей. Дубняк у основания сопки был сплошь перекопан дикими кабанями, на тропе виднелись отпечатки изящных копытец кабарги и длинных когтей барсука. А не далее двухсот метров

от ночлега, на грязи около ручья, я увидел четкий и недавний след тигра. Недалеко от меня таился в зарослях могучий полосатый хищник, но увидеть его, к сожалению, так и не довелось...

Я никогда не опасался ночевать один в тайге, зная, что никакой дикий зверь — ни волк, ни медведь, ни тигр — не нападет летом на человека без причины.

*

Подъем на перевал был довольно труден. Здесь уже не встречалось лиственных деревьев, глухой стеной стояли громадные кедры и черные пихты.

Вскоре я оказался в широкой зеленой ложбине, где под скалистой грядой зарождался горный ручей. Пышная зелень скрывала его истоки. Отсюда открывался великолепный вид на долину. Как я узнал позже, это была Левая Супутинка.

Мрачные хвойные леса остались позади, все богаче и разнообразнее становилась тайга, чаще попадались яркие цветы и пестрые бабочки. Вскоре вдоль левого берега ручья обозначилась узкая тропка. Пройдя вниз по ручью примерно два километра, я увидел впереди маленькую лесную избушку.

Немало немудреных таежных домиков видел я в Сибири и на Дальнем Востоке, но этот особенно запомнился. На фоне могучих кедров и ясеней спрятанная в буйной лесной зелени избушка казалась совсем игрушечной, но в то же время

очень уютной. Она совсем не нарушала гармонии заповедной тайги.

Пригнувшись, я вошел в лесное убежище. Через небольшое квадратное оконце проникал слабый свет. На дощатом столе я увидел керосиновую лампу, банку с крупной солью, коробок спичек и небольшую тетрадь, обернутую газетной бумагой. Раскрыв ее, я прочитал записи, сделанные простым карандашом, порою с ошибками, но четко и разборчиво. Каждая запись начиналась с указания дня, времени суток и погоды — это работники заповедника заносили в журнал свои наблюдения. Удивительная потайная жизнь супутинской тайги открылась передо мною в кратких записях.

Читаю: «Зацвел рододендрон даурский», — я вижу прозрачный весенний лес и фиолетовые вспышки на скалах. «Цветут трилиумы, появились трясогузки, распустились почки на черемухе, прилетели горлицы» — в этих строках — торжествующий ход весны. Последняя запись была сделана всего лишь два дня назад. Наблюдатель писал, что стадо кабанов (двенадцать животных) направилось в долину речки Майхинки.

Читая этот таежный журнал, я мог представить дальнейшее развитие природы. Вот поднялись во весь могучий рост лесные травы и папоротники, теплый летний воздух настоян испарениями тысяч растений, в лесу сумрачно и душно, как в оранжерее. Где-то в самых заветных местах под узорными листьями уже таится драгоценный корень, корень жизни женьшень...

...Осенние леса буйно-ярки. Склоны сопкок полыхают листвой кленов, аралий, бересклетов. Опять становится чист и прозрачен воздух, дышится легко, исчезают докучливые комары. Тайга наполняется разнообразными плодами — на витых стеблях актинидий повисают сладкие ягоды, напоминающие вкусом конфеты, в колючей обертке созревают орехи лещины, тяжелеют шишки на кедрах...

...Зимнее небо над Супутинкой такое высокое и синее, что на него больно смотреть. В заснеженной тайге бродят барсы и тигры, ослепительные снега леги на деревьях и скалах... Круглый год — пешком или на лыжах, в дождь или лютый мороз — ходят по тайге те люди, которые оставили записи в тихой лесной избушке. Они охраняют заповедные леса от непрошенных гостей, следят за зверями и птицами, проникают в таежные тайны.

Внезапно в избушке стадо совсем темно. Неожиданно, как это бывает в Приморье, налетела темная, низкая туча, ударила косым холодным дождем.

Я переждал непогоду в избушке, а потом, отыскав тропу, пошел вниз по ручью.

Это лишь немногие из обитателей дальневосточных лесов. Вы, конечно, узнали грозного тигра, хитрую рысь, добродушного медведя...

*Из дупла выглядывает соболь,
на гнезде затаилась глухарка.
Настороженно ловит лесные
шорохи стройная оленуха...*

Фото А. БОХОНОВА.

С. САХАРНОВ

Рисунки Б. КЫШТЫМОВА,
Э. БЕНЬЯМИНСОНА

ВЫПУСК ТРЕТИЙ

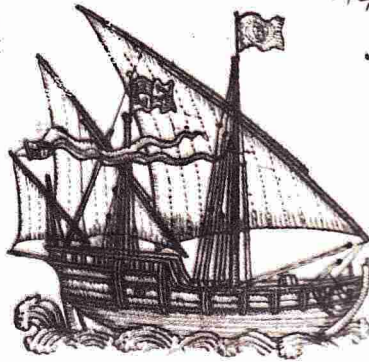
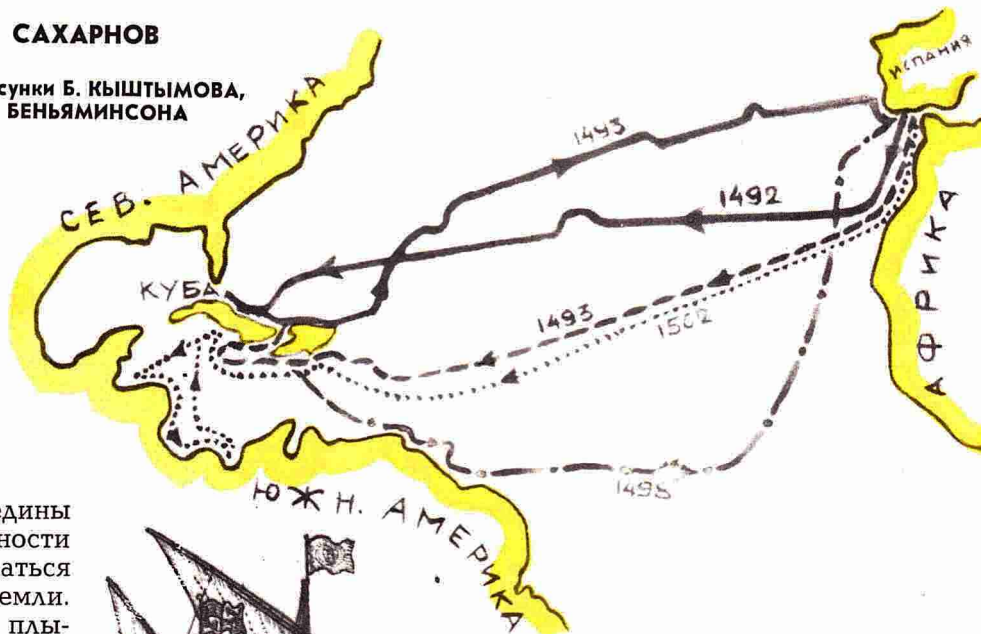
Корабли Колумба

...Начиная с середины сентября на поверхности океана стали попадаться признаки близкой земли. Навстречу кораблям плыли пучки пресноводных водорослей, ветки. На реи сидели птицы. Однажды из воды вместе с пучком травы достали речного рака.

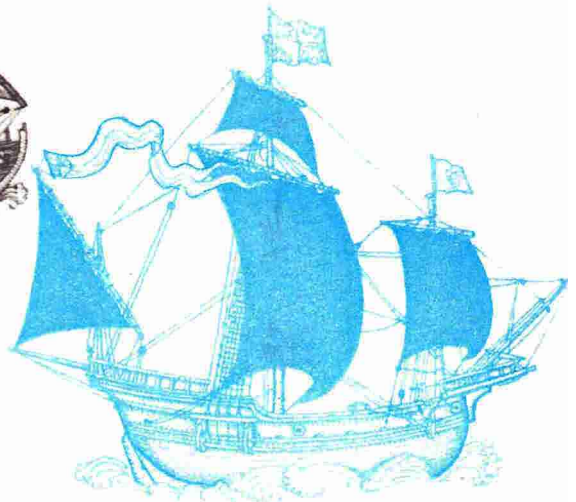
Наконец в два часа утра 12 октября 1492 года голос матроса с «Пинты» объявил:

— Земля! Земля!

Ударил пушка. Берег Нового Света едва заметно вырисовывался в утренней мгле.

«Пинта»

«Нинья»

«Санта Мария»

Так экспедиция Христофора Колумба открыла Америку. «Санта Мария», «Пинта» и «Нинья» бросили якоря у острова Багамского архипелага.

А спустя восемь лет закованного в цепи Колумба вез из Америки в Европу другой корабль. Великого мореплавателя ждал суд по ложному обвинению в измене.

Колумб был смелым моряком и жестоким завоевателем. Жизнь его подобна зеркалу. В ней отразились отвага, жестокость и самозабвенная предприимчивость эпохи.

«Кон-Тики»

«Кон-Тики»

Дерзкое путешествие по Тихому океану на плоту совершил норвежский ученый Тур Хейердал с товарищами. Плот назывался «Кон-Тики».

Совершив плавание, ученые доказали, что древние индейцы могли пересекать на плотках океан и заселить его острова.

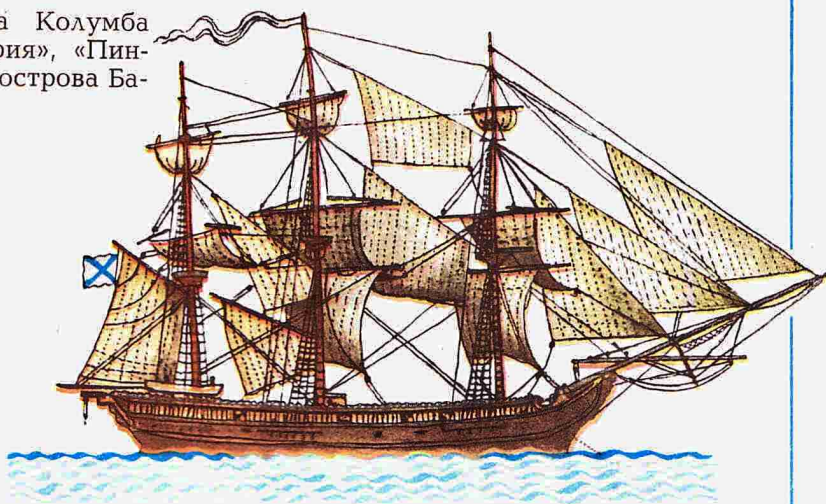
Ты знаешь, Хейердал плывет сейчас к берегам Южной Америки на корабле «Ра». О нем мы еще расскажем.

Русские исследователи

Немало знаменитых путешествий совершили русские корабли.

На шлюпах «Восток» и «Мирный» Беллинсгаузен и Лазарев достигли в 1820 году неподвижных льдов Антарктики.

Обогнув по малому кругу вокруг Южного полюса земной шар, путешественники вернулись в Россию.

Шлюп «Мирный»

Лазарева и Беллинсгаузена интересовало все: коралловые острова и образование айсбергов, замерзание морской воды и карты новых земель. В книге, которую написал по окончании плавания Беллинсгаузен, сказано: «Плавание я расположил так, чтобы на пути принести возможную пользу географии».

Он мог бы написать: «возможную пользу людям».

«Академик Курчатов»

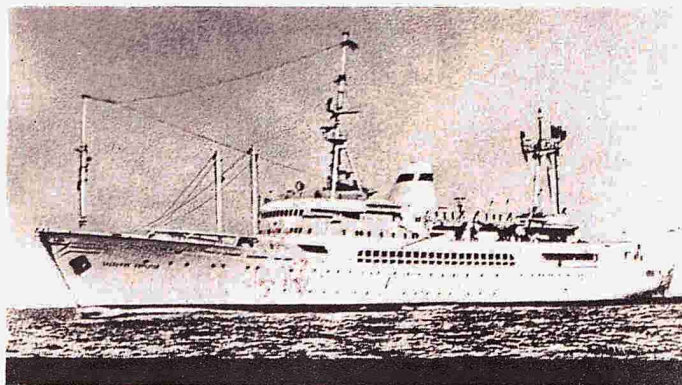
Для пользы людей бороздят просторы океанов советские научно-исследовательские суда. Они измеряют глубины, достают со дна глубоководных впадин ил, фотографируют следы загадочных животных на дне.

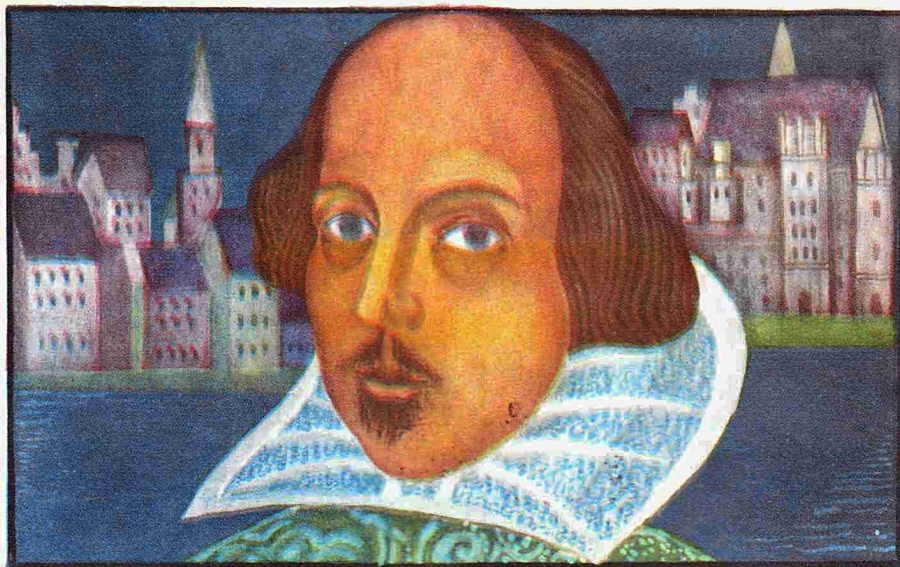
Над кораблями пролетают спутники, аккуратные радисты каждый вечер включают «Последние известия».

— Говорит Москва...

Голос Родины слушают в океане ученые и моряки — последователи знаменитых мореплавателей.

Исследовательское судно «Академик Курчатов»

И. УВАРОВА

Рисунки И. ГАЛАНИНА.

В театр,

ТРЕТИЙ РАССКАЗ О ТЕАТРЕ

Помните, мы говорили об актерских труппах, которые, погрузив нехитрый скарб в крытую повозку, в свой театр на колесах, ездили из города в город, из страны в страну, пересекая границы государств и рубежи столетий.

Где же мы встретим бродячих актеров еще раз? Вот они: на угрюмых дорогах старой Дании. Лошадь тащит повозку мимо редких бедных деревушек, вдоль берега моря. Вдали из сырого тумана проступили башни — это замок Эльсинор. И актеры начинают что есть сил трубить в трубы, возвещая о себе.

Об этом бродячем театре написал Шекспир, великий английский драматург, в трагедии «Гамлет». Гамлет был принцем датским. Он жил в дальних краях, когда узнал, что отец его умер от укуса змеи, и поспешил домой. Датский престол захватил брат покойного короля, Клавдий, женившийся на матери Гамлета, королеве Гертруде.

Неприятен был старый Эльсинор. Стены и площадки его нависали над пропастью, уходящей в холодное море. В узких башнях зловеще завывал ветер, часовые шептались, что по ночам по замку бродит призрак. Они видели его. Увидел его и Гамлет. Призрак поведал ему, что Клавдий — убийца, что он влил яд в ухо спящему королю. Пусть Гамлет отомстит.

От горя Гамлет потерял рассудок, а иные думали, что он прикинулся безумным. Как разоблачить ненавистного Клавдия?

Но вот затрубили вдалеке трубы. Актеры!

Бродячий театр! О, как обрадовался им Гамлет! Да они еще оказались его старыми знакомыми: он видел их в далеком Лондоне.

— Здравствуйте, мои хорошие. Ба, старый друг! Как ты оброс с тех пор, как мы не виделись!

Он попросил актеров помочь ему: сыграть пьесу под названием «Мышеловка» и выучить несколько стихов, которые дописал сам.

Вечером в зале собрался весь двор. При свете факелов актеры начали представление. Сначала они сыграли всю пьесу без слов, одними жестами (это называется пантомима). На сцене была клумба, изображавшая сад. Вышел актер в костюме короля, в нарядном плаще и в позолоченной короне. Он заснул на клумбе, тогда появился злодей, влил в ухо спящего сок ядовитых трав, забрал корону и уговорил королеву выйти за него замуж.

Зрители зашептались, Клавдий нервничал. Актеры разыграли ту же сцену снова, но с текстом, и слова усилили страшное впечатление. Когда же актер читал стихи:

«Спешите весь яд, который в травах есть,

Над этой жизнью в действие привесте!» — король Клавдий не выдержал и вышел из зала. Гамлет не ошибся: никакие силы, ни суд, ни пытки не вынудили бы Клавдия сознаться. Но театр обладал страшной властью над людьми, и даже черная душа убийцы не выдержала испытания театром.

В тоску и отчаяние впала королева Гертруда. А Гамлет...

Нет ни одного достоверного портрета Шекспира. Но у портрета, выполненного гравером

М. Дройсхутом, есть одно преимущество: он сделан через семь лет после смерти драматурга.

жители Лондона!

Впрочем, тут мы расстанемся с Гамлетом. Что было с ним дальше, вы можете узнать сами.

Отправимся в Англию, на родину бродячих актеров, которые добрались до Эльсинора.

В Англии к театру пристрастились давно, и в средние века англичане гордились своими мистериями, как одним из чудес света. Для мистерий строили большую повозку с балдахин

ом — ее называли педжент, — и она разъезжала по площадям города, показывая представление обо всей истории человечества от сотворения мира.

Мистерии прожили более двухсот лет. В шестнадцатом веке в городе Ковентри да и в других городах на пасху все еще катали педжент, показывая полсотни актов. Показывали первых людей, которые, по библейской легенде, появи

лись на земле,— Адама, закутанного в шелковый голубой плащ, и Еву, которая прикрывалась рукавом, чтобы скрыть жесткий мужской подбородок: женские роли играли мужчины. К ним подбирался сам сатана с черной мордой, желавший погубить род людской, и протягивал Еве блестящее яблоко, которое таило в себе много бед. Зрители, принимавшие эту историю близко к сердцу, может быть, даже кричали Еве: «Не ешь!»— как теперь кричат самые маленькие дети в ТЮЗе. Очень вероятно, что среди толпы коventрийских зрителей стоял мальчик, который уже никогда не смог забыть театрального чуда.

Это мог быть Вильям Шекспир, сын торговца кожами и перчаточника из городишка Стратфорда, что по соседству с Ковентри.

Ну кто же в Стратфорде мог подумать, что когда-нибудь он прославит город и станет великим драматургом.

По непроверенным слухам, Вильям Шекспир мало чем отличался от прочих мальчишек: слонялся по окрестным лесам, купался в реке Эйвон, неохотно учил латынь и, случалось, резал парту ножом (в Стратфорде утверждают, что эта парта сохранилась). Со временем он стал хорошим помощником отцу по торговому делу, вырос, женился, у него были две дочки и сын по имени Гамлет. И случилось так, что он бросил все— семью и хозяйство— и уехал в Лондон. Говорили, что его видели при театре, где он устроился суфлером.

К тому времени в Лондоне вовсю кипела и бурлила театральная жизнь. Давно развалились на свалках последние театральные педженты, актеры собирались в труппы и играли в гостиничных дворах. Незадолго до того, как Шекспир появился в Лондоне, произошло очень важное событие: еще один взрослый человек с солидной профессией резко поломал свою жизнь и ушел в актеры. Это был плотник

Джеймс Бербедж, который своими руками построил первое настоящее здание театра и стал играть там вместе с другими актерами. Сына своего Ричарда он тоже обучил актерскому мастерству, с ним-то и подружился Шекспир и поступил актером в их труппу.

О Ричарде Бербедже известно, что он был самым замечательным актером, Шекспир же в великие актеры не вышел. Роли, которые он играл, были малы, и, наверное, нам не нужно жалеть об этом: если бы он стал знаменитым актером, у него могло не хватить времени и сил писать пьесы. Когда он уже был известным драматургом и написал «Гамлета», он, говорят, играл в своей драме лишь призрака. Зато самого Гамлета играл с успехом друг его Бербедж, и, говорят, Шекспир именно для него писал многие главные роли.

Странные тогда были театры. Театральные здания в те времена не имели крыш: стена отгораживала театральное помещение от улицы, а внутри вдоль этой стены шли галереи в два или три яруса, загнутые так, что все сооружение напоминало бублик. На галереях сидела публика побогаче, а люди победнее размещались прямо на земле, в «дырке» от бублика, они стояли и сидели, окружая сцену с трех сторон.

Обычно говорят, что пьесы Шекспира шли без всяких декораций, но это не так. Этот трехэтажный ковчег и был декорацией, и очень интересной и очень таинственной. Сколько тут было окошек, занавесок, дверок— и за каждой могло что-то скрываться: пленная королева, крылатый эльф— озорной дух леса, призрак, чудовище или даже целая далекая страна.

Вот в верхней будке открывается окошко, вылезает труба, за нею— трубач, трубит во все щęki: «В театр! В театр!» Спектакль начнется в три часа дня. Какие-то люди уже с утра топчутся в партере, а кто устал, прилег на землю: стоять-то долго.

Театр «Глобус», в котором играет труппа Шекспира, находится в заречном районе. По тогдашним понятиям, это гигантский театр. У входа его красуется изображение Геркулеса, который держит на плечах земной шар.

С утра по Темзе снуют лодки, перевозят зрителей. Зрителей много: лондонец лучше от обеда откажется, да в театр пойдет на весь день. По улице, что ведет к театру, валит народ. А уж что за улица! Булыжники торчат кое-как, словно кочки, гляди в оба, чтобы бесцеремонная толпа не сшибла тебя в сточную канаву.

Зато люди в Лондоне любят приодеться. Заглянешь в театр — глазам больно, не иначе кто-то выплеснул сюда ведра разных красок: алые блестящие юбки величиною с палатку, синие шелковые рукава с бархатными вишневыми лентами, лифы, расшитые золотой ниткой и жемчугом, белые тугие воротники величиною с колесо, кремовые чулки, вышитые лазурными цветами, короткие шаровары голубого атласа, набитые ватой, а то и опилками. И тут же грязные лохмотья и холщовые рубахи — сущий маскарад. И не только богатые наряжаются так, будто у них нет другого дела, но и лавочник постарается раздобыть зеленый шелковый плащ, а если жену свою прихватит, то она наденет желтые нежные перчатки, вышитые шелком.

Знатные господа, возчики, лудильщики, бродяги — тут все смешались, и каждое сословие принесло свои привычки и повадки. Богатым юным щеголям ничего не стоит забраться прямо на сцену, чтобы все могли полюбоваться их нарядом. Простой люд, который топчется внизу, свистит, швыряет в щеголей орехами и злится: ничего из-за них не будет видно.

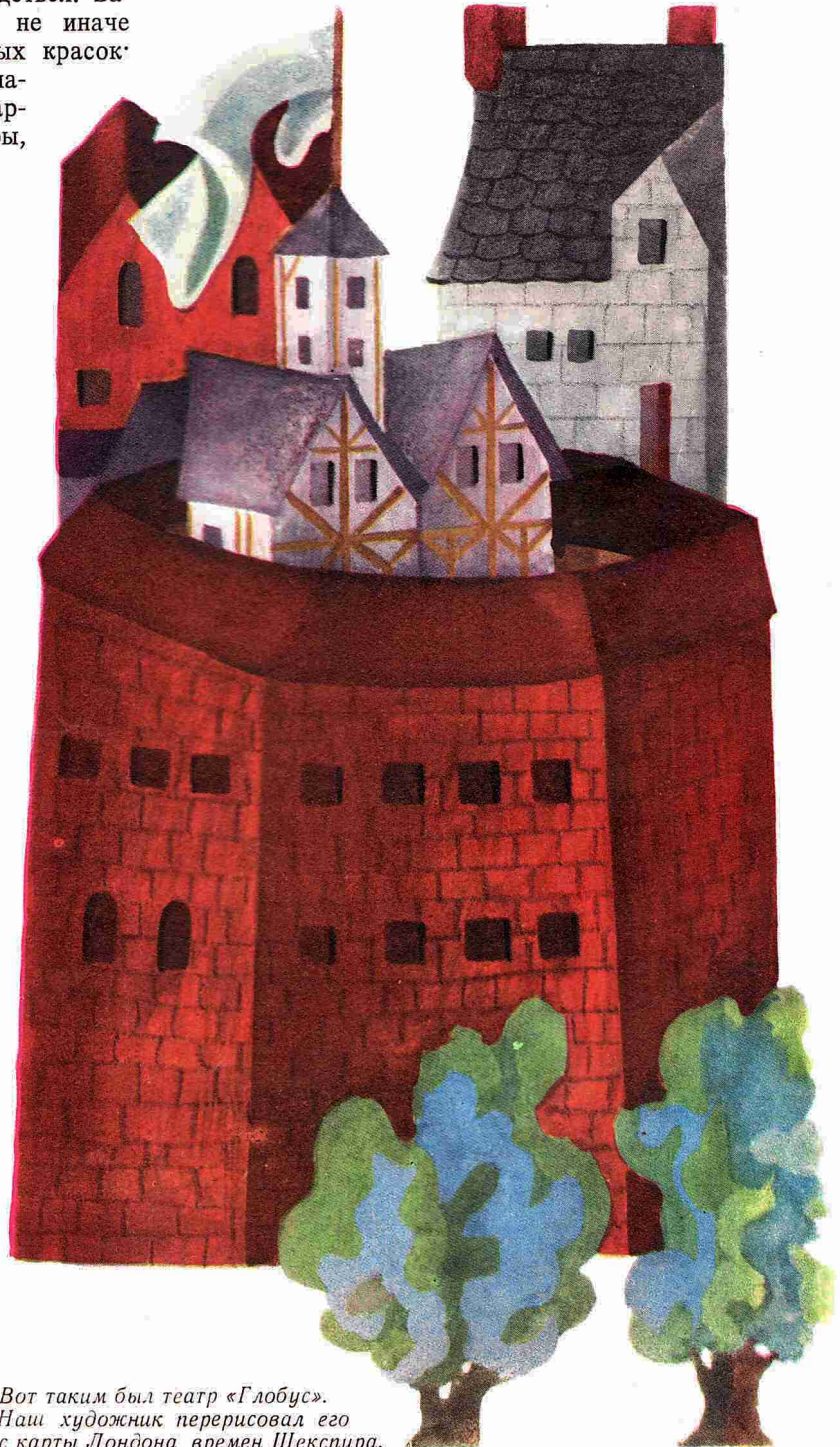
Кричат: «Начинать пора!»

И вот из-под навеса спускается трон, играет музыка, чтоб не было слышно, как безбожно скрипят блоки. Из-за занавеса на площадку выходит высокий старик в богатой пурпурной одежде с серебром. Легко догадаться, что он король: ведь все знают язык цветов, на котором пурпур — цвет королей. Это король Лир.

Расталкивая бесцеремонных зрителей, толпящихся на сцене, выходят придворные Лира, одетые с таким великолепием, что павлиньи костюмы щеголей на глазах линяют и меркнут. Выхо-

дят три дочери Лира: Гонерилья, Регана и младшая, Корделия. И королевский шут трясет головой в рогатом колпаке, увешанном бубенчиками.

В зале веселое оживление: если есть шут, будет потеха! Король Лир гозорит, что устал править страной, ему надоело носить корону и заботы, он решил разделить королевство между тремя дочками. Отчего бы не сделать подарок милым детям? Но пусть они сначала скажут, как любят отца, потешат королевское тщеславие. Старшие разразились длинными льсти-

Вот таким был театр «Глобус». Наш художник перерисовал его с карты Лондона времен Шекспира.

выми речами, прикладывая руки к груди. Корделия же громких слов терпеть не могла и отвечала так просто и скромно, что в ярость пришел король Лир и выгнал ее из дому.

Все уходят, играет музыка, трон уезжает вверх. Когда нужно перенести действие в замок Гонерильи, выносят позолоченную скамью и кто-нибудь из актеров объявляет:

— В замке Гонерильи.

Король Лир, решивший, что он будет беззаботно жить у своих дочек по очереди, вернулся с охоты веселый и довольный. Но шут, чуя неладное, уже советует Лиру обзавестись дурацким колпаком.

«Ты зовешь меня дураком?» — воскликнул король Лир, не поверив своим ушам.

И шут ответил печально:

«Остальные титулы ты роздал. А это — природный».

Что ж, Гонерилья выгнала его из дому. Разгневанный Лир и шут уходят в одну дверцу и выходят в другую: это значит, что они проделали большой путь и прибыли к замку Реганы. Но Регана и на порог отца не пустила, и Лир с шутком, оставшись без приюта, без крова, уходит ночью куда глаза глядят.

В театре очень шумно. Двое юнцов слезли со сцены и стали протискиваться к выходу: не понравилось. В партере их толкают, провожают гогогом, их чуть не сбил с ног продавец пирогов, который охрип, предлагая пироги, и изрядно устал, торгуясь.

А над сценой, под навесом, уже протянули черную ткань, изображающую ночное небо, и на сцену упала угрюмая тень. Гремят раскаты грома, хлещет дождь — это наверху, в будке, бьют в барабан, трясут лист железа. Король Лир, обезумевший от горя, в изодранной и мокрой одежде, шатаясь, бредет по степи, опирается на плечо старого шута. Он прожил властную, вздорную и капризную жизнь. Он любил себя больше всех, он был ослеплен и ничего не видел. И только сейчас он понял, что вся жизнь его была ошибкой. Ничтожна власть, лживы похвалы, ценно лишь человеческое сердце.

Всю жизнь он держал шута вместо собаки и при случае стегал плеткой, а шут не бросил его в беде. И Лир укрывает его обрывками своего плаща:

«Мой бедный шут, средь собственного горя
Мне так же краем сердца жаль тебя».

В театре наступает тишина. Глухо ворчит последний раскат грома, и гром аплодисментов срывается отовсюду. Три тысячи ладоней хлопают что есть силы, полторы тысячи глоток орут:

— Молодец! Здорово!

О, теперь они уже досмотрят пьесу до конца, сколько бы она ни шла! А еще много будет сцен, и много произойдет событий: Корделия примчится спасать отца и у него на руках погибнет, и озверевшие ее сестры еще натворят массу отвратительных и гнусных зло-

деяний, и много людей погибнет, и погибнет король Лир.

Пьеса кончилась, зритель доволен, зритель шумит и не сразу расходится. Жаль расходиться сразу.

Да здравствует король Лир! Да здравствует молодой Бербедрж, игравший старого Лира! Да здравствует Шекспир, написавший такую замечательную пьесу!..

...Впрочем, не так! Шекспира никто не вспоминает. Он стоит за сценой, за занавеской, его никто не видит, но он видит в щелку их, своих зрителей. Ну, не горе ли писать для такого сброда? Не они ли на масленицу сорвали трагедию и швыряли на сцену гнилые яблоки и прокисшую брюкву до тех пор, пока актеры не переоделись и не сыграли комедию? Легко ли написать пьесу так, чтобы ее с волнением смотрел ученый адвокат и безграмотный лудильщик? Нет большего проклятия, чем зависеть от публичных подаваний...

Но нет и большего счастья, если выпадет такая вот минута, и вся эта пестрая толпа вдруг станет одним существом, затаившим дыхание. И ради такой редчайшей минуты Вильям Шекспир никогда не бросит свое проклятое ремесло.

Уж этот зритель! Ему вынесешь на сцену два дерева в кадках, и он верит, что это густой, благоухающий сад, и видит, как Ромео, раздвигая южные заросли, пробирается к балкону своей Джульетты. И театральная стенка для зрителя уже не стенка, но старый итальянский замок, сложенный из тяжелых каменных плит, и вон на балконе Джульетта в нежно-зеленом платье, ведь всякому понятно, что нежно-зеленый цвет означает юность, чистоту, надежду на счастливую любовь.

Напрасная надежда: влюбленным не дали стать счастливыми. Они погибли оба, и зрители оплакивали их, глядя на деревянную гробницу, крашенную под мрамор, которую выкачивали на сцену.

Немного вещей нужно было, чтобы зритель перенесся в замок, в чащу леса, в тюрьму или на дикий остров посреди океана. Но зато какие это были вещи!

Картонные сласти, деревянный пирог, клетка, маяк, теленок, деревянная нога, адская пасть, изрыгающая настоящий огонь, машина для обезглавливания. А также вдоволь было корон — даже корона призрака — и всяческого оружия.

Но если зритель не претендовал на то, чтобы ему строили замок и обставляли его мебелью, то когда дело доходило до битвы, тут уж он требовал полного правдоподобия. Для битвы в «Ричарде III» запасали три больших пузыря, наполненных красным винным уксусом, похожим на кровь, и с бойни добывали овечьи внутренности, которые разбрасывали по сцене.

В драмах Шекспира пролито много крови. Такие были времена. Люди любили радости жизни, но ни в грош не ставили человеческую

Рассмотрите эту картинку — и вам нетрудно будет представить себя в театре «Глобус».

жизнь. Никого не ужасали вопли бродяг, которых пытали страшными пытками в тюремных башнях неподалеку от театра. Сбегались смотреть не только театр, но и травлю медведей, а также казни. Времена были грубые: королева ругалась площадной бранью, за что называли служанок. На сцене можно было услышать шутки не только остроумные, но и крайне вульгарные.

Грубость века, ожесточение сердца вошли в пьесы Шекспира, вы найдете их в Гонерилье и в Регане, жутких вырожденках — дай им волю, истребят весь род людской своею сатанинской злобой.

Но Шекспир подарил людям и нежную душу Корделии, а с нею и тонкую поэзию и благородство высокого искусства, и люди, попав под его магическую власть, не могли не становиться лучше.

Гамлет назвал театр зеркалом, в котором отражаются время и люди, добро и зло. Театр Шекспира был зеркалом не простым, но увеличительным, и, наверное, им можно было бы сжечь неприятельский флот, если навести под луч солнца.

Герои Шекспира — великие люди. Они могли решиться на все, они бросали вызов самой судьбе. Это могло плохо кончиться и обычно плохо кончалось. Но они чувствовали, что в них проснулись могучие силы, и ничто не могло остановить их. Прошли времена средневековья, когда человек боялся бога, порядка и хозяина.

Наступали времена людей, которые ничего не боялись. Это были люди эпохи Возрождения.

Прошло много лет, прежде чем люди спохватились, что Шекспир был гениален и велик. Спыхватившись, стали собирать о нем сведения, но было поздно. Все (или почти все) было забыто.

Вильям Шекспир, оставивший человечеству бесценное сокровище, остался таинственным незнакомцем, скрывшимся в тумане веков. Но пьесы его, собранные друзьями Шекспира — актерами и изданными, остались.

Вы, наверное, уже встречались с пьесами Шекспира, а если нет, обязательно встретитесь. И когда вы прочтете и посмотрите в театре его пьесы, в вашей жизни должен наступить самый настоящий праздник. Знайте: это праздник особенный. Он идет от древнейших времен, от тех самых великих театральных праздников, когда целые народы были охвачены единым горем мистерии и общим весельем карнавала.

В его трагедиях восстают бурные страсти мистерий, в его комедиях плещется веселый прибой карнавала.

Помните, мы говорили, что театр всегда начинался тогда и там, где люди задумывались над смыслом жизни. Когда они не хотели верить, что человек исчезает бесследно, и думали, что с человеком случается то же, что и с зерном, которое погибает, но потом прорастает.

Весенний дождь стучит в окно
В апрельском гуле гроз.
И Джон Ячменное зерно
Сквозь перегной пророс.

Так пели в Шотландии в старые времена, и так думали простые люди. У Шекспира бурная судьба героев ведет их к гибели. Но после гибели наступает как бы новое рождение. Лир погиб как король, но возродился как человек. Любовь Ромео и Джульетты была так велика, что жизнь друг без друга теряла смысл. И они погибли, чтобы их любовь жила вечно, ибо пять столетий люди скорбят о них и гордятся ими. Так весной зацветет любимый розовый куст Джульетты, умерший осенью. Так верили в возврат Диониса древние греки.

Наверное, ни о ком не написано столько книг, как о Шекспире. Великие ученые изучают его творчество. А в далекой чешской деревне до сих пор играют драму о злом короле: во времена Шекспира приезжала к чешскому двору английская труппа, сыграла «Ричарда III» и уехала, а в народе пьесу запомнили и до сих пор играют на свой лад.

Много лет назад один хороший русский писатель ехал на маленьком пароходике по Северной Двине и слышал от матросов рассказ о капитане Рылове, в печальной истории которого узнал судьбу Лира, только здесь историю Лира приспособили к русской жизни, чтобы было понятнее.

В том бродячем театре, который Шекспир прислал в Эльсинор на помощь Гамлету, можно узнать по некоторым намекам «Глобус», если бы он покинул свое помещение и отправился бродить по свету. На самом деле этого не было. «Глобус» актеры не покидали.

Но так или иначе имя театра оказалось пророческим. Пьесы вышли из «Глобуса» и отправились гулять по земному шару.

«Мир — театр», — сказал Шекспир. Для его пьес мир и правда стал театром, и нет уголка на белом свете, где бы не играли Шекспира.

*Зрители
в истории
театра
тоже сыграли
важную
роль.
Вот он,
прирожденный
театрал: он
встанет в четыре часа
утра, только бы
попасть на спектакль.
Мы еще встретимся
с ним на спектакле
комедии дель арте
в Италии и на
российской ярмарке
перед балаганом
Петрушки.
И, конечно,
он живет сегодня
среди нас.*

«АТАКА»
Саша МАКСИМЕНКО

МАЛЬЧИШКА РИСУЕТ СРАЖЕНИЕ

Один, другой, третий. Много мальчишек в разных краях рисуют бой, битву, схватку, сражение. И видно, что знают и любят они нашу военную историю, знают и

помнят о славе наших ратных дел. А для тех, кто хочет знать еще больше, «Пионер» начинает на своих страницах рассказы о военном искусстве.

«КУЗНИЦА»
Юра ЛЕВЧЕНКО

«ЛЕДОВОЕ ПОВОЙЩЕ»
Витя ИВАНОВ

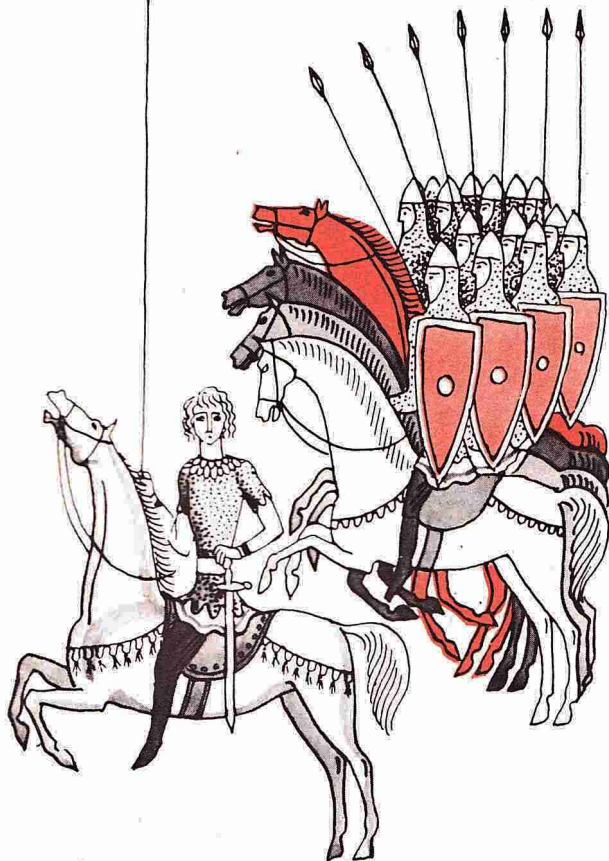

«НАПАДЕНИЕ НА ФРАНЦУЗСКИЙ ЛАГЕРЬ»
Вася ИВАНОВ

А. МИТЯЕВ

Битва на Куликовом поле

Рисунки Н. ДОБРОХОТОВОЙ.

РАСКАЗЫ О ВОЕННОМ ИСКУССТВЕ

Дорогие читатели! Некоторые мои друзья упрекают меня, что я вместо добрых сказок решил теперь писать о делах военных. Они говорят: «Детям это рано знать, война так жестока...»

Но разве отец, рассказывая сыновьям добрые сказки, не говорит им и суровой правды?

К огромному сожалению, мы, ваши отцы, еще не можем сказать: «С войнами покончено». Если бы мы так сказали, то были бы обманщиками.

Есть и еще причина, почему я с открытым сердцем хочу рассказать вам о военном искусстве: армия, в которой вы будете служить, вела только справедливые войны. Это армия свободного народа, его заступница и защитница. Ее победы — победы святые.

Сила Советской Армии складывается из множества разных сил. Одна из них, этих сил, — командиры. Командиры — ум армии. Вы — будущие командиры армии. Вы — будущая ее сила.

Летом 1380 года

Войска великого князя московского Дмитрия на реке Воже наголову разбили большое татарское войско Бегича. В ближних и дальних русских землях с ликованием встречали это известие. Звонили церковные колокола, на городских площади валом валил народ, гонцы-добровольцы — мальчишки бежали от избы к избе с криком: — Побиты басурмане!

Больше не было непобедимых татаро-монголов. Жуткая полуторавековая ночь рабства, унижения и уничтожения кончалась.

Князь Дмитрий, которому с 1380 года суждено было зваться Донским, знал, что разгневанный Мамай в Золотой Орде уже собирает войско, чтобы в прах стереть дерзких данников вместе с их городами и селами, — вернуть Русь ко временам Батыя. Только у русских было уже крепкое Московское княжество. Они готовы были принять смертный бой и победить.

Кузнецы-оружейники по всем городам в предчувствии решающей битвы надевали кожаные передники, перехватывали волосы ремешками и вставляли к горнам ковать мечи и топоры, шишаки и кольчуги.

Прут и веник

Все знают притчу об отце, которыйставлял сыновей быть дружными. Он попросил их переломить прут. Прут легко переломился. Тогда он дал им веник. Как ни старались сыновья, не смогли его сломать.

— Так и вы, — сказал отец, — пока вместе, никто вас не одолеет.

Старинная это притча и верная. Тысячу подтверждений найдем мы ей в истории.

Татарские ханы, обложив данью русскую землю,

больше всего боялись объединения русских сил. Поэтому и натравливали одного князя на другого. Помогали слабому, но заносчивому победить сильного, чтобы сильный не связывал всех других в веник, который вымел бы захватчиков с чужой земли.

Не просто было великому князю московскому Дмитрию собрать разрозненные княжества, подчинить их единой власти. Многие князья, сами метившие на великое княжение, то и дело бегали в Орду с поклонами и подарками.

В самой же Золотой Орде веник распадался на прутья. За двадцать лет до битвы на Куликовом поле там сменилось двадцать пять ханов, враждовавших из-за власти.

Князь Дмитрий был мудрым политиком. Он создал сильное Московское княжество, объединил вокруг него другие княжества и этим заложил фундамент для военной победы над вековым врагом.

Войско мамая.

Золотая Орда, несмотря на внутренние распри, была еще очень сильной. Против Руси Мамай собрал огромное стопятидесяти-тысячное войско. Кроме татаро-монголов, в нем были хорезмские турки, ясы, касоги, наемная генуэзская пехота. С сорокатысячным войском шел к Мамаю литовский князь Ягайло. Не веря в победу соотечественников, на сторону врага перешел рязанский князь Олег. Ягайло и Олег условились, как поделят между собой московские земли.

Войско дмитрия.

У московского князя было сто тысяч воинов почти из всех русских княжеств. К нему на службу перешли со своими полками два литовских князя: братья Ягайло, Андрей и Дмитрий. В старинной повести «Задонщина» московский боярин Михайло Александрович так говорит после битвы Дмитрию Донскому: «Государь князь великий Дмитрий Иванович! Нет, государь, у нас сорока бояринов больших московских, двенадцати князей белозерских, тридцати новгородских посадников, двадцати бояринов коломенских, сорока бояр серпуховских, тридцати панов литовских, двадцати бояр переяславских, двадцати пяти бояр костромских, тридцати пяти бояр владимировских, восьми бояр суздальских, сорока бояр муромских, семидесяти бояр рязанских, тридцати четырех бояринов ростовских, двадцати трех бояр дмитровских, шестидесяти бояр Можайских, тридцати бояр звенигородских, пятнадцать бояр углических».

Этот горький счет не так горек, как тот, которым считали князей, перебитых татаро-монголами поодиночке. Это счет героев.

Разведка.

Всякий командир, если он только не самоуверенный зазнайка, начинает свои действия разведкой.

Дмитрий Донской первым делом направил в Золотую Орду посла для переговоров с Мамаем. Переговоры к соглашению не привели. Дмитрий и не рассчитывал на это: посол имел другое

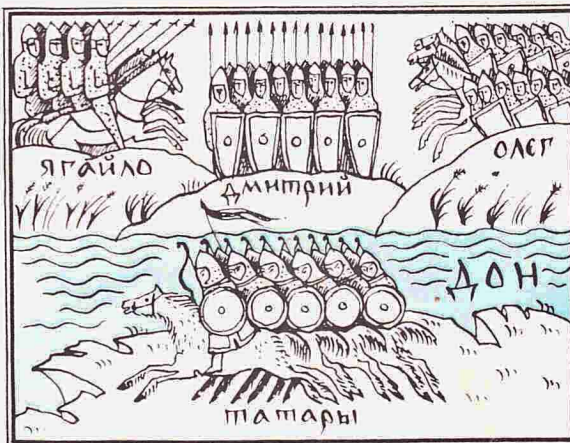
задание, тайное — собрать сведения о подготовке неприятеля к походу. Одновременно в степь, в сторону татарских кочевий, были посланы сторожи — отряды конных разведчиков — для слежения за противником и захвата «языков».

Когда русское войско приблизилось к Дону, выслана была сторожа опытного воеводы Семена Мелика. Семен Мелик должен был войти в соприкосновение с передовыми отрядами Мамаю и непрерывно слать донесения о продвижении неприятеля. Разведчикам удалось захватить «языка» из свиты самого Мамаю. «Петр Горский да Карп Олескин привели пленного из числа ханских вельмож, — говорится в «Сказании о Мамаевом побоище». — Этот пленный рассказал великому князю, что хан уже на Кузьминой гати, но не спешит, потому что поджидает Ягайло Литовского и Олега Рязанского, а о русском войске не знает. По прежде указанному соглашению с Ягайлом на третий день Мамай будет на Дону. Князь великий спросил пленного о силе Мамаю; тот же сказал: «Несчетное множество, перечеть нельзя».

Военный совет.

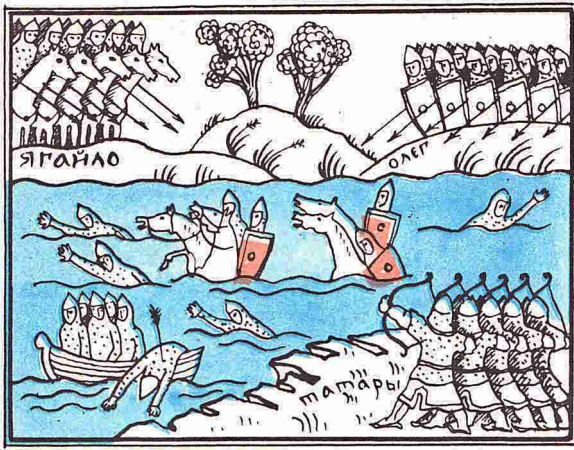
7 сентября русская пехота подошла к Дону в том месте, где впадает в него река Непрядва. Двумя днями раньше сюда пришли конные полки. Мамай был уже близко. Надо было решать, где встречать его: перед Доном или за Доном. Полководец собрал князей и воевод на военный совет.

Мнения на совете разделились. Одни предлагали оставаться на месте. Им казалось выгоднее ждать татаро-монголов и напасть на них, когда они будут переправляться через реку. Правда, в этом случае русским пришлось бы отбивать на правом фланге литовцев, а на левом рязанцев.

Пройдя же за Дон, русские лишали себя путей отхода, и в тылу у них оставались Ягайло и Олег с крупными силами. В случае неудачного столкновения с татарами русские полки обрекались на полное уничтожение: татары сбросили бы их с правого берега в Дон, а на левый берег их не выпустили бы из воды литовцы и рязанцы.

А некоторые видели в этом преимущество: полки вынуждены были бы сражаться за рекой до последнего дыхания, иного выбора у них не оставалось.

К этому соображению прибавлялось еще одно, очень важное: за Доном русские встретились бы с одними татарами, — Ягайло и Олег были еще далеко от места будущей битвы.

«Любезные друзья и братья! — сказал Дмитрий, выслушав воевод, — Ведайте, что я пришел сюда не за тем, чтобы на Олега смотреть или реку Дон стеречь, но чтобы Русскую землю от пленения и разорения изабавить или голову свою за всех положить: честная смерть лучше плохой жизни. Лучше было бы мне нейти против безбожных татар, нежели, пришед и ничто не сотворив, воротиться вспять. Ныне же пойдем за Дон и там или победим и все от гибели сохраним, или сложим свои головы».

Полководец приказал строить мосты, искать броды. В ночь на 8 сентября русское войско начало переправу. Войны переправлялись в доспехах, сильные сторожевые отряды были готовы отбить внезапное нападение татарской конницы. Мамай находился всего в семи километрах — его войско отдыхало после перехода. Сторбжа Семена Мелика едва спаслась от преследователей.

ТРЕЖДЕ, ЧЕМ ОТПДАТЬ ПРИКАЗ.

Итак, русские войска перешли Дон. Попробуем представить, что думал, как рассуждал наедине с самим собой полководец.

«Спокойней перед Доном стоять. Может случиться, что Мамай не осмелится через реку идти. Увидит нашу силу, повернет в Орду. Было ведь такое на Оке. Шел мне за Вожу отомстить, да побоялся. Но того ли я сам желаю? Того ли Русь ждет? Смоленская дружина против воли Ягайла ко мне пришла — хочет с татарами биться. Многие бояре рязанские своего князя бросили, на татар поднялись. В пешей сотне московского Юрку-сапожника видел. Плохой у него достаток, а доспехи и копые сам себе справил. И сколько их воев таких!»

«Ну, уйдет Мамай. Все равно тяжесть татарская над Русью висеть будет. Ветер дунет или птица крылом заденет — упадет снова камень ордынский на города наши и села. А и без того по всем заморским базарам степняки русскими торгуют. Биться надо. Мечом и копыем истребить страшную силу...»

«Отгородит нас Дон от родной земли московской. Плохо это, что говорить, плохо. А выгода тоже есть.

Как восстанем пред Мамаем, так не дадим ему времени ждать ни Литву, ни Олега-рязанца. Один он будет биться с нами.

И заставлю я его делать, что я хочу. Хитер он, да гордый, себя величать любит. Через это и наказание ему придет в его же владениях.

Поставлю полки свои спиною к Непрядве и Дону. Чтобы правое крыло наше было у речки Дубяк, что в Непрядву впадает. Круты берега у Дубяка — не пройдет там татарская конница, не налетит с копыями и саблями, как всегда привыкла делать. А левое крыло русских загородит речка Смолка, что в Дон бежит. И опять татарам непривычное дело откроется: придется им только в лицо нам идти...

Сила у Мамаю огромная. Но не дадут ей Дубяк и Смолка всей сразу на мои полки хлынуть. Будет течь татарская сила на поле Куликово, как в горло кувшина.

Знают и воеводы татарские... На левое крыло наше кинутся вороньем. Потому что за левым крылом мосты через Дон и броды. Вот и будут они метить отрезать русское войско от переправы. Чтобы не дать уйти за реку, чтобы в спину нам ударить и всех положить.

А хитрее воеводы русские! Поставим мы за левым крылом в дубраве крепкий полк в засаду... Поможет он другим полкам в трудный час. Да от Ягайла оборонит, если тот подоспеет к Мамаю. Только не успеть ему. Все раньше кончится...»

РАСПОЛОЖЕННЕ ВОЙСК.

Русские войска встали между Дубяком и Смолкой, заняв по фронту четыре километра. Вперед, на значительное расстояние от основных сил, был выдвинут сторожевой конный полк. За ним стоял передовой полк пеших воинов. Третью линию составляли главные силы: большой полк из пехоты и конницы самого Дмитрия и примыкавшие к нему конно-пехотные полки правой и левой руки. Для поддержки большого полка позади его левого фланга был поставлен пеший отряд — частный резерв. В главном резерве — опять же на левом фланге — в Зеленой дубраве встал отборный конный полк под командованием выдающихся военачальников князя Владимира Андреевича и боярина Дмитрия Боброка.

Татарские войска построились напротив русских, по другую сторону Дубяка и Смолки. Ближе всех стоял передовой отряд легкой конницы; за ним была генуэзская пехота, а справа и слева от нее конница. Конница выстроилась на краях двумя линиями и имела свои передовые отряды. Сзади всех, у подножия холма, расположился сильный конный резерв, которым распоряжался сам Мамай. Шатер хана возвышался на вершине холма, откуда открывался вид на все поле сражения.

КАКАЯ ЧУВСТВОВАНИЕ БИТВЫ.

Что чувствует солдат перед боем? Кого вспоминает он, о чем думает? О чем думали, кого вспоминали наши предки на Куликовом поле, когда только ночь отделяла их от грозного сражения? Состояние война в ночь перед боем так описал летописец:

«Уже давно вечерняя заря потухла. И князь Дмитрий Иванович, взяв с собою только своего брата Владимира и литовских князей, выехал на Куликово поле и стал посреди двух войск и повернулся к татарскому войску и слышал великий стук и клич, точно собираются на торг, точно трубы гремят, а позади грозно волки воют. Вороны играли за рекой, точно горы колебались; гуси и лебеди на реке Непрядве били крыльями, возвещая необычную грозу. И сказал Вольнец (Дмитрий Боброк) великому князю: «Слышите ли это?» И сказал ему великий князь: «Слышим, брат, великая гроза». И сказал Вольнец: «Призываю тебя, князь, обратиться в сторону русского войска». И была великая тишина. Вольнец сказал великому князю: «Что слышишь, господин?» Он же отвечал: «Ничего, только видим многие огни и многие зори соединяются». И сказал Вольнец: «Запомни, князь, господин, доброе предвещение, призывай бога, не теряй веры». Вольнец сошел с коня, приник к земле правым ухом и пролежал долгое время, встал и вдруг поник головой. Великий князь Дмитрий Иванович сказал ему: «Что это значит, брат?» Тот не хотел говорить. Великий князь долго принуждал его сказать, и тот сказал: «Одна примета тебе к добру, другая не к пользе. Слышал я, как плачет земля на две стороны: одна сторона, как некая женщина вдова, а другая, как некая девица, точно свирель, проплакала плачевным голосом. Жду победы над погаными, а много наших погибнет».

Драженне.

В то утро на Куликовом поле долго стоял туман. Только в одиннадцатом часу дня полки увидели друг друга. По обычаю с обеих сторон выехали на конях богатыри, чтобы сразиться в единоборстве. С татарской стороны был Челубей, с нашей — Пересвет, монах Троице-Сергиева монастыря, до пострижения брянский боярин Александр. Всадники налетели друг на друга с такой силой, так ударили копьями, что оба упали замертво. Битва началась...

Выдвинутый вперед сторожевой полк русских и пеший передовой полк на некоторое время задержали татар. Оба полка пали, с честью исполнив свой долг: они не дали авангарду противника нарушить строй большого полка.

Как и предполагалось, главные силы неприятеля, лишенные возможности охватить русских с флангов, направили основной удар против центра позиции Дмитрия Донского. «И сошлись оба войска, крепко бились не только оружием, но и убивали друг друга врукопашную, умирали под конскими копытами, задыхаясь от великой тесноты, ибо невозможно было уместиться на Куликовом поле, тесное ведь место между Доном и Непрядвою».

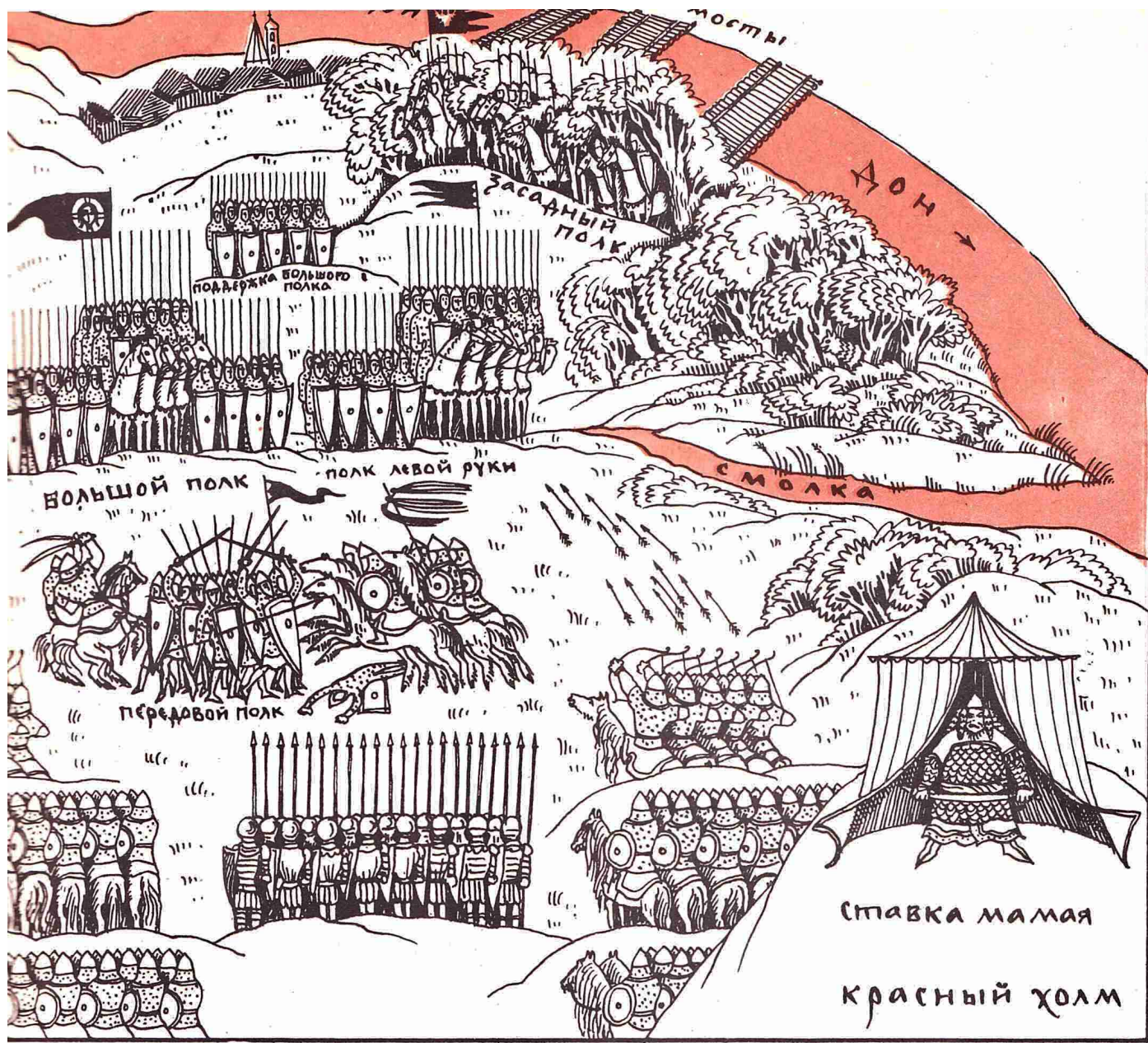
Большой полк и полк правой руки, неся потери, все же удержались на месте. Но на левом крыле натиск врага был так силен, что полк левой руки стал отходить, открывая фланг большого полка.

Пеший отряд — частный резерв — на некоторое время прикрыл обнаженный фланг большого полка. Однако вскоре татары смяли левое крыло и огромными массами устремились в тыл русских, отрезав их от мостов на Дону и грозя сбросить в Непрядву.

Нет сомнения, противнику удалось бы это в полной мере, не будь в Зеленой дубраве сильного резерва. Татарское войско, ничего не зная о нем, подставило ему под удар свой фланг и тыл. Так бывает за шахматной доской: игрок объявляет шах, не замечая, что сам получает после неразумного хода мат.

«Князь Владимир Андреевич, — повествует летопись, — не мог вытерпеть татарской победы и сказал Дмитрию Вольнцу: «Беда великая, брат, какая польза от нашего стояния? Разве не в насмешку будет нам оно? Кому придется нам помогать?» И сказал Дмитрий: «Беда, князь, великая, но не пришел наш час: всякий, кто не вовремя начинает, беду себе приносит. Потерпим еще немного до удобного времени и подождем, пока не дадим врагам нашим воздаяния». Тяжко было детям боярским видеть гибель людей своего полка. Они плакали и непрестанно рвались в бой, точно соколы, точно приглашенные на свадьбу пить сладкое вино. Вольнец же запрещал им, говоря: «Подождите немного, есть еще с кем вам утешиться». И пришел час, внезапно потянул им южный ветер в спину. Закричал Вольнец громким го-

лосом князю Владимиру: «Час пришел, время приблизилось». И еще сказал: «Братья мои и друзья, держайте». И одновременно выехали русские из дубравы, точно выдержанные сокола ударили на многие стада гусиные; знамена их направлены грозным воеводою.

Татары же, увидев их, закричали: «Увы нам, снова Русь обманула, слабейшие люди с нами сражались, а сильные все сохранились». И обратились татары в бегство и побежали».

Мамай ввел в бой свой резерв. Однако смятение в его войске было так велико, что отступающих остановить не удалось. Русские по всему фронту начали преследовать врага и гнали его четыре десятка километров до реки Красивая Меча.

Всего три часа шло сражение на Куликовом поле, а потери с обеих сторон были очень большие. Русские потеряли до сорока тысяч воинов, татары — вдвое больше.

Летопись сохранила нам имена воинов, искавших на поле боя своего полководца: Юрки-сапожника, Васьки Сухоборца, Веньки Быкова... Великого князя

Дмитрия Ивановича нашли в полусознательном состоянии. Доспехи на нем были побиты ударами копий и стрел. Он сражался наравне со всеми воинами.

ЭХО КУЛИКОВСКОЙ БИТВЫ.

Как эхо разносится по горам и долам, так разнеслась по ближним и дальним землям весть о победе русских над монголо-татарами. Первыми ее услышали спешившие к Мамаю Ягайло и Олег. Литовское войско недалеко от Дона повернуло и той же дорогой ушло обратно. Страхась наказания, бежал в Литву Олег-изменник.

Соседи Московского княжества — и свои и иноземные — теперь ясно увидели, что серединой, сердцем русской земли стала Москва и что сила, растерянная в княжеских междоусобицах, в распрях, возвращается к русским. Первый залп пушек, установленных вскоре Дмитрием Донским в московском Кремле, подтвердил это и предупредил, что Москва будет жестоко карать каждого, кто посягнет на Русскую землю.

Владимир
ИЗМАЙЛОВ

РАССКАЗ

Первый медведь Ваньки-Акмета

Рисунки С. ТРОФИМОВА.

Ваньку-Акмета ребяташки любили и завидовали ему. Любили потому, что был он простак-парнишка, чудной и веселый. А завидовали — уж очень смел был! Хотя тоже как-то по-чудному смелый.

Тринадцати лет не было Акмету, когда он медведя убил.

Один убил!

И не в берлоге, а летом, у избы своей прямо. Да еще из такого старинного ружья, про какие и старики забывать стали...

Чудной, правда, парнишка Ванька-Акмет: медведя убил — не хвастал. А по-немецки считать выучился — всем надоел:

— Ну-ка, послушь, как шитаю: ай, свай, трай, бир...

Залпом выпалит и сидит довольный, ждет похвалы. Да еще сам первый захочет — забавно получается: по-шорски «бир» значит один, по-немецки — четыре. И невдомек ему, что он просто неправильно выговаривает немецкое «фир». Он и по-русски-то не больно хорошо выговаривал. Вообще у него многое выходило по-чудному. Познакомился впервые с приисковыми ребяташками; назвал себя Акметом и бойко прибавил:

— По-русски луче — Ванька!

— Это почему же лучше? — недоверчиво спросил Аверька. — То Акмет, а то Ванька! Похожа свинья на быка, только шерсть не така!..

— Не снай! — искренне сознался Акмет и убежденно добавил: — Ванька — луче!..

Может, он считал, что Ванька больше похоже на Акмета, а может, ему просто еще неизвестны были другие русские имена. Или нравилось быть Ванькой.

Кто его знает.

Только все так и стали звать его — Ванька-Акмет.

Жадно учился по-русски говорить, но с таким смешным акцентом говорил, так коверкал слова, что не хочешь, да захохочешь. А тут еще увлекся немецким, и давай у меня чужие слова перенимать. Другой раз все языки перепутает и раньше всех над собой смеется.

До чего жалко мне, что никак нельзя на бумаге передать его смешной и милый говор!..

Расспрашивает про все на свете и сам торопится высказать, что знает, умора — и только!

— Отчего самолет летат? Потому что крылья ему есть, как стрекозу!

— Да не только поэтому! — начнут ре-

бятишки объяснять ему.— У него же еще мотор есть и винт — пропеллер...

— Какой бинт? Пачиму матор? Как проперил?..

И хохота не оберешься.

Аверька, первый насмешник среди ребят, голову пощупает Ванькину, очень серьезно скажет.

— Горячая, закипит скоро, каша будет.

— Не! — бодро возражает Ванька.— Не будет каша! Будет грамотный голова! Сейчас только путал мало-мало, распутать надо...

И распутывал, добирался до сути, неумный!

...Так вот, в тот раз медведь будто узнал у кого, что Ванькин отец, Трофим-охотник, ушел по делам в контору «Заготпушнины», за шестьдесят километров. Будто почуял, что на займке парнишка один остался, а в огороде — шесть ульев пчел, уже много меду натаскавших в соты. Как удержаться от соблазна, если мед любишь?

Ванька рыбачил в ту пору на Тюргузене — хариусов на мушку ловил. Рядом с домом, прямо за огородом. Услыхал, как у дома отчаянно задала-завизжал молодой Куян, прозванный так за свою заячью трусливость. Кинулся Ванька ко двору, а Куян — навстречу. Чуть с ног не сбил, так летел с визгом!

Жметя к Ванькиным босым ногам, скулит от страха. Увидел Ванька. здоровенный медведь перелез через городьбу и прямо по огороду топает к избе, к ульям. Уже полетному рыжевато-бурый, горбатый, косолапит уверенно. будто кто его в гости звал...

Схватил один улей, ломает, пчелы тучей вьются, жалят разбойника, путаются в его густой шерсти. Фыркает он, ворчит, будто ругается по-медвежьи, даже подвизгивает — так крепко жалят пчелы! Особенно в черный пятачок носа. Однако улей не бросает: видно, страсть меду хочется!

...Дома только старый дедовский мытык, кремневое ружье, висит на стене. Доброе-то ружье отец с собой взял. Правда, кремневка заряженная, только уж очень давно: нужды не было стрелять из нее. Да теперь и к этому ружью не доберешься: медведь на дороге как раз. Ладно, что хоть Ваньку пока не видит.

Затаился Ванька-Акмет: что больше делать?

Куян тоже скулить перестал, только дрожит весь. А медведя пчелы до того довели, что он завизжал смешно и тоненько да вскачь к реке! Бухнулся в омуток, выскочил, к болоту побежал — спасаться.

Вихрем влетел Ванька в избу, дверь захлопнул, а Куян уже под лавку залез — вперед Ваньки вскочил, вот какой отчаянный стал!

Обрадовался Ванька, засмеялся даже: — Молодцы пчелы, медведя прогнали!..

Да зря радовался — тот скоро назад вернулся. Идет грязный-грязный, в болотной тине весь, шерсть слиплась, сосульками висит. Сразу видно: старый и очень хитрый аю — медведь — в болоте вывозился да опять за грабеж принялся. Пчелы сквозь грязную шерсть пробиться не могут, а нос он то лапой прикроет, то чуть не под мышку себе сунет.

Сгреб улей, на задних лапах неуклюже заковылял к реке и давай улей в омуток булькать. Утопил всех пчел, которые в рамках оставались, а от тех, что вьются, и не отмахивается даже. Трахнул улей о камни — и давай мед жрать...

Знал Ванька и раньше, что медведь умеет ульи таскать, от отца об этом слышал, но видел такое впервые.

Ую-юй, как рассердился Ванька!..

Какой-такой закон в тайге вышел, чтобы среди бела дня крохотную пасеку разорять?

Снял Ванька мытык со стены, проверил — заряжено. Нашел порох, подсыпал к затравке на «полку». Из окна стрелять было нельзя: далеко, да и не открывалось

окно — без створок. Ванька вышел на улицу. Старая кремневка тяжела, с руки и взрослому не выстрелить — раньше стреляли, подставляя сошки. Осторожно добрался Ванька до кустов у ограды, ствол кремневки на колодину положил. Проверил, не высыпался ли порох. Кремневый курок взвел, ловко присел, прицелился. Однако стрелять нельзя было: задом медведь стоит. Что делать?

Закричал Ванька злым голосом неожиданно, сам себя напугал:

— Пошто улик ломаешь, бандит, фашист?..

Будто понял аю — повернулся, хрюкнул зло и назад бегом. То ли к Ваньке, то ли за новым ульем — некогда было думать-гадать. Шагах в двадцати поймал Ванька на мушку злой медвежий глаз, нажал курок.

Показалось: долго загорался порох в затравке, долго-долго выстрела не было. Успел заметить — медведь вправо метнулся; подумал с отчаянием: «Промазал, однако!..»

Больше ничего не успел подумать: выстрел грянул, громом горы расколос. Упал Ванька: тяжелый мылтык на слабом упоре, плохо прижатый, так ударил в плечо — всю руку отбил. Думал, сломал плечо, пропала рука..

Ох, как яростно заревел медведь!

Гул по горам пошел, эхо перепугалось, во все стороны кинулось!

Глянул Ванька через колодину — гора лохматая лежит шагах в десяти. Задняя медвежья нога скребет по зеленой луговине, до черной земли траву выдирает. Поскребла-поскребла, дернулась и затихла. Да не по этому догадался Ванька, что убил медведя, — Куян показал: трусливый пес храбрый сразу стал, к зверю кинулся, лает, хрипит, теревит мертвого за косматые «штаны», полна пасть шерсти.

...Медленно подошел Ванька, поглядел опасно на убитого аю. Увидел: в правой задней лапе между кривых страшных когтей огонек-цветок застрял стебельком. Яркий-яркий. Оранжевый.

Будто хотел медведь перед смертью понюхать таежный цветок, да не дотянулся лапой до морды — судорогой стянуло. Хорошо, увернулся медведь, левую лопатку подставил — сам сердцем пулю поймал.

...Поглядел Акмет на неподвижно-громадного мертвого зверя с цветком в когтях, почему-то не обрадовался, сказал тоскливо:

— Черт тебя гонял за медом, дурака? Не разбойничал бы, кому ты нужен, летний?..

...Поглядел Акмет на отчаянно-храброго Куяна, почувствовал: очень плечо болит, руку ломит, шевельнуть нельзя. Сказал собаке:

— Дурак ты, а не собака! Куян ты и есть куян — заяц трусливый..

И заплакал: очень рука болела, и только сейчас по-настоящему страшно стало...

...Ребятишки-друзья все расспрашивали, что да как, хвалили Ваньку, глаза у них горели. И сердились: больно худо Ванька рассказывает, даже хвалить такого неохота.

Ну что это за рассказ:

— Рыбачил, гляжу, медведь. Улики ломат, собаку пугат. Потом побежал: пчелы ему кусал шибко. И я побежал тоже...

— За медведем, что ли? Или он за тобой? — допытывался с досадой Аверька: и высмеивать храбреца неладно и понять ничего нельзя!..

— Пошто за им? Пошто за тобой? — возражал Акмет. — Она болоту полез, я избу полез.

— Она полез, ты полез... — не давал покоя насмешник. — Лазали там, кто куда... Да убил-то ты его как, коль вы в разные стороны полезли?..

— Ай-е, Аверька! — удивлялся непонятливости друга Ванька. — Она же другой раз приходил! Улик брал, речку таскал, топил. Хитрый аю! — жмурился Ванька-Акмет. — Болотину лазил, весь грязем мазался, как пчеле кусать? Ую-юй, хитрый, человек ровно!

— А потом? — допытывались жадные до страшного ребятишки. — Как ты его застрелил-то?

— Как? Абнокавенный! — ввертывал Ванька роскошное русское слово. — Ружье ташил улису, потом стрелял...

И грустно признавался:

— Жалко чево-то было мне ему...

Виновато и странно улыбался Акмет — ну, не чудак ли?

— И, поди, скажешь, не боялся? — ехидно спрашивал Аверька: что говорить, он не меньше других завидовал герою Акмету!

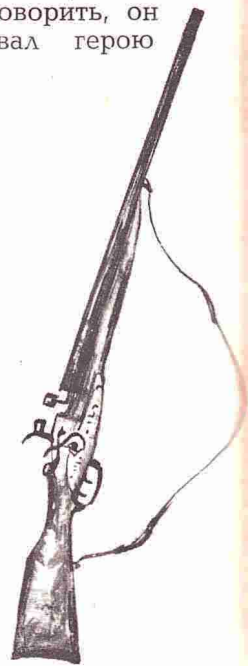
— Пошто не боялся? Шибко боялся! — просто признавался Ванька. — Мылтык старый, года два ли, три ли не стрелял. А все время заряженный был. Думал, стрелит ли, нет ли. Думал, разрывать будет, убить может.

И улыбался, довольный:

— Не разрывал! Стрелил ладно: самый серсо угодил. Крепкий ружье прошли раз издавали, сильный!..

«Прошлый раз» у Ваньки обозначало очень далекое время.

...Где-то на фронте погиб снайпер Акмет — милый Ванька моего детства...

*Дорогой «Пионер»!
Я хочу знать, какая фамилия была у царя Петра I.
Пожалуйста, ответь на мой вопрос.*

Гая ПРОЖНАЯ
г. Кемерово

Третий из восемнадцати

У русского царя Петра I, прозванного за его свершения Великим, фамилия, имя и отчество были такие: Романов Петр Алексеевич. Родился Петр 30 мая 1672 года. Он был сыном царя Алексея Михайловича и его второй жены Натальи Кирилловны Нарышкиной.

Петр I был третьим царем в династии Романовых. Первым был его дед Михаил Романов. Он взшел на русский престол в 1613 году. Через три

века, в 1913 году, помещики и капиталисты праздновали трехсотлетний юбилей.

За эти три столетия многострадальная наша страна испытала на себе гнет восемнадцати царей этой династии. Но в 1917 году революция заставила отречься от престола последнего Романова — Николая II, прозванного кровавым за жестокие расправы с народом.

Г. ГИНЗБУРГ

Здравствуй, «Пионер»!

Меня и моих друзей интересует вопрос: откуда произошли погоны?

Мы часто собираемся во дворе и обсуждаем этот вопрос. Помоги нам разобраться. С пионерским приветом!

МУРУГОВ Вася
г. Кривой Рог

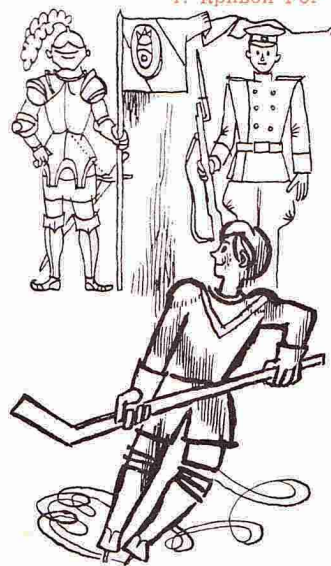
Длинная биография

У погон довольно длинная родословная. Их предками были металлические наплечники (в древности — бронзовые, в средние века — стальные), защищавшие от ударов меча.

Постепенно облегчаясь, они превратились в погоны и в основном стали служить знаками различия для родов войск и воинских званий. Впрочем, и свою защитную роль погоны до некоторой степени продолжали сохра-

нять, смягчая сабельные удары атакующей кавалерии.

Тебе, Вася, и другим мальчикам вашего двора, вероятно, будет интересно вспомнить, что в боевых доспехах современных ледовых рыцарей — хоккеистов входят наплечники, несущие ту же службу, что и у воинов давних времен: они защищают плечи от ударов. Конечно, не от ударов мечом, а от нечаянных ударов клюшкой.

Толя НЕСТЕРОВ
п. Бежаницы,
Псковской области

Дорогая редакция!

На Юпитере есть Красное пятно. Что это за пятно? Ответ я искал в книге, но не нашел. Жду ответа от вас.

И все-таки загадка

Ученые впервые заметили Красное пятно в 1878 году и с тех пор вот уже девяносто один год ведут за ним наблюдения.

Что же о нем известно? Во-первых, его размеры, форма, цвет.

Это огромный ржаво-красный овал длиной в 50 тысяч километров и шириной в 20 тысяч. Вспомним для сравнения, что экваториальный диаметр Земли — 12 756 километров.

У пятна своя скорость, несколько меньшая, чем скорость вращения атмосферы Юпитера на этой широте. Двигаясь быстрее, чем Красное пятно, облака как бы обтекают его.

Скорость Красного пятна неравномерна. Временами она слегка возрастает, временами замедляется. Никакой регулярности в этих изменениях нет.

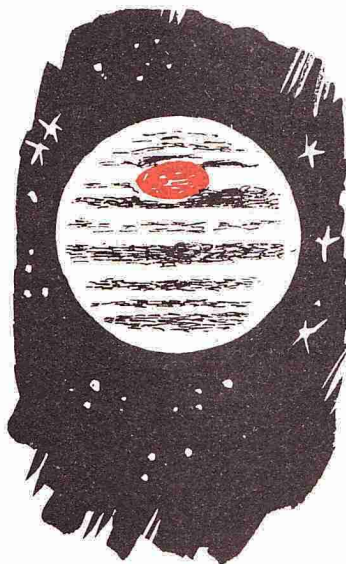
В некоторые годы пятно бледнеет, становится чуть розоватым и малозаметным. Потом снова усиливает свой красно-рыжий цвет.

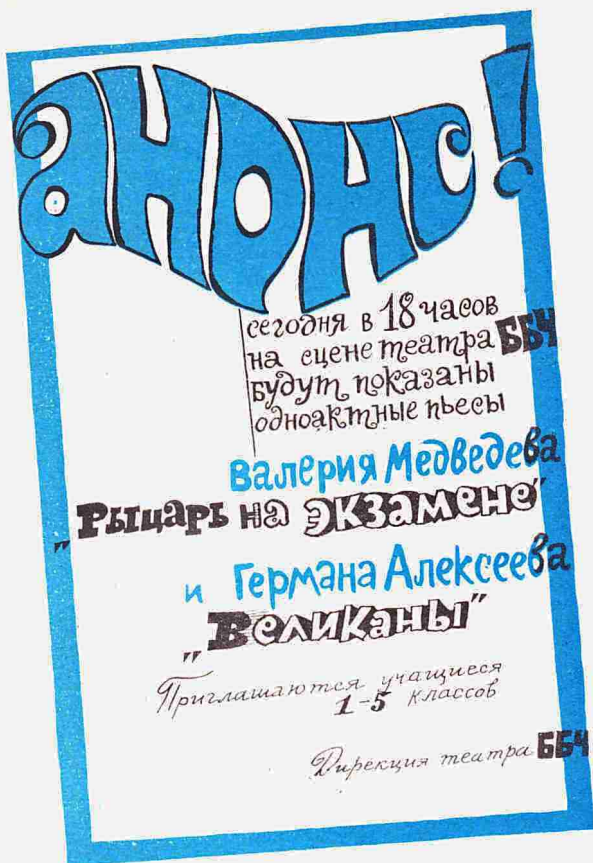
За девяносто лет высказывались разные предположения о природе Красного пятна. Думали, например, что это огромное озеро раскаленной лавы, над которым горячие восходящие потоки образуют разрыв в облачном слое Юпитера, и мы видим лаву как бы на дне глубокого воздушного колодца.

Думали, что это столб окрашенных газов и пыли, выбрасываемых сверхмощным извержением сверхгигантского вулкана.

Но эти предположения не могут объяснить всех особенностей пятна. Сейчас ученые склонны считать, что Красное пятно — твердое тело из какого-то неизвестного нам легкого вещества и что оно плавает в необычайно плотной атмосфере Юпитера. Но и это лишь предположение. Загадка Красного пятна не разгадана.

Е. РУБЦОВА

НАШИ ПРЕМЬЕРЫ

Вам понравилась афиша? Или огонек фонарика привлек вас? Так или иначе — вы у нас в театре, устраивайтесь поудобнее. А фонарик и вправду светит сегодня особенно уютно, и, кажется, мы даже знаем, почему.

Про фонаричков любят рассказывать чудесные истории: они ведь в родстве со сказочниками, и довольно близком. Самую фантастическую историю рассказал писатель Дональд Биссет о городе, который пропал от темноты, потому что фонарищик так устал, что заснул непробудным сном и даже бутерброды жевал во сне. Тогда дракон Комодо обошел все улицы и, извергая огонь, зажег фонари. А нашла дракона, между прочим, девочка Сьюзи. История эта очень убедительно подтверждает, что там, где взрослые отступают, на помощь приходят дети.

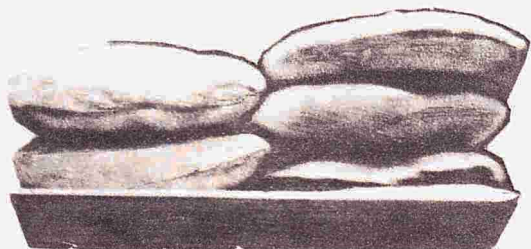
Наш сегодняшний фонарик зажег Витя Пихтедев, главный осветитель небольшого школьного театра, на премьере которого мы с вами побываем. И хотя сделал это Витя совсем не волшебной мальчишеской рукой, в лучах фонарика вдруг ожили герои наших пьес, и задвигались, и заговорили. И мы узнали Финна и Кухулина, умницу Унах и девочек — учредительниц рыцарского ордена. По тому, как весело двигались они, как громко говорили, видно было, что им надоело жить нарисованными на страницах нашего журнала, и они рады стать мальчишками и девчонками в обыкновенном школьном спектакле.

Журналистка Л. Матвеева и фоторепортер А. Лехмус поведут вас на этот спектакль в 58-й интернат города Москвы. Но прежде одна просьба: не забывайте, что и вы можете дать жизнь героям пьес, которые печатаются в «Фонарике», что им просто не терпится выйти на сцену и встретиться со зрителями, а где играть — совершенно все равно: можно на школьной сцене, во дворе, на лагерной терраске и просто на лужайке у костра. Присылайте нам свои афиши и программы, рисунки костюмов и декораций, рассказы о спектаклях. Лучшие из них мы опубликуем в «Фонарике». И почаще приглашайте нас на свои спектакли. Нам понравилось ходить на премьеры!

Л. МАТВЕЕВА

Фото А. ЛЕХМУСА.

А потом лепешки съели...

Для чего Саша Чулкин с утра после завтрака печет лепешки? Почему запекает в одну лепешку сковородку? Потому что сегодня премьера, а в этом театре любят, чтобы все было по-настоящему: уют — так уют, цветы — так цветы, лепешки — так лепешки, а веселье — так уж веселье.

Таня Пупышева помогала Саше Калашникову рисовать декорации и нахватала двоек. Мы не хвалим ее за двойки, только за декорации. Но ведь бывает, что люди хватают двойки и ничего другого не делают.

На сцене были горы, такие красивые, опасные. И огромные. На маленькой школьной сцене как удалось такое чудо? И ходили по сцене великаны — Финн и Кухулин, один в голубой шляпе, другой в жилетке и с усами. Мальчишки, а кто скажет, что не настоящие великаны?

Первоклассники вытягивали шеи, чтобы лучше видеть, а один даже привстал, да тут же получил по макушке: сзади же тоже человек невысокий сидит. Подрались немного и снова смотрят, боятся словечко пропустить, особенно если смешное. И хохочут на полную мощность, даже на улице слышно.

Останавливаются прохожие, удивленно спрашивают друг у друга:

— Вы слышали шум?
Откуда такой шум?

— Это в пятьдесят восьмом интернате идет представление.

— А, артисты приехали.

— Да нет, говорят, сами ребята организовали театр. ББЧ называют его.

— ББЧ? А что же это — ББЧ?

— Не знаю.

— И я не знаю.

— Ну что ж, мы не знаем, зато они знают.

Тут и нет никакого секрета: ББЧ — «Баранкин, будь человеком». Так называлась самая первая пьеса Валерия Медведева, которую ставил ребячий театр. И Медведев был на той премьере. Опоздал немного, а ребята ему кричат:

— Медведев, будь человеком!

А потом было много спектаклей, и каждый раз праздник.

В этот раз тоже: еще не вошли мы в интернат, а уж почувствовался дух большого события. Окна в зале яркие-яркие. Около двери дежурные улыбаются. А в зале ребят полным-полно, белые рубашки наглажены, и галстуки тоже. И голоса не такие, как в будни, и лица беспокойные, радостные, ожидающие. Все чего-то ждут, как будто должно вот-вот случиться чудо. И оно случается: ведь театр — всегда чудо. Все особенное в театре — и костюмы, каких нигде не увидишь; и свет, словно льется на сцену не из ламп, установленных мальчишками-осветителями, а прямо из волшебной сказки. И артисты. Еще вчера была просто девочка Алла Искакова, а сегодня посмотришь на нее — другая, совсем неизвестная девочка пришла, чтобы все обрадовались, и знает, что для этого нужно, и все радуются.

Кончилась пьеса «Великаны». Жалко, неужели все? Но нет, начинается другая — «Рыцарь на экзамене, или экзамен на рыцаря». Другие декорации, другие актеры. Рады ребята в зале, хоть бы не кончался спектакль: артистам нравится играть, зрителям нравится смотреть — зачем же кончатся хорошему?

Читали ребята в «Пионере» и «Великанов» Германа Алексеева и «Рыцаря», написанного их давнишним другом Валерием Медведевым. Тогда посмеялись вволю, но видно, никому не мешает, что содержание пьес знакомо: смеются над хитрой Унах, как здорово дурачит она силача-простофилю Кухулина и выручает Финна, невеликого великана.

А рыцарю сочувствуют (что греха таить, ведь почти каждый хоть на минуту-две, а бывал таким «рыцарем») и все равно не могут удержаться от смеха: уж больно он изумленно-невежливый, так ему хочется получить красивый значок, а девчонки никак не хотят дать ему звание рыцаря.

И на драматургов интересно посмотреть, когда они глядят на сцену. Взрослые люди и пьес написали порядочно, а волнуются, лица напряженные и у Германа Алексеева и у Валерия Медведева. А как же? Одно дело — видеть своих героев на страницах журнала, а на сцене — совсем другое. И Костя в «Рыцаре», и девочки, и великаны такие, какими сочинил их писатель, и немного другие, какими досочинили их в этом театре. Ведь, читая, каждый видит свое и, решая спектакль, тоже решает по-своему. Иначе все театры ставили бы одну и ту же пьесу одинаково, а ставят-то по-разному.

Нахлопавшись так, что ладони стали красные, зрители уходят на ужин. А в за-

В ББЧ, как и в настоящем театре, есть художники, костюмеры, помощники режиссеров, гримеры, администратор и просто болельщики, без которых невозможен ни один спектакль. Это они раздобыли для Финна детскую коляску и расписали рубашку хвастуна смешными надписями: «Я сила, сила, сила!» и «Ах, какой ужас!» — и от этих слов актеру почему-то уже не так страшно выходить на сцену.

Впереди меня сидят две учительницы. — Самого себя играет, — смеется одна, — ну, вылитый Костя Власов.

Костя похож на Костю, и это нравится зрителям: что ж, хорошо сыграть самого себя не легче, а, наверное, труднее, чем непохожего.

Интересно смотреть на сцену, но и на зал интересно: ни в одном на свете самом настоящем театре нет такой внимательной и радостной публики, так шумно болочующей за успех спектаклей и прощающей недостатки.

Не расслышал мальчишка реплику, поворачивается к другому:

— Что он сказал?

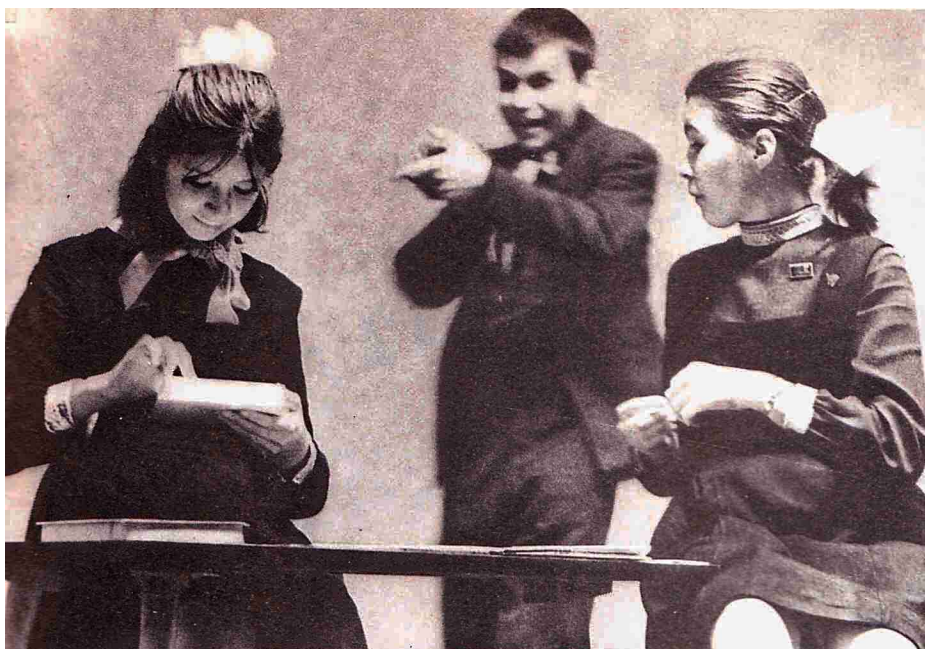
Тот ему говорит, а он, не дослушав, уже готов смеяться, лицо уже приготовилось. И вот от души хохочет, хлопая себя по коленкам.

ле остаются те, кто работал над спектаклем, и взрослые. Так заведено: надо поговорить. Все хвалят артистов, и художников, и осветителей. И говорят то, что должно помочь ребятам.

— Нельзя первые фразы роли произносить тихо. Зритель еще не настолько заинтересован тобой и сюжетом, чтобы прислушиваться напряженно, надо его сначала привлечь, первые реплики сказать громко, внятно. А потом можно хоть шепотом: если надо, будут слушать.

— Лучше всего получаются у ББЧ короткие веселые постановки вроде клоунад. Может быть, дальнейший путь театра в этом? Легкие декорации, обращение актеров прямо к залу. Как хорошо, например, Костя Власов, неудачливый «рыцарь», с залом разговаривает.

— Надо побольше устраивать выездных

Театр ББЧ очень гордится тем, что дружит с настоящим драматургом В. Медведевым. Согласитесь, этим может похвастаться не каждый самодеятельный театр. И, конечно, к «своему» драматургу кружковцы и относятся особенно. Взгляните, с каким удовольствием играет «рыцаря» Костя Власов и каким дружным хохотом отвечает ему зал. Медведев часто приходит в интернат. Вы можете увидеть его на нижней фотографии среди участников спектакля. В этот вечер он передал ребятам свою новую пьеску «Гвоздь». У нас в журнале она только в восьмом номере будет напечатана, а кружковцы ее уже репетируют.

спектаклей, чтобы не один интернат видел работу театра.

На это ребята ответили, что они и так много ездят в другие школы, в Дома пионеров. И впредь будут ездить.

А еще говорили, что, может быть, самое главное в этом театре, что ребята все сообща выдумывают и все здесь равно главные: и актеры, и гримеры, и помощники режиссеров, и самый главный режиссер Елена Николаевна Мурашова, и художники, и все за любую работу охотно берутся и друг дружке не завидуют, не воображают из себя слишком много.

А напоследок гости и артисты по-братски разломали и съели лепешки, которые Саша испек специально для премьеры. Очень вкусные были лепешки! Альберт Лехмус даже попросил, чтоб в журнале рецепт их напечатали, — такие вкусные. И никому не попаласть та, в которую была

запечена сковородка. Может быть, ее все-таки сгрыз Кухулин?

ПРИКЛЮЧЕНИЯ

ГОМЕРА

Роберт
МАККЛОСКИ

Перевел с английского
Юрий ХАЗАНОВ.

Сентербергский мышелов

После закрытия ярмарки жизнь в городе Сентерберге вновь вошла в обычную колею. Гомер и его друзья снова сосредоточили главные силы на арифметике и футболе, а взрослые занялись своими делами, где каждый старался выручить побольше, а израсходовать поменьше. До выборов в городское управление оставался месяц с лишним, и сторонники демократической и республиканской партий еще не начинали спорить о том, как лучше управлять городом, а заодно и всей страной. Все было тихо и мирно: члены Женского клуба не боролись организованно против курящих мужчин, дядюшка Одиссей не приобретал нового автоматического оборудования для своего кафе... Словом, ничего нового не происходило, и не о чем было людям посудачить, поразмыслить, посплетничать...

Дядюшка Одиссей, шериф и все остальные, кто любил собираться в парикмахерской, давно уже ломали голову, о чем бы еще потолковать и как бы убить время до выборов.

Правда, иногда, особенно по утрам, их беседа становилась довольно оживленной. Так случилось и в описываемый нами день, когда шериф, весь сияющий, вошел в парикмахерскую и заявил:

— А я надел сегодня берстяное шелье, то есть, я хотел сказать, шерстяное белье. С утра было страшно холодно.

— Да ну?— удивился дядюшка Одиссей.— Разве? Надо сказать Агнессе, чтобы достала и мое.

— Что касается меня,— сказал парикмахер,— я не надену теплого белья ни за какие коврижки! От него все тело чешется...

И они заспорили на целый час, если не больше. Потом их разговор естественно перескочил на шерстяные носки, ботинки, калоши — а отсюда и рукой подать до грязи, которая на дорогах, в коровниках, в курятниках... Потом наступило длительное молчание. Городские часы показывали всего половину одиннадцатого, а беседа уже иссякла. Говорить было абсолютно не о чем. Оставалось лишь взглянуть через витрину парикмахерской на улицу.

— ...Вон доктор Пелли пошел,— проговорил парикмахер.— Я так думаю, что кто-нибудь заболел, наверно...

— Может, обморок у жены судьи,— лениво предположил шериф.

ПРАЙСА

— В семье Колби ожидают ребенка,— сказал дядюшка Одиссей.— Я спрошу сегодня у Агнессы. Она все знает.

— Далси Дунер идет,— сказал шериф.— Он уже три года без работы. И как его земля держит?

За окном прошло несколько ребят. Это повлекло за собой умозаключение, что в школе, должно быть, большая перемена. И немедленно вслед за этим умозаключением в парикмахерскую вошел Гомер, поздоровался и сказал:

— Дядюшка Одиссей, меня послала тетя Агнесса. Она велела вам сейчас же прийти и помочь ей подавать дежурный завтрак. А то, она сказала, сама сюда придет.

Дядюшка Одиссей вздохнул, поправил свой белый копак и начал подниматься с парикмахерского кресла. И в это время шериф приложил ладонь к уху и сказал:

— Слышите? . Что это?

Дядюшка Одиссей перестал вздыхать и прислушался.

Шум (он больше походил на треск) сделался громче, достиг огулающей силы, и вот из-за угла выполз и задрезжал по городской площади странного вида автомобиль. Наблюдатели из окна парикмахерской глазели, разинув рты, на то, как он сделал один круг по площади, потом второй и после третьего весь затрясся и остановился наконец перед самыми дверями кафе дядюшки Одиссея.

Автомобиль был таким древним, что его надо было показывать в музее, в разделе «Первые автомобили мира», и вместо кузова на нем стояло какое-то странное оборудование, видневшееся из-под старого, замызганного брезента. Но особенно поража́л вид самого водителя.

— Ух ты, какая борода! — воскликнул Гомер.

— А волосы! — сказал парикмахер. — Ручаюсь, здесь стрижки доллара на два, не меньше!

— Кто-нибудь видит, какое у него лицо? — спросил шериф.

— Никто, — ответил дядюшка Одиссей.

Незнакомец вынул свою бороду из рулевой баранки, вылез из кабины и скрылся за дверью кафе дядюшки Одиссея.

И тут владелец кафе с несвойственной ему быстротой ринулся к выходу, на пути крикнув:

— Пока! Увидимся позже.

— Подожди, я с тобой, — сказал шериф. — Мне что-то захотелось поесть.

Гомер, конечно, побежал за ними, а парикмахер закричал вдогонку:

— Поторопитесь и расскажите, в чем дело! Я уверен, это просто реклама.

— Если я доставлю к тебе этого клиента, — не оборачиваясь, сказал шериф, — с тебя причитается!..

Незнакомец скромно уселся в самом дальнем конце прилавка, на высоком стуле, и вид у него был смущенный и застенчивый. Тетя Агнесса, глядя на него с нескрываемым подозрением, подала на голубой тарелке дежурный завтрак. Чтоб не показаться вконец невежливыми, дядюшка Одиссей и Гомер не пялили на него глаза, а зашли за прилавок и сделали вид, что чем-то очень заняты. Шериф на другом конце прилавка притворился, что внимательно изучает меню, которое он уже не один десяток лет знал наизусть. Все они лишь изредка бросали мимолетные взгляды на странного посетителя.

Но в конце концов любопытство дядюшки Одиссея взяло верх над всеми правилами приличия. Он приблизился к незнакомцу и безразличным голосом спросил:

— Ну, как? нравятся вам наши завтраки? Можете, желаете еще что-нибудь?

Эти простые слова повергли застенчивого незнакомца в еще большее смущение. Было видно, как он покраснел под своей бородой и волосами.

— Спасибо, сэр, все в порядке. Завтрак очень хороший.

Он кивнул головой, подтверждая свои слова, и борода его угодила в тарелку с кашей, от чего он смутился еще сильнее.

Дядюшка Одиссей помолчал, ожидая, что незнакомец продолжит разговор, но этого не случилось. Тогда дядюшка Одиссей взял дело в свои руки. Он сказал:

— Прекрасная погода сегодня.

— Да, прекрасная,— подтвердил незнакомец и уронил вилку.

После чего он смутился окончательно — просто был готов провалиться сквозь землю от смущения.

Дядюшка Одиссей подал ему чистую вилку и поскорее ретировался за прилавок, пока тот не уронил тарелку или, чего доброго, не упал со стула.

Закончив завтрак, незнакомец полез в карман своего потрепанного, залатанного пальто и вытащил оттуда потертый кожаный бумажник. Довольно долго он искал в нем деньги, но все же нашел, расплатился, кивнул на прощание и вышел из кафе.

Все напряженно глядели ему вслед, пока тетя Агнесса не кинула на прилавок монету, полученную от бородатого незнакомца.

— Деньги не фальшивые,— сказала она. — Только какие-то очень уж старые. словно пролежали сто лет в земле.

— Таких стеснительных я в жизни еще не видел,— сказал дядюшка Одиссей.

— Да,— подтвердил шериф.— Муглив, как пышка... то есть, я хотел сказать, пуглив, как мышка.

— Вот так борода! — сказал Гомер.— Чуть до полу не достает!

Тетя Агнесса посмотрела на часы.

— А ну-ка, Гомер,— сказала она,— отправляйся в школу. Перемена кончается...

Спустя какой-нибудь час после полудня у любого человека в городе, включая стариков и детей, было уже о чем потолковать, поразмыслить, посудачить...

Кто этот незнакомец? Откуда он? Куда направляется? Какой длины у него борода? А волосы? Как его зовут? Чем он вообще занимается? И что скрыто на месте кузова его автомобиля под наброшенным брезентом?..

Знали только, что незнакомец оставил свою машину на городской стоянке и уже довольно долго бродит по городу. Очевидцы сообщали, что время от времени он останавливается и начинает насвистывать какую-то странную мелодию. Незнакомец продолжает оставаться крайне застенчивым, и если кто-нибудь из взрослых приближается к нему с намерением заговорить, он немедленно переходит на другую сторону улицы или заворачивает за угол. Однако детей не избегает. Он улыбается им и испытывает в их обществе явное удовольствие.

Со всех концов города люди звонили в парикмахерскую и сообщали все новые сведения о бородатом-волосатом приезжем.

Шерифу уже начинало становиться явно не по себе от всего этого. Он не чувствовал за собой права допрашивать незнакомца — ведь тот не совершил ровно ничего предосудительного, — и в то же время что-то было необходимо сделать.

Когда Гомер уже после школы шел домой мимо парикмахерской, его позвал шериф.

— Послушай,— сказал он.— Мне нужна твоя помощь. Этот незнакомец с его бородой начинает меня здорово беспокоить. Понимаешь, никак не могу выяснить, кто он и что здесь делает. Наверно, он вполне приличный человек, только чудак... вроде этих... как их... индивидуалистов, нигилистов, анархистов... Но, с другой стороны, вполне вероятно, что он беглый каторжник, дезертир или переодетый гангстер... Скажешь, нет?

Гомер не сказал «нет», и шериф продолжал:

— Так вот, о чем я тебя прошу: войди к нему в доверие. Говорят, с ребятами он не боится разговаривать. Попробуй узнать у него, что к чему. А за мной тогда считай двойную порцию сливочного с клубникой.

— Договорились, шериф,— сказал Гомер.

В шесть часов вечера Гомер докладывал шерифу:

— Он совсем неплохой дяденька. Мы прошли с ним по всей Рыночной улице, и он мне кое-что рассказал. Нет, не про то, кто он такой и что делает... Но зато он говорил, что очень долго не видел людей... А еще спрашивал, где бы ему остановиться, и я посоветовал прибрежную гостиницу... Он туда сейчас и пошел, когда мы расстались... Ну, ладно, шериф, мне надо бежать домой, а то мама ругаться будет... А завтра я опять чего-нибудь выясню... Не забудьте про мороженое с клубникой!

— Не забуду,— пообещал шериф.— А ты тоже не оставляй это дело на полдороге. Надо уж все разузнать.

После ухода Гомера шериф повернулся к парикмахеру и сказал:

— Недалеко мы уехали! Пока все, что мы знаем о нем,— это что он тих и скромен и сто лет не видал людей. Все эти данные одинаково подходят и к беглому каторжнику, и к сумасшедшему, и к этим... как их называют?.. Которые теряют память...

Шериф походил по парикмахерской, поглядел на себя в зеркало и продолжал:

— Если б еще у него не было таких длинных волос, я бы тогда за минуту определил, кто он и что он... Да, да. Не веришь? Я бы только разок взглянул на его уши — и порядок! По ушам можно все сказать.

— Вполне может быть, — согласился парикмахер.— Лично я привык определять людей по волосам... И вот, когда я глядел на этого... с бородой... мне показалось, что где-то я видел такое на картинках... или читал... В детстве, наверно.

— Не исключена возможность,— сказал шериф.— Я тоже в детстве, бывало, кое-что читал... Но вот посмотреть бы на его уши... А, вот и Одиссей! Интересно знать, что он думает?!

Дядюшка Одиссей помедлил с минуту и сказал потом:

— Что касается меня, я сужу о людях по их животу и аппетиту. Живота мне видно не было под его старым пальто, а с точки зрения аппетита...

Дядюшка Одиссей надолго задумался, его друзьям показалось даже, что он задремал. Но глаза у него были не сонные, когда он сказал:

— ...Пожалуй, я тоже о нем где-то читал. Но вот где — убейте, не помню!

И в это время в парикмахерскую зашел Тони, местный сапожник, — он хотел подстричься. После того, как Тони уселся в кресло и парикмахер наклонился над ним, шериф спросил, что он, Тони, думает об этом загадочном незнакомце.

— Что я скажу, шериф? — ответил Тони.— Я привык судить о людях по их ногам, обутым в ботинки. Таких сапог, как у этого волосатого, я не видал уже лет двадцать пять. Похоже на то, что эти са-

моходы свалились сюда прямо со страниц какой-нибудь пыльной книжонки.

— Вот! — воскликнул шериф. — Теперь что-то начинает проясняться. Одну минуту!..

Он кинулся к телефону и позвонил мистеру Гиршу, владельцу магазина одежды.

— Слушай, Сэм, — сказал он. — Один вопрос. Как ты смотришь на этого с блинной дородой... то есть, я хотел сказать, с длинной бородой?.. Да... Так... Понятно... Одежда, как из книжки... Угу... Спасибо, Сэм, спокойной ночи.

И тут же он попросил соединить его с гаражом и сказал:

— Привет, Люк. Это шериф говорит. Какое у тебя мнение насчет длинной бороды?.. Что?.. Машина, как из сказки?.. Так, так... Можешь все сказать о человеке, лишь взглянув на его машину?.. Прекрасно... В книжке?.. Очень хорошо...

У шерифа был очень довольный вид, когда он положил телефонную трубку.

— Начинает проясняться... Начинает проясняться... проясняться, наконец...

И затем он удивил всех присутствующих, заявив, что немедленно отправляется в библиотеку...

Он пробыл там недолго, и, когда вернулся, усы его топорщились и содрогались от возбуждения.

— Все ясно! — закричал он еще с порога. — Псевдоним... то есть, я хотел сказать, все понятно! Библиотекаря сразу сказала мне, из какой он книжки... Знаете, кто это? Рип ван Винкль!.. Да, да, вроде того, про которого написал Ирвинг¹. Мы это проходили в школе, помните?.. Он пошел с ружьем в горы, а потом его сморил сон — и он заснул лет на двадцать... если не больше... Вспомнили?

— Да, конечно! Это он! Или очень похож на него! — крикнул парикмахер, а дядюшка Одиссей и сапожник поддержали его.

Когда немного утихло всеобщее волнение, дядюшка Одиссей спросил:

— Интересно, а что же все-таки у этого Рип ван Винкля номер два спрятано под брезентом?

— Ладно, хватит на сегодня, — сказал шериф. — Мы и так немало потрудились. Утро вечера мудренее... Давай-ка сразимся в шашки...

Ранним солнечным утром следующего дня бородатый незнакомец уже опять прогуливал по улицам Сентерберга.

К десяти часам никто не называл его иначе, как «старина Рип», и все дивились прозорливости и образованности шерифа.

Шериф уже пытался заглянуть под брезент «Рип ван Винклевой» машины, и ему удалось это сделать, но все равно он не мог понять, что за штука там скрывается. Дядюшка Одиссей тоже не отстал от него и тоже ничего не понял.

— Тут сам черт ногу сломит, — сказал дядюшка Одиссей. — Но ничего, шериф. Я знаю человека, который сумеет все выяснить. Он, если нужно, пролезет для этого сквозь игольное ушко... Этого человека зовут Гомер Прайс!..

В тот же день после полудня, когда в школе кончили занятия, дядюшка Одиссей и шериф увидели из окна парикмахерской, как по главной улице прогуливаются — кто бы вы думали? — «старина Рип» и, конечно, Гомер. И каждому было ясно, что «старина Рип» рассказывает Гомеру что-то необычайно интересное.

— Ну, что я вам говорил?! — воскликнул дядюшка Одиссей.

И потом они стали свидетелями того, как Рип ван Винкль № 2 повел Гомера через площадь прямо к городской стоянке автомобиля. Там он приподнял брезент со своей машины и принялся что-то объяснять, указывая пальцем под брезент, а Гомер слушал и кивал головой. Потом Гомер и незнакомец пожали друг другу руки и разошлись — один побрел к себе в гостиницу, а другой помчался в парикмахерскую.

¹ Вашингтон Ирвинг (1783—1839) — классик американской литературы. Рип ван Винкль — герой его знаменитой одноименной новеллы.

— Что он сказал?! — крикнули все хором, как только Гомер появился в дверях.

— Да, я теперь знаю все про него, — скромно заявил Гомер. — Это похоже на историю из книжки.

— Что я говорю?! — закричал шериф. — Он заснул в горах? Верно, сынок?! На сколько лет?

— Ну, не совсем так, шериф, — ответил Гомер. — Но он действительно жил в горах последние тридцать лет.

— А что он здесь делает? — спросил парикмахер.

— Лучше я начну сначала, — сказал Гомер.

— Да, это морозная хысль! — подтвердил шериф и даже не поправился, как обычно, — так он спешил услышать, что скажет Гомер.

Гомер же рассказал вот что.

Бородатого незнакомца зовут Мерфи. Майкл Мерфи. Лет тридцать назад он выстроил в горах небольшую хижину и время от времени приезжал туда отдыхать от городских дел. А вскоре он понял, что может жить только там, в горах, а не в городе, где все дерутся из-за жирного куска и готовы перегрызть друг другу горло... И он уложил свои вещи в новую машину и отправился в горы...

— Решил стать отшельником? — спросил шериф.

— Не знаю, как это назвать, — сказал Гомер, — но вчера он в первый раз за тридцать лет покинул горы и в первый раз увидел людей.

— А зачем? — спросил дядюшка Одиссей.

— Об этом я скажу потом, — ответил Гомер, — а сейчас еще немного про то, что было двадцать девять лет назад.

— Нельзя ли перескочить хоть через несколько лет, сынок? — предложил шериф.

— Нет, — твердо сказал Гомер и продолжал. — Двадцать девять лет назад мистер Мерфи прочитал в каком-то журнале, что человек, который изобретет лучшую в мире мышеловку... этот человек прославит себя в веках, и все будут ему благодарны... И вот мистер Мерфи начал изобретать мышеловки...

Наступило молчание, которое прервал голос шерифа:

— Мышеловки, сынок? Повтори, я не ослышался?

— Мышеловки, — сказал Гомер. — Он делал сначала хорошие, потом очень хорошие, потом совсем хорошие, потом самые лучшие. Но когда в самую лучшую мышеловку попала самая первая мышь, мистер Мерфи понял, что так продолжаться не может... И он стал думать, думать — и решил изобрести такую мышеловку, чтоб и мыши были довольны и люди тоже...

И дальше Гомер поведал, что следующие пятнадцать лет мистер Мерфи истратил на то, чтобы выяснить, каким способом предпочитают мыши попадать в мышеловку. Путем длительных опытов он пришел к твердому выводу, что лучше всего — охотнее, чем за куском сыра, — мыши идут в мышеловку под музыку. И тогда мистер Мерфи понял, что остаток жизни он обязан посвятить изобретению МУЗЫКАЛЬНОЙ мышеловки...

— Которая не делает больно? — спросил парикмахер.

— Которая не делает больно, — ответил Гомер и перешел к рассказу о том, что сначала мистер Мерфи соорудил сложнейший музыкальный инструмент из тростниковых стеблей — вроде маленького органа или большой шарманки, — а потом уже стал сочинять мелодию — такую, чтобы мышь, как услышит, сейчас же бежала на нее, словно собака на зов. Затем он записал свою мелодию на особый валик, как для шарманки, вставил этот валик в орган, и получилась музыкальная мышеловка...

— Которая не делает больно? — спросил парикмахер.

— Которая не делает больно, — ответил Гомер и продолжал рассказывать.

Теперь он говорил о том, что мыши очень охотно шли в эту мышеловку. Одна лишь беда — она была слишком громоздка, а потому непрактична для домашнего употребления. К тому же кто-то все время должен был стоять рядом и раздувать меха этого инструмента, чтобы звучала музыка...

— Да, конечно, это непрактично, — сказал дядюшка Одиссей. — Но если приделать электромотор...

— Мистер Мерфи тоже придумал, — сказал Гомер. — Знаете что? Он взял свой автомобиль, на котором приехал много лет назад, и поставил на него мышеловку — чтоб она работала от мотора. Он решил так: раз не получилась комнатная мышеловка, пусть она будет уличная, а сам он станет ездить по городам и предлагать свои услуги. И первый город, куда он приехал, — наш... Только бедный мистер Мерфи отвык от людей и очень стесняется. Он уже два дня хочет поговорить с нашим мэром и никак не решится...

— Что он предлагает? — спросил шериф.

— Кто что? Разве не понятно? Избавить весь город от мышей при помощи своей музыкальной мышеловки... Он приманит всех мышей музыкой, они влезут в мышеловку, и он вывезет их подальше от города, куда-нибудь в лес, и там отпустит.

Гомер говорил уже так долго, что у него пересохло в гортани, и поэтому он замолчал. А вовсе не потому, что ему нечего было еще сказать. Но он первый же нарушил молчание.

— Я вижу, вы очень удивлены и не знаете, что ответить. По-моему, вот что: ведь у нас в городе есть машина для поливки улиц, так? И есть машина для уборки улиц. Верно? А теперь будет машина для уборки мышей! Так и надо сказать нашему мэру — пусть договорится с мистером Мерфи... И тогда наш город будет первым городом в мире без мышей!

Дядюшка Одиссей, по-прежнему почесывая подбородок, проговорил:

— Этот Рип ван Мерфи настоящий гений! Такое придумать, а?

— Я знал, что вы будете за него! — обрадовался Гомер. — Я так и говорил мистеру Мерфи. Я сказал, что мэр города ваш друг и вы обязательно уговорите мэра нанять музыкальную мышеловку.

— Надо же такое сообразить, — задумчиво произнес шериф. — Музыкальная мышеловка...

— Которая не делает больно, — добавил парикмахер, и все, не сговариваясь, отправились в городскую ратушу к мэру.

Не прошло и получаса, как мэр согласился нанять мистера Мерфи с его музыкальной мышеловкой — для того, чтобы навсегда избавиться от мышей магазинов, дома и склады города Сентерберга. Гомер сразу же помчался в гостиницу и вскоре вернулся оттуда вместе с бородатым изобретателем.

Чтобы помочь мистеру Мерфи преодолеть застенчивость, мэр города выдвинул ящик своего стола и достал оттуда пакет с конфетами.

— Угощайтесь, — сказал он мистеру Мерфи, и тому ничего другого не оставалось, как взять конфету.

После этого лед был сломан, и обе стороны перешли к деловой части встречи.

— Чем вы можете доказать, — спросил мэр, — что эта ваша будка на колесах действительно делает то, о чем вы говорите? И что ваша музыка вызывает мышей из их нор?

Мистер Мерфи ничего не ответил, он только сначала покраснел, а потом сложил губы трубочкой и просвистел несколько тактов: «Тю, тю-тю-тю, тю-тю...» И сразу же две мышки выпрыгнули из письменного стола мэра!

— Это еще что! — сказал Гомер. — А как они будут высасывать, когда на улице заиграет сама машина! Мистер Мерфи говорил мне, что берет за урочище всех мышей из города и всего за тридцать долларов... Он вам стесняется об этом сказать сам.

— По рукам! — воскликнул мэр и с удивлением добавил: — А куда же делись мои конфеты?!

Но он взглянул на Гомера, и его удивление тут же рассеялось.

Затем мэр закрепил сделку с мистером Мерфи крепким рукопожатием и назначил субботу днем избавления города от мышей, или, как он выразился, «днем демьшизации города».

Особенно радовались этому редчайшему событию дети. Они ни на шаг не отходили от мистера Мер-

фи, пока он снимал брезент с машины, проверял, в порядке ли музыкальная мышеловка, чистил и смазывал отдельные ее детали. Гомер, его друг Фредди и много других ребят стоворились следовать за мышеловкой по всему городу, чтобы своими глазами видеть, как будут мыши вылезать из всех щелей и нор и взбираться по спиральным дорожкам к домику с двумя входами, над одним из которых написано: «Добро пожаловать!», а над другим: «Входи, дружище!».

Фредди предложил даже выйти вслед за мышеловкой за город и не отставать от нее до тех пор, пока она не откроется, чтобы выпустить всех мышей на волю.

— Интересно посмотреть, — говорил Фредди, — как они все сразу выскочат и побегут! Вот будет здорово!

К большому удивлению Фредди, Гомер не сразу согласился с его предложением. Гомер отвел его в сторону и сказал:

— Знаешь, Фредди, я недавно читал в одной сказке и еще в других книжках, что музыка может иногда делать всякие чудеса... И с мышами, и с людьми, и с кем хочешь... Не веришь? А вот и правда... Музыка может усыпить, например, леопарда или заставить змею плясать... Ну, и еще разные вещи. И с людьми тоже. Особенно с детьми... Я сам читал... А поэтому я предлагаю знать что...

И Гомер зашептал на ухо Фредди, а тот слушал с оторопелым видом, но потом закивал головой и улыбнулся.

— Надо рассказать всем ребятам, — сказал он. — Только не все поверят.

— Не хотят, как хотят, — сказал Гомер.

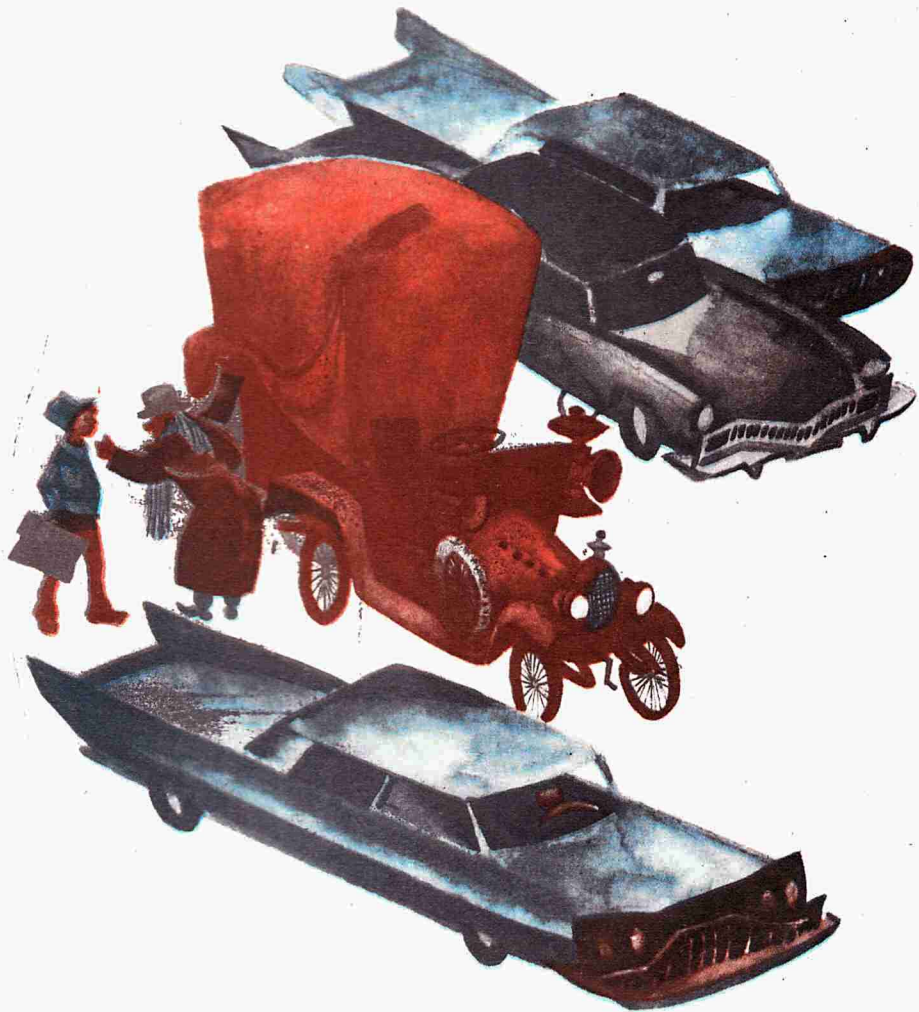
Но все же большинство ребят поверили Гомеру, и они договорились: во-первых, в субботу всем собраться в школьном дворе — чтобы идти вместе, и во-вторых, установить условный сигнал: большой палец вверх, если все в порядке, большой палец вниз, если что-нибудь не так...

Утро в субботу было по-осеннему свежим, ярким и бодрящим. Ровно в восемь утра из гостиницы вышел мистер Майкл Мерфи и решительными шагами направился к автомобильной стоянке. Здесь он закинул свою бороду за плечо, наклонился и принялся крутить заводную рукоятку мотора. Наконец машина завелась, мистер Мерфи вытянул кнопку газа, чтобы мотор продолжал работать и прогревался, а сам начал стаскивать брезент с машины. И вот из-под заботливо накинутаго покрывала сначала показались тростниковые трубки органа, потом кривошипы и поршни механизма для раздувания мехов, и затем спиральные дорожки, ведущие к домику с приветливыми приглашениями войти и быть как дома.

Мотор нагрелся, мистер Мерфи сел за рулевую баранку, разместил в ее отверстиях свою бороду, включил скорость — и музыкальная мышеловка выехала на городскую площадь!

Громкими криками встретили собравшиеся ребята выезд бородастого мышелова. Мистер Мерфи нагнулся, дернул какой-то рычаг, и орган заиграл! И хотя звуки его потонули в общем шуме, но, по-видимому, мыши услышали их, потому что еще задолго до того, как ребята немного затихли, на спиральной дорожке показалась первая мышь... За ней другая, третья, пятая, десятая... сотая... сто двадцать пятая...

По улице Сентерберга ехала музыкальная мышеловка, изобретенная мистером Мерфи, ехала и на-

игрывала самую любимую мышиную мелодию — и на ее звуки изо всех домов, магазинов, складов и амбаров сбежали мыши!.. Разжиревшие, избалованные пончиками — из кафе дядюшки Одиссея... Худые, едва передвигающие лапы — из церквей... Мыши нормальной упитанности — из домов, из магазинов... из городской ратуши...

И все они устремлялись по гладким спиральным дорожкам прямо к домику и исчезали в нем.

Музыкальная мышеловка с грохотом и музыкой двигалась по городу, а за ней шагала толпа ребят, и все они, к удивлению взрослых, держали большой палец вверх.

После того, как мышеловка объехала все до одной улицы города (а их было раз-два и обчелся), мистер Мерфи остановил ее перед городской ратушей, откуда вышел сам мэр города и протянул хозяину мышеловки ровно тридцать хрустящих новеньких долларов.

И вот деньги уже в руке у смущенного мистера Мерфи, и все кричат ему: «Спасибо, до свидания!», — и в это время из толпы выходит шериф и говорит:

— Простите, мистер Мерфи, что я потревожил вас, поверьте, мне это чертовски неприятно, но ваши водительские права просрочены, а транспортный налог не уплачен за тридцать лет. Если вы хотите и дальше ездить на вашей мышеловке... то есть, я хотел сказать, на вашей мышеловке, нужно уплатить штраф... Ровно тридцать долларов.

Мистер Мерфи еще больше смутился и покраснел так, что даже борода стала розовой, а шериф продолжал:

— Извините, но, как говорится, закон есть закон, и я ничего не могу поделать...

Бедный мистер Мерфи! Бедный, бедный, застенчи-

«Крысолов из Гамельна!» Понимаете? Совсем разные вещи!..

— Будь я проклят! — заорал шериф. — Я вспомнил! Мы проходили в школе этого вашего «Крысолова»!.. Бежим!.. Едем!.. Он уведет всех наших детей! Ему не привыкать это делать!

И они вчетвером — дядюшка Одиссей, шериф, мэр города и библиотекарша — вскочили в машину шерифа и помчались, непрерывно сигналив, вдогонку за мышеловом — «крысоловом».

Они настигли всю процессию уже далеко за городом, где начинались лесистые холмы.

— Стойте! Ребята! — закричал мэр. — Скорее поворачивайте обратно!

— Все получают по два пончика! — крикнул дядюшка Одиссей.

Шериф обещал покатав всех на машине, а библиотекарша выдать без очереди интересные книжки.

вый мистер Мерфи!! Он отдал шерифу заработанные тридцать долларов, получил новые водительские права и какую-то квитанцию, сунул их в карман своего потертого, заляпанного пальто, взобрался на сиденье автомобиля и медленно поехал прочь из города. В расстройстве чувств он позабыл выключить орган, и тот продолжал наигрывать свою тростниковую музыку. А ребята все шли и шли за музыкальной мышеловкой: ведь им ужасно хотелось поглядеть, как из нее будут выпускать мышей.

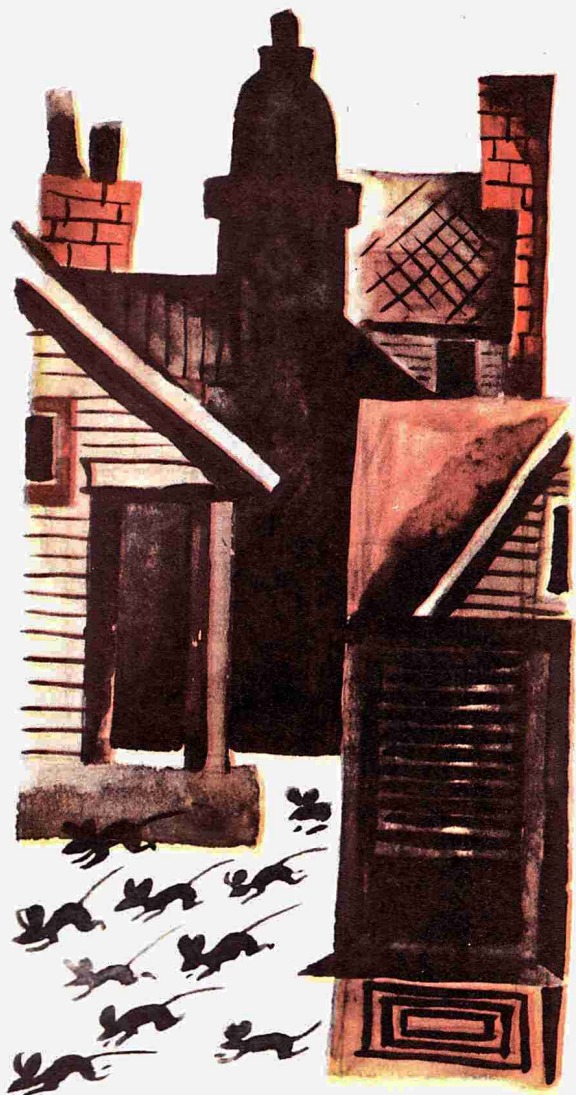
— Честное слово, я не хотел этого, — сказал шериф мэру, когда процессия детей во главе с мистером Мерфи уже скрылась из глаз за поворотом дороги. — Но закон есть закон. И потом, в другом месте его могли бы арестовать!

Трудно сказать, чем бы закончилась демьшизация для города Сентерберга, если бы к зданию ратуши не прибежала вдруг испуганная и бледная библиотекарша и не крикнула:

— Шериф! Шериф! Скорей! Мы с вами выбрали не ту книгу!

— Что? — в один голос спросили шериф с мэром.

— Да, — с трудом лоя воздух, продолжала библиотекарша. — Мы думали «Рип ван Винкль», а надо

И тут шериф набрал побольше воздуха и заорал так, что слышно было, наверно, в центральном городе их штата.

— Отпусти их!!! — орал шериф. — Понятно?! Отпусти их, тебе говорят! Не то хуже будет!

И мистер Мерфи сделал то, что ему было сказано. Дрожащими руками он нажал какой-то рычаг — отвалилась какая-то крышка, и из мышеловки друг за другом стали вываливаться мыши: одна, другая, третья... сотая... сто двадцать пятая...

Да, ради такого зрелища стоило выйти далеко за город — туда, где начинались лесистые холмы.

Тростниковый орган на мышеловке умолк, и слышен был только писк мышей и радостные крики ребят.

Вот последняя мышь выбралась из мышеловки, и вся серая армия замерла, к чему-то приюхиваясь. Затем все мыши согласно, как одна, кивнули головами и ринулись в одном направлении — в направлении города Сентерберга. Они бежали, постепенно вытягиваясь в линию, а когда прибежали в город, каждая мышь юркнула в свою собственную нору.

Мистер Мерфи так и не остановил машину. Наоборот, он нажал на газ, и машина помчалась изо всех своих лошадиных сил, а мэр города, шериф, библиотекарь, дядюшка Одиссей и ребята — все молча смотрели, как музыкальная мышеловка становилась меньше и меньше и, наконец, совсем растаяла вдали.

И тогда взрослые вспомнили о детях и повернулись к ним. И они увидели странную картину: мальчишки и девчонки улыбались и подмигивали друг другу, а их большие пальцы были нацелены в небо. Но, как и прежде, ребята не обращали никакого внимания на призывы взрослых.

— Боже! — застонала библиотекарьша. — Музыка свела их с ума!

— Совсем нет! — раздался голос. Это был голос Гомера. — Совсем нет, не волнуйтесь. Сейчас все будет в порядке... Смотрите!..

Гомер поднес обе руки к ушам, вслед за ним это же сделали все остальные ребята. Потом Гомер развел руки в стороны — словно делал утреннюю за-

Но все было напрасно. Дети не обращали на эти заманчивые предложения ровно никакого внимания, словно не слышали их. Они продолжали идти за музыкальной мышеловкой.

— Боже! — воскликнула в ужасе библиотекарьша. — Музыка околдовала их!

— Шериф, что же делать? — простонал мэр города. — Не можем же мы лишиться сразу всех детей!.. Да еще перед самым началом предвыборной кампании! Придется дать этой бороде еще тридцать долларов...

— Правильное решение, — сказал дядюшка Одиссей. — У меня с собой как раз эта сумма... Только с отдачей, мэр.

Мэр кивнул, шериф подъехал вплотную к машине мистера Мерфи, и дядюшка Одиссей кинул пачку денег прямо ему на бороду.

— Только умоляю, отпустите их! — крикнула библиотекарьша. — Они ведь ни в чем не виноваты. Бедные крошки!

— Да, пожалуйста, Мерфи, будьте благоразумны! — Это сказал шериф.

Мистер Мерфи был так смущен всем этим и так взволнован, что чуть не угодил в кювет. Но он все-таки вовремя вывернул руль, и угроза аварии миновала. А дети продолжали идти за машиной и ничего больше не видели и не слышали.

рядку,— все остальные последовали его примеру... И в руках у ребят забелели куски ваты!..

На обратном пути Гомер все объяснил ошеломленным взрослым.

Вот его рассказ:

— ...Это я придумал — заткнуть уши. Потому что немного испугался... Не за себя, а за других ребят. Ведь музыка может, я читал, делать всякие чудеса... Особенно с детьми... Ну, и мы договорились: как выйдем из города, я делаю большой палец вниз — и все затыкают себе уши... А зачем слушать? Ведь нам главное глядеть было, как мыши разбегутся... Только, если по правде, все это насчет ушей придумал не я, а человек по имени Одиссей¹. Не вы, дядюшка Одиссей, а другой... который был древний грек. О нем еще Гомер написал... Не я, а другой... который жил в Древней Греции... Помните...

Но тут дядюшка Одиссей прервал Гомера и попросил шерифа, чтобы тот остановил машину.

— Подождем ребят,— сказал он.— Я ведь обещал всех угостить пончиками.

А мэр города сказал со вздохом:

— Скоро выборы, а я не знаю, как буду оправдываться перед нашими налогоплательщиками... Шестнадцать долларов из городского бюджета выброшены на ветер!.. Как мы теперь сведем концы с концами?

¹ Одиссей — герой эпической поэмы «Одиссея», автором которой считают легендарного древнегреческого поэта Гомера.

КОНЕЦ

Забор Тома

В

том возрасте, когда мальчишек обычно интересуют деревянные лошадки, Джон Рокфеллер — основоположник семейства известных американских миллионеров — обнаружил совсем иные склонности. Семилетний мальчик выпросил у матери стоящее на камине голубое фарфоровое блюдо и стал складывать в него медяки, получаемые на сладости и развлечения. Его сверстники покупали конфеты и катались на карусели, а бледный, золотушный Джонни, сторонясь других детей, мог часами любоваться своими богатствами, ласково перебирая монетки потными пальцами.

В мемуарах он вспоминал: «Одним из моих ранних испытаний было рытье картофеля у соседа. Он был очень предприимчивым и процветающим фермером. Мне было тогда, вероятно, лет двенадцать. И фермер ежедневно выдавал мне несколько монет. Я откладывал эти маленькие суммы в копилку и вскоре понял, что такие же деньги, которые я могу заработать, копая картошку подряд сто дней, я мог бы получить, не ударив палец о палец, если бы положил в банк пятьдесят долларов лишь за счет процента на вложенную сумму. Открытие это навело меня на мысль, что хорошо бы заставить деньги быть моими рабами, а не наоборот».

Такое признание многого стоит. Двенадцатилетний мальчик постиг выгоду ростовщичества! На всю жизнь будет он потрясен этим открытием и вместе с миллионами долларов передаст его в наследство своим детям и внукам.

Денежный метод воспитания для Америки — штука традиционная.

Не так давно журналистская судьба забросила меня в городишко на Юге Аме-

Сойера

Валентин ЗОРИН

и зелёные доллары

рики, носящий не вполне обычное название — Ганнибал, городишко, где родился, проказничал, выводя из себя милейшую тетью Полли, сорванец Том Сойер

Впрочем, рассказывать о проказах Тома надобности нет, все их отлично помнят. Речь идет о другом. Нынешние отцы города Ганнибала всю используют славу литературы в своих целях. В городе нет промышленности, нет крупной торговли, и поэтому там делают коммерцию на... Томе Сойере, Гекльберри Финне и их друзьях. Приехавшим в город покажут и домик Тома, и проволочные очки тети Полли, и даже потомка ее знаменитого рыжего кота по имени Питер, с которым, как помнят читатели, Том обошелся не совсем почитительно. Что же касается того забора, право красить который так ловко использовал Том, то забор этот и по сей час служит источником наживы, причем такой, по сравнению с которой невинные барыши марктовеновского героя выглядят микроскопическими.

Дело в том, что ежегодно в городе Ганнибале при большом стечении публики, при представителях прессы, радио и телевидения осуществляется всеамериканский «конкурс крашения заборов». На месте, где некогда стоял мифический Томов забор, устанавливают десятки его подобий, и приехавшие отовсюду мальчишки и девчонки состязаются в том, кто быстрее и лучше покрасит свой участок.

Собственно говоря, в самом этом конкурсе нет ничего предосудительного. Он мог быть просто забавным и милым, если бы не одно обстоятельство — коммерческий дух, которым пронизана вся затея. Родители ребят, которые хотят принять участие в конкурсе, должны внести изряд-

ную денежную сумму. И это не говоря уже о том, что надо заплатить за проезд, оставить немалую толику долларов в местных отелях, потратиться на непременно сувениры и тому подобное.

Но и это еще не самое плохое. Том Сойер был человеком сообразительным и оборотистым и свое право водить кистью по забору предоставлял далеко не безвозмездно. Полученная им плата состояла, как известно, из таких ценностей, как огрызок яблока, бумажный змей, дохлая крыса на длинной веревочке, чтобы удобнее было эту крысу вертеть, двенадцать алебастровых шариков, осколок синей бутылки, ключ, который ничего не хотел отпирать, стеклянная пробка от графина, собачий ошейник без собаки, пара головастика и еще несколько, с мальчишеской точки зрения, бесспорных сокровищ.

Но что коммерсантам до этих ребячьих богатств! Бизнес есть бизнес. И ныне в Ганнибале все походит не столько на веселую игру, сколько на азартную биржевую операцию. И змея, и головастика, и оловянных солдатиков заменяют шуршащие зеленые бумажки — доллары. Победители получают денежные призы — сто, семьдесят пять, пятьдесят долларов. И надо видеть, какой алчностью сверкают глаза юных американских граждан, сражающихся за эти отнюдь не романтические зеленые бумажки!

Нет, дело здесь не только в стремлении коммерсантов города Ганнибала нажиться на славе Тома Сойера. Дело и в определенной педагогической задаче — воспитать из маленьких американцев себе подобных. Кто знает, вдруг какой-нибудь из пыхтящих у забора отпрысков богатых родителей окажется новым Рокфеллером!

Новые стихи

Мартинас
ВАЙНИЛАЙТИС

КОРОЛЬ-АИСТ

Скупаешь по сказке?
Вот сказка,— изволь:
Заносчивый аист —
Великий король —
Решил заглянуть на болото:
Лягушек отведать охота.
«Сейчас они,—
С важностью думает он,—
Покорно отвесят
Нижайший поклон:
— Какое вам, Ваше Величество,
Лягушек потребно количество?»
Но страшный квакуны
Вдруг подняли гам:
— Не будет по-прежнему,
дудки!

Почтенья уже
Не питаем к вам, к вам!
И в рот угодить
Не желаем к вам, к вам!
Темно в королевском желудке!
Нас тронете —
Стянем мы с царственных ног
Прекрасную
Красную пару сапог,
Босого прогоним с болота...

Ага, призадумались?!
То-то!

СКАЗКА О СОВИНОМ ЯЙЦЕ

Весна молодая
Звенит-веселится,
Звенит-веселится...
Снеслась на рассвете
И рада совица,
И рада совица.

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.

Гордится яичком
Желанным и милым,
Желанным и милым.

Но ветер пронесся —
Яйцо укатил он,
Яйцо укатил он.

Угнал его, спрятал
За камнем горбатым,
За камнем горбатым.
Но мышка Смилите
Яйчко нашла там,
Яйчко нашла там.

По мху покатила
Проворно и ловко,
Проворно и ловко
И в клеть заката
Смилите-воровка,
Смилите-воровка.

Там в сите дырявом
Укутала сеном,
Укутала сеном —
Высживать стала
Упорно, усердно,
Упорно, усердно.

Когда развернулись
Листочки пшеницы,
Листочки пшеницы,
Стал кто-то в яичке
Пыхтеть и возиться,
Пыхтеть и возиться.

Когда ж завязался
Молоденький колос,
Молоденький колос,
Яйцо затрещало,
И вот — расколосось,
И вот — расколосось!

На части распалось,
И — дивное дело! —
И — дивное дело! —
Летучая мышка
Над ситом взлетела,
Над ситом взлетела!

Застрекотали,
Порхая в тревоге,
Порхая в тревоге,
Над сумрачным бором
Трещотки-сороки,
Трещотки-сороки.

Горюет совица,
Услышав спросонок,
Услышав спросонок:
— Сынок-то совиный —
Крылатый мышонок!
Крылатый мышонок!

Стрекочут сороки
Над соснами бора,
Над соснами бора...
Куда же совице
Бежать от позора,
Бежать от позора?

В дуплице забилась,
От солнца тaitся,
От солнца тaitся.
Задремлет — яйцо ей
Мерещится-снится,
Мерещится-снится.

А к ночи проснется
И в полночь глухую,
И в полночь глухую
Заохает гулко,
О сыне тоскуя,
О сыне тоскуя.

Взлетит и во мраке
Разгневанно рыщет,
Разгневанно рыщет —
Мышей ненавистных,
Обидчицу ищет,
Обидчицу ищет.

Но, юркнув под сито
Проворно и ловко,
Проворно и ловко,
Замрет-затаится
Смилите-воровка,
Смилите-воровка...

Перевел с литовского
С. ПОГОРЕЛОВСКИЙ.

В. БОРОНИН

В июле, когда во всех водоемах полно корма, рыба весьма разборчива в выборе «блюд», предлагаемых ей рыбаками. Но есть насадка, от которой не откажется никакая рыба, как бы сыта она ни была. Ее с жадностью хватает ерш и подлещик, уклейка и подъязок, окунь и плотва.

Не только об этой чудесной насадке мы расскажем сегодня юным рыбакам, но и о многом другом, что полезно знать, отправляясь на рыбалку.

Лакомая насадка

Это личинка бабочки поденки, или, как ее еще называют, метлицы.

Сама бабочка непригодна для насадки на крючок — чересчур нежна. Но ее личинка, маленький беленький червячок, хорошо держится на крючке и не слетает с него, как бы далеко вы ни забросили леску.

Добывают этих червячков у крутых берегов, в глыбах, сорвавшихся с крутояра и скатившихся в воду. Увидите такую глыбу, подходите к ней, отковырните небольшой комок и ищите в нем личинок. Они прячутся в норках-ходах размером в спичечную головку. Выковыривайте их оттуда и кладите в деревянный ящик с влажной марлей на дне.

Добыли десять личинок и начинайте ловить.

На живца

Хищная рыба во все времена года питается мелкой рыбешкой. На нее и надо ловить шук, судаков, сомят, жерехов, головлей.

Поймали на удочку пескарика, сняли осторожно с крючка и опустите его в ведро, наполненное водой. Теперь подготовьте удочку с более крупным крючком и тяжелым грузилом.

Берите пескарика из ведерка и насаживайте на крючок. Делается это так: жало крючка пропускается в нижнюю губу рыбешки и че-

рез ноздрю верхней губы выводится наружу.

Насадил? Забрасывайте живчика подальше от берега, туда, где бьет хищник. Непременно схватит.

Пескарь, конечно, хороший живец, но лучше его ерш. Его обожают щука и судак. Не вздумайте ножницами срезать с него колечки, как это делают многие рыбаки. Лишенный верхнего колючего плавника, ерш ходит в воде вяло и не прельщает хищника.

Кошке на уху

Всем хорошо знакомая картина: юные удильщики расхаживают по берегу со связками рыбы, нанизанной на нитку или веревку (кукан). Придут на новое место и, прежде чем закинуть удочку, сунут кукан в воду.

Пойманная рыба давно уже мертва, от пребывания в воде она лишь портится. Снял с крючка рыбу, и больше она не должна касаться воды. Держи ее в ведерке, корзинке, влажной тряпке, но только не в воде. Лучше всего иметь садок.

Мутная струя

Припоминаю свое детство.

Бывало, летом забредешь с удочкой на песчаную мель, босыми ногами поднимешь со дна грунт, взмутишь воду и таскаешь из нее пескарей и ельцов.

Теперь-то я понимаю, почему рыба идет на мутную воду. Там она находит всевозможных червячков и личинок, поднятых со дна.

МЕГЕРОЧКА*

ШУТОЧНАЯ ПЕДАГОГИКА

Не страшно, что ты немножко поплакала. Послушай человека, который желает тебе добра. Поверь, возможно, я был чересчур резок, но я сказал тебе правду. Истинную правду. Правду, конечно, тоже можно обложить ватой и даже ленточкой перевязать. Например, мальчик вместо того, чтобы обозвать другого «идиотом», мягко так может сказать: «Ты в этом не очень-то понимаешь» Или вместо: «Обманул, украл, воришка несчастный!» — можно сказать: «Эх ты, вот уж не ожидал от тебя!»

Но раз уж я назвал тебя «мегерочкой», никуда не денешься.

Я хочу только объяснить тебе кое-что.

Нет, мальчиков я не защищаю; знаю, они к тебе пристают, надоели. Но ты же первая сказала ему: «Сопляк». А ведь ему тоже двенадцать лет. Почему же, с какой стати «сопляк»? Мальчики этого, должен тебе сказать, терпеть не могут. Мальчик вовсе не мал и не глуп, у него просто другой, особый ум. Ты ему — «сопляк», а он в ответ — «воображала, хвальба, подумай, умнее всех: нос напудрила и воображает, что все так и попадают».

Я говорю (не в назидание, а потому что вижу и знаю), и вовсе не в защиту мальчишек: великолепно понимаю, что они могут приставать. Девочка, видишь ли, быстрее растет. Годика через два или три мальчик ее догонит и перегонит, но сейчас ему не по себе, когда девочка хочет показать, будто она взрослее. И всем она взрослее: и весом, и фигурой, и серьезным видом, а еще и оскорбляет! Обидно!

Ну, сказал я тебе одно-единственное словечко, вот уж беда какая. А ты сразу в слезы, сразу обиделась до смерти, за одно только слово?

Постой: а ты сама? Что ты сказала, и даже не мальчику — девочке? Что ты ей наговорила? И платье-то у нее заношенное, и вкуса-то у нее ни на грош (и у мамы ее тоже). Как только ты ее не честила: «размазня», и «обезьяна из зоопарка», и «коровьи глаза». Ты раззвонила, что она, заметив у тебя шоколадные конфеты, сразу притворилась лучшей твоей подружкой. Назвала ее «притворой с кривыми ногами». Смеялась, что в баскетбол играет она ужасно, у нее не руки, а деревяшки, наболтала, что она воображает себя поэтессой, чтобы за ней мальчишки бе-

гали. Ты будто бы узнала от подружек, что она все контрольные списывает, газет совсем не понимает и, как псих, сама с собой разговаривает

А ведь это неправда! Вовсе не разговаривает, а повторяет стихи для спектакля, у нее роль!

Ты стройна, хорошо сложена, тебя выбрали преподнести букет, а ты (не отрекайся) заявила, что несогласна выступать со всякой мелкотой. Значит, и малыши на тебя в обиде.

Я не затем все это говорю, чтобы тебя обвинить, мне лишь хочется оправдаться за то одно словечко, очень хочется, чтобы ты меня простила. Знаешь: где обе стороны хотят добра, там все хорошо кончается.

Я, например, если рассержусь на мальчишку (потому что обязан), тут же заявляю: «Сержусь на тебя до обеда или до ужина». Или, если чересчур разозлюсь, — «до завтрашнего дня». И не разговариваю! Приходит он с товарищем и спрашивает: «Можно взять мяч?» А я его приятелю: «Скажи ему, что можно, но чтобы не пинался». Парень говорит: «Ладно». Но я в ссоре и не слушаю, спрашиваю товарища: «Что он сказал?» Сказал: «Ладно». «Ну, тогда все в порядке».

В моей, так сказать, педагогической аптеке различные средства: от спокойного ворчания через строгое слово до сильнодействующего отчитывания. Я основательно разработал эту свою фармакологию. Иногда достаточно покачать головой: «Не делай этого». Или сказать просто: «Ну, и зачем это тебе понадобилось?» А он уже и раскраснелся и даже в слезы, еще и утешать придется.

Но иногда надо обратиться к баночке с крепкими выражениями и оборотами. Я заметил, если постоянно употреблять одни и те же слова, эффект слабеет. Например, «вертихвостка» не оказывает магического действия. Наоборот, раздражает: как можно вертеть хвостом, которого нет? Совсем другое дело, если я заорю: «Ах ты, перпетуум-мобиле!» Чтобы избежать монотонности, я обновляю репертуар, обращаясь то к орнитологии, то к музыковедению. Никогда не знаешь, что поможет.

Был у меня один озорник. Ничем его не проймешь. Бывало, сыплю существительные — хоть бы хны. И вот однажды: «Ах ты, эф-дур!» Так он после этого тише воды, ниже травы... На одних действуют

* Мегера — у древних греков богиня мщения. Этим именем нередко называют злою и вредин.

«Храбрые портняжки» отвечают на письма

Дорогой «Пионер»! Мы полюбили твой отдел «Лабарые портняжки». Мы очень просим «Храбрых портняжек» выполнить нашу просьбу. Для летних походов мы хотим шить шорты, но у нас нет выкройки. Помогите нам.

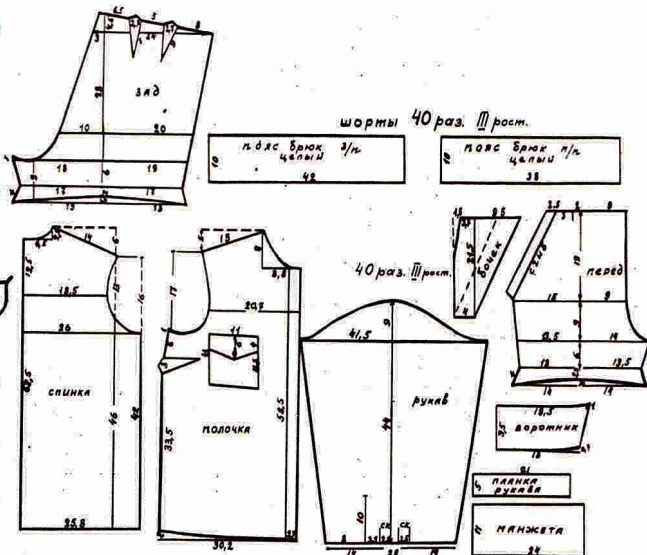
Оля АНТОШКИНА, Галя ГАЙДУН, Роза САГДАТОВА,
Ира КАРПУХИНА, Таня УТОЧКИНА, Аня АКБАШЕ-
ВА, Таня КРУППА и еще семь человек,
Башкирская АССР, ст. Шафраново.

Здравствуйте, «Храбрые портняжки»! Во втором номере «Пионера» вы раскрыли нам секрет четырех платьев. Платья нам понравились. А теперь нам хочется (и всем девочкам из нашего класса) шить шорты и кофточку для похода. Большое спасибо вам, «Храбрые портняжки», за помощь и за советы.

Лена ЧЕРНОВА, Ира ТЮШ, Надя ЧАЙКА,
Галя КОРНЕВА, г. Алма-Ата.

«Храбрые портняжки» получили 357 писем от девочек, которые хотят шить шорты и кофточку для летних походов. Художник-модельер Ирина Георгиевна НАДГОРНАЯ помогла «Храбрым портняжкам» выполнить эту просьбу. Кофточку и шорты лучше шить из одинаковой ткани — хлопчатобумажной или льняной, в клеточку или в полосочку, с пестрым рисунком или вовсе без рисунка — как тебе больше нравится.

Для тех девочек, которые любят играть в куклы и хотят шить для кукол («Храбрые портняжки» получили от них 163 письма), этот рисунок.

длинные слова, на других — короткие. Наибольший эффект, если в слове есть буква «р». Немецкое «доннерветтер» действует весьма и весьма сильно. Или историко-политическая брань — варвар, вандал, инк-

визитор, диктатор, Гит... (нет-нет!), Наполеон этакий — иногда помогает. Для большей силы хорошо добавить приставку «экстра» или «архи».

Я не говорю: «лентяй», «осел». Считаю,

что это уже обида. «Нюня» — тоже не годится. Ведь когда ребенок плачет (не кричит, не скандалит), он нуждается в сочувствии и помощи.

Ты обиделась на меня. В твоих слезах и гнев и болезненное самолюбие — противоречивые чувства. А мне это неприятно, мне хочется тебя убедить, что на фоне всех моих громов и молний то словечко было почти невинным...

Но расскажу еще. Мне спать хочется, а у мальчишки, как назло, игра в поезд, в войну, в полицейских и воров. Ну уж нет! Останавливаю его и говорю: «Ты нескончаемое испытание моего терпения, некролог драгоценного моего покоя и свободы...» Понял как-то по-своему и говорит: «Ладно уж, сейчас кубики соберу».

Или девчонка надела мою шляпу и пальто, взяла в руки мой зонт, изображает балерину. И я говорю: «Ах, как мы фотогеничны! Экстразвезда архифильма...» Она обиделась (тоже смертельно), что-то такое пробормотала, кажется, «ни капельки не любит, вечно сердится...».

А как же. Неужели постоянно твердить: послушная, непослушная?

Всякий опытный врач знает: не вредить и терпеливо ждать. И никогда не говорить, что ребенок неисправим и ничего из него не получится. Напротив, всегда утверждать, что все будет хорошо, что сейчас — временные затруднения, скорее недоразумения: это все выправится, в будущем все будет великолепно.

Когда же на самом деле ко мне приходит отчаяние — ну ни туда ни сюда, — я говорю, что он озорник в сороковой степени. Заявляю: «К пятидесяти годам ты обязательно справишься».

Я никогда не говорю: «Сто раз тебе повторять?» Сто раз — и неточно и скучно. Он в ответ: «Вовсе не сто». И правильно. Я говорю так: «Ведь говорил тебе и в понедельник, и в среду, и в субботу...» Как видишь, добиваюсь одновременно двух результатов: побуждаю к волевым усилиям и обучаю названиям дней.

Или говорят: «Упрямец». Нет лучше: «Ах ты, негативист, ты вотум сепаратум, ты либерум вето».

А он потом: «Что значит «негативист», «либерум вето», «вотум сепаратум»?»

...И с тобой тоже у меня сорвалось. Ты вырастешь умной, деятельной, и семью свою поведешь правильно и разумно, и в любой работе проявишь себя умело и активно, и поэтому именно я тебя назвал пока уменьшительно, ласково, что ты, со знайся честно, что ты мегерочка.

*

Каждый класс, двор имеет свою мегерочку. Осторожно: у этих маленьких хищниц есть коготки!

ПЕШКИН ОТПРАВЛЯЕТСЯ В ПУТЕШЕСТВИЕ

Пешкин получил письмо из тридевятой школы. Ребята звали его к себе, в пионерский лагерь.

Пешкин быстро собрался, снарядил свою ладью и на всех парусах пустился в путь. Его ладья мчалась по многим вертикалям и диагоналям, но на лунке e4 Пешкин не рассчитал, и ладью вынесло в бурное шахматное море.

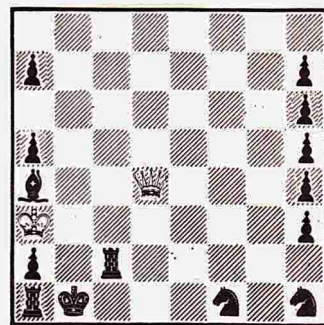
На счастье, вскоре показался Остров шахматных бурь. Как только Пешкин ступил на берег, его окружили жители острова — пешкоеды.

— Отвечай: кто ты, чужеземец, и куда путь держишь?

— К ребятам в лагерь плыву, — ответил Пешкин, — да вот с дороги сбился. Они там ждут меня, а я к вам попал...

— Это можно поправить, — сказал черный король, самый главный пешкоед. — Вот я задам тебе задачу, решишь ее, и мы покажем тебе дорогу, не решишь — пеняй на себя...

Королевские слуги принесли шахматную доску А, на ней такая позиция.

Рисунки Н. ДОБРОХОТОВОЙ.

В СТРАНЕ ШАХА-ВЛАДЫКИ ЧЕРНЫХ И БЕЛЫХ ПОЛЕЙ

Все пешки белых съедены пешкоедами. Черным-черно на доске от вражеской силы. Одно утешение у белых: сейчас их ход.

— Ну, как оцениваешь позицию? — спрашивает черный король Пешкина.

Пешкин задумался. Смотрит он на доску: черный король зарвался, тесно ему, свои же фигуры и пешки мешают.

— Берусь выиграть белыми! — радостно воскликнул Пешкин. И объявил мат черному королю в сто тридцать ходов.

Пешкоеды засуетились, зашумели: не может такого быть...

И вот началось сражение.

1. Фd1 + Лс1 2. Фd3 + Лс2 (Конечно, черные закрылись от шаха не слонем, тогда к мату в два хода привело бы 3. Фb5). 3. Ф:f1 + Лс1 4. Фd3 + Лс2 5. Фd1 + Лс1.

— Видишь, чужеземец, ничья получается, — сказал главный пешкоед, — придется тебе у нас остаться...

коньями расстаться, а выхода из западни все равно нет.

12. Лс2 13. Фd1 Лс1 14. Фd3 + Лс2 15. Фе4!

Здорово это Пешкин придумал! Королем черным не двинуться из-за мата. Плохо и 15... Сb3 — тогда к разгрому ведет 16. Фе1 + Лс1 17. Фd2 Лс2 18. Фd1 Лс1 19. Ф : b3. Приходится черным делать ход пешкой.

А белые снова повторили свой коварный маневр — дали шах на e1, потом поставили ферзя на d2 и снова дали шах, но уже на d1, а после шаха на d3 опять заняли ферзем ключевую позицию на e4.

Атака развивалась стремительно, и на сто тридцатом ходу черный король получил мат!

Пешкоедам, хочешь не хочешь, пришлось выполнить свое обещание. Они проводили Пешкина с почетом.

А вы, ребята, сумеете ли завершить атаку, вырвавшую Пешкина из беды?

Пешкин наградит «Грамотой ферзя и ладьи» тех из вас, кто доведет до конца наступление белых.

Но Пешкин не согласился с Володей.

Как вы считаете, ребята, верно ли рассудил Володя?

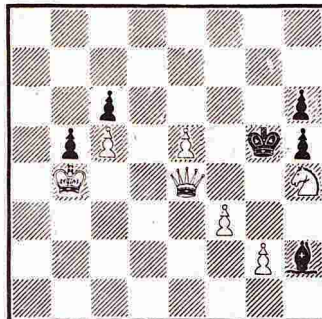
Разберите внимательно вариант, который показал Пешкин участникам первенства.

1. Краб! Кре2 2. Сb5 + Крf2 3. Сb6 + Крf3 4. Се8! d1Ф 5. Ch5 + и белые выигрывают.

Есть ли у белых пути к победе и при других отступлениях черного короля?

ПОСЛЕДНЕЕ ЗАДАНИЕ КОНКУРСА

Сейчас ход белых, и они в три хода дают мат черному королю.

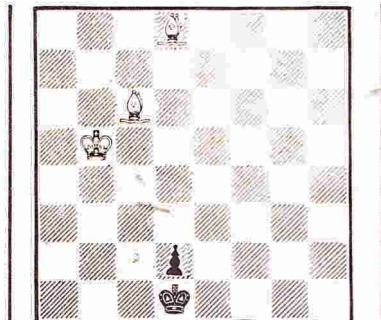

В ПИОНЕРСКОМ ЛАГЕРЕ

Наконец, после опасных приключений Пешкин прибыл в пионерский лагерь и попал прямо на шахматный турнир.

Ребята проводили турнир по всем правилам: вели игру по расписанию, результаты отмечали в таблице. Пешкин посоветовал ребятам сразу же отправить таблицу в местный Комитет по физкультуре и спорту для оформления спортивных разрядов. И все новички, набравшие половину возможных очков, получили четвертый разряд.

Шахматисты попросили Пешкина помочь им в анализе позиции, которую вы здесь видите. Володя Солнцев, игравший белыми, вдруг согласился на ничью.

— Пешка черных вот-вот станет ферзем, за нее придется отдать слона, а дальше белым уже нечего делать — грустно сказал он.

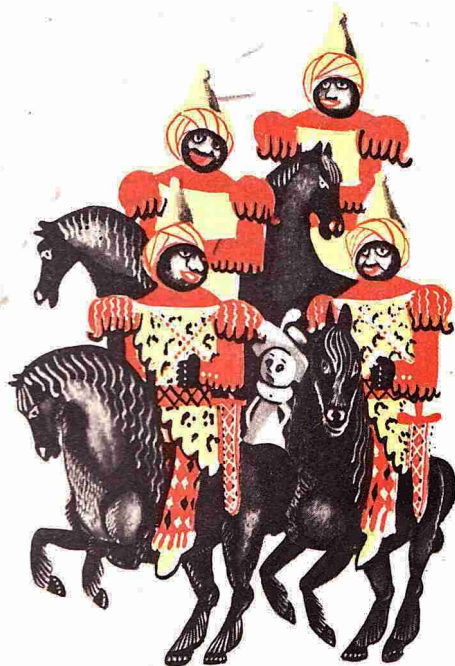

— Далек еще до ничьей, — ответил Пешкин и сделал ход: 6. Фd2!

Как теперь играть черным? Мат грозит на b2, а если 6... Сс2, то 7. Фс3, и черному королю несдобровать. Снова пришлось ладью на с2 поставить.

6... Лс2 7. Фе1 + Лс1 8. Фе4 + Лс2 9. Ф : h1 + Лс1 10. Фе4 + Лс2 11. Фе1 + Лс1 12. Фd2.

Черным пришлось уже с двумя

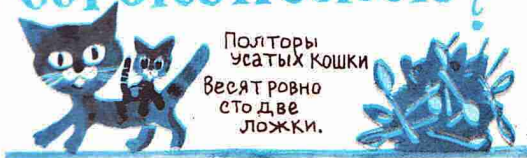

СКОЛЬКО ЁЖИК СЪЕЛ СОРОКОНОЖЕК?

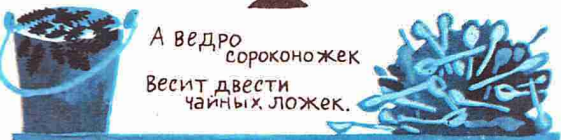
ЛЕТНЕЕ ЗАДАНИЕ

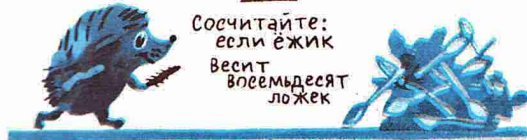
Вместе с кошкой
весит ёжик
Полведра
сороконожек.

Полторы
усатых кошки
всят ровно
сто две
ложки.

А ведро
сороконожек
весит двести
чайных ложек.

Сосчитайте:
если ёжик
весит
восемьдесят
ложек

Значит, сколько этот ёжик съел в обед сороконожек?

Ответственный дежурный
Никита РАЗГОВОРОВ.
Рисунки А. БОРИСОВА.

ОРБИТЕ

А К ИГРЕ НУЖНО ПОДГОТОВИТЬСЯ.
ПРИ ПАРАМЛЕПИДЕА, РАЗМЕ -
ИВО НАПИШИТЕ ЦИФРЫ 2, 4, 5 и 6.

Если во время предыдущего своего хода вы добились «стыковки», а при новом ходе на ваших кубиках оказались выброшенными две пятерки или две шестерки, то вы получаете право передвинуть каждый из стыкованных кораблей на десять или двенадцать полей, а потом уже распределить между кораблями очко третьего кубика.

Если вы распределите очки так, что ваш корабль окажется на том же поле, что и корабль противника, тогда его корабль должен вернуться на свой «космодром», и противник вынужден начать игру сначала.

Если же вы займете поля, где находятся стыкованные корабли, то они все равно продолжают свой полет. В этом еще одно преимущество «стыковки».

Вернувшись считается каждый корабль, который может после нового распределения очков оказаться на одном из полей своего «космодрома», за исключением поля, совпадающего с орбитой.

Если же у вас выпадает такое количество очков, при котором уже возвращающийся на «космодром» корабль, долетев до поля 1, вдруг должен вернуться назад и в результате снова оказаться за пределами «космодрома», тогда при следующем ходе он должен повторить попытку приземлиться, начиная ее с того поля, где он оказался.

Игра «На космической орбите» очень увлекательная. Вы в этом убедитесь, когда твердо запомните ее правила. Она требует находчивости, сообразительности, умения принимать правильное решение в обстановке, которая все время меняется. И, разумеется, каждому игроку совсем не мешает небольшая толика воображения, чуть-чуть фантазии, немного выдумки, и уж тогда путешествие по космическим трассам получится на славу.

Счастливого полета!

ОТВЕТЫ № 6

ИГРЫ ДЕДА БУКВОЕДА

Атнемот и аклеввин

Если переставить буквы в слове «аклеввин», получится слово «клевесин», а потом вот что: василек, свекла, леска, елка, лак, ка, а. Из слова «атнемот» вот что получается: отметка, комета, макет, кета, акт, та, а.

ЛЕТНЕЕ ЗАДАНИЕ

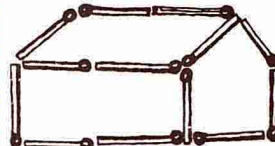
Сколько весит мальчик Пат? Мальчик Пат весит столько же, сколько 2 черно-пегих поросенка.

СОВРАЛ ЛИ БАРОН МЮНХАУЗЕН?

Конечно, соврал. Для того, чтобы набрать 100 очков, потребуется сделать шесть выстрелов в мишень с цифрами: 17, 17, 17, 17, 16, 16.

ОСТОРОЖНО! ИГРАЕМ СО СПИЧКАМИ

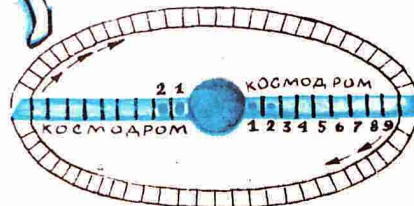
Вот как нужно переложить спички:

ЭКЗАМЕН ПРИНИМАЕТ КОНАН-ДОЙЛЬ

Похищенные офорты Рембрандта

Похититель — сотрудник, изображенный на 2-м рисунке вторым справа. Ему достаточно надеть очки и шляпу, чтобы стать очень похожим на директора и переехать границу, воспользовавшись похищенными документами.

Вода,
вода...

В июльскую жару где вода, там и ребята. Иных не оттащишь: весь день у воды. (Ты не из таких?) Говорят, голь на выдумки хитра. Пожалуй, это и о купальщиках сказано. Читай и заглядывая на заднюю обложку.

КОРАБЛИК «ВЕРТУШКА»

Везде, где купаются ребята, на воду спущены автомобильные камеры. Просто камеры — хорошо, а кораблик «Вертушка» — лучше.

Посмотри на рисунок, все поймешь. К деревянной крестовине приколачиваем сверху и снизу фанерные диски. Между ними камера. В дисках проделаем отверстие. Для чего? Чтобы вода не собиралась ни на палубе, ни в трюмах. «Вертушка» готова. А если к нижнему диску мы приделаем киль, получится уже не «вертушка», а судно, годное для гонок. Вот как.

ВОДЯНОЙ ТИП

Кто не кидал плоских камешков по воде и не считал, сколько раз они подпрыгнут? А что, если сбить из деревянных рамок мишень? И попытаться, у кого бросок будет и ловким и точным? Мишень мы укрепим на воде с помощью двух якорей — консервных банок, набитых камнями. Вместо камешков будем пользоваться кружочками из дерева или фанеры.

Деревянная рама делит мишень на сектора. Попал в треугольник — шесть очков, в центральную часть — пять и четыре очка — словом, как указано на рисунке.

Если кружок упал на раму — ничего не получаешь, пролетел мимо — долой одно очко. Вот и все правила. А можно придумать свои собственные.

ЯХТА «ВЕТЕР»

Что такое яхта «Ветер»? Это доска, длиной 2,5—3 метра. Чтобы она лучше рассекала воду, спереди ее чуть сужают, а сзади на корме приспособливают руль.

Можно сделать яхту и из деревянного каркаса и обшить фанерой. Тогда грузоподъемность ее будет побольше, но ее и делать потруднее. Ближе к носу устанавливают мачту. К мачте крепят паруса. Они и делают яхту яхтой. Парус изготавливают из хлопчатобумажной ткани.

Про гонки «читателей» и соревнования «ветродуев» (смотри четвертую страницу обложки) можно особо и не рассказывать. Тут и так все ясно. В одном случае победят те, кто выйдет из воды с сухой газетой, в другом — кто быстрее пригонит свой кораблик к финишу.

Самсон ГЛАЗЕР, мастер спорта

СОДЕРЖАНИЕ

Ключ к номеру	1
Жизнь Ленина. — Повесть М. Прилежаевой. Репродукции с рисунков О. Верейского, выполненные Е. Леоновым	2
Кораблик «Орленок». — Фото В. Шустова. Рисунок И. Галанина	12
Радиостанция «Здравствуй!»	14
Ко мне, мушкетеры! — Рассказ юнкоров отряда «Каравелла». Рисунки Е. Медведева	16
Конь отца. — Стихи А. Даганова. Перевел с аварского О. Дмитриев. Рисунок И. Галанина	21
Зверек. — Научно-фантастический рассказ С. Гансовского. Рисунки П. Багина	22
Ласточка. — Стихи А. Кушнера	33
Моя стель. Дом-пароход. — Стихи Ю. Смирнова. Рисунки Н. Доброхотовой	33
Поэтическая география	
Разноцветная Супутинка. — Ф. Штильмарк. Фото автора, Б. Мамаева, А. Бохонова	34
По морям вокруг земли. — С. Сахарнов. Рисунки Э. Бенъяминсона и В. Кыштымова	38
В театр, жители Лондона! — И. Уварова. Рисунки И. Галанина	40
Мальчишки рисуют сражения	47
Битва на Кулиновом поле. — А. Митяев. Рисунки Н. Доброхотовой	49
Первый медведь Ваньки-Акмета. — Рассказ В. Измайлова. Рисунки С. Трофимова.	54
Почему и отчего	57
Фонарик	
Наши премьеры. — Л. Матвеева. Фото А. Лехмуса	58
Приключения Гомера Прайса. — Главы из повести Р. Макклоски. Окончание. Перевел с английского Ю. Хазанов. Рисунки Е. Медведева	62
Забор Тома Сойера и зеленые доллары. — В. Зорин. Рисунки А. Борисова	70
Король-Аист. Сказка о свином яйце. — Стихи М. Вайнилайтиса. Перевел с литовского С. Погореловский	72
Окуни илюют! — В. Боронин. Рисунок А. Борисова	73
Мегерочка. — Я. Корчак. Перевела с польского Е. Мойтлис	74
Храбрые портняжки. — И. Надгорная. Рисунки Е. Стариковой	75
В стране шаха — владыки черных и белых полей. — Международный мастер М. Юдович. Рисунки Н. Доброхотовой	76
Ума палата. — Ответственный дежурный Н. Разговоров. Рисунки А. Борисова	78
Вода, вода... — С. Глязер. Рисунки Н. Доброхотовой.	80
На обложке:	
Море, небо — это «Орленок». Рисунок И. Галанина.	

Главный редактор **Н. В. ИЛЬИНА.**

Художественный редактор
С. Ю. Сахарова.

Редакционная коллегия:
Т. В. Голубцова, В. А. Каверин, Л. А. Кассиль, Е. Л. Коваленко (ответственный секретарь), Ф. В. Лемкуль, В. Ф. Матвеев (заместитель главного редактора), А. И. Мошковский, А. И. Мусатов, А. С. Некрасов, В. И. Орлов, В. А. Поддубная, М. П. Прилежаева.

Адрес редакции: Москва, А-15,
Бумажный проезд, 14. 11-й этаж.
Телефон 253-30-73.

Рукописи не возвращаются.

Технический редактор **В. Назарова.**

А 00124. Подписано к печати 4/VI 1969 г.
Формат бумаги 84×60¹/₈. Объем 9,33 усл. печ. л.
11,24 учетно-изд. л. Тираж 1 115 000 экз. Изд. № 1192.
Заказ № 1686.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Невероятные события в пионерлагере «Орленок»

1. — Гляди, у них праздник и флаги! — Вот где запасемся фруктами и овоща...

2. — Какими там «щами»? Тут дождь и уныние! — Наберите пока пресную воду, а я подумаю, — сказал Смехотрон.

3. — Дождик, дождик, перестань! — печально заклинали неподалеку.

4. И тут раздался: лай — раз, грохот чего-то медного — два, вопли бедного повара — три. Вместе они предвещали приятное...

5. Все тепло Смехотрона и свет отразились и засияли с такой силой, что дождь испарялся на лету, высохли лужи, заплясали ребята.

6. Быстро подросли деревья, травы, и даже некоторые из ребят вытянулись и так окрепли, что одной рукой поднимают яблоко!

7. Погрузив провизию, рабля снова отправился в море.

Цена 25 коп.
Индекс 70694

35

